

Ирина
Винокурова

Нина Берберова

известная
и неизвестная

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

Филология

Современная западная русистика /
Contemporary Western Rusistika

Ирина Винокурова

**Нина Берберова,
известная и неизвестная**

«Библиороссика»

2022

УДК 82:316.3
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Винокурова И.

Нина Берберова, известная и неизвестная / И. Винокурова —
«Библиороссика», 2022 — (Современная западная русистика /
Contemporary Western Rusistika)

ISBN 978-5-907532-69-4

Эта книга — первая биография Нины Берберовой. В результате многолетней работы в архивах автору удалось расшифровать наиболее важные из немалого числа «умолчаний» (по слову самой Берберовой), неизбежно интриговавших читателей ее автобиографического труда «Курсив мой». Особое внимание автор уделяет оставшимся за рамками повествования четырем десятилетиям жизни Берберовой в Америке, крайне насыщенным и в личном, и в профессиональном планах.

УДК 82:316.3
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907532-69-4

© Винокурова И., 2022
© Библиороссика, 2022

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Часть I	9
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	59
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ирина Винокурова

Нина Берберова: известная и неизвестная

От автора

Считаю своим приятным долгом принести благодарность коллегам, чей доброжелательный интерес к задуманной мною книге, чьи замечания, советы, а порой и готовность поделиться еще неопубликованными материалами были для меня существенной поддержкой и помощью на разных этапах работы над рукописью. Перечисляя имена в алфавитном порядке, спешу назвать А. Ю. Арьева (Санкт-Петербург), Л. Г. Беспалову (Москва), О. Р. Демидову (Санкт-Петербург), Н. М. Первухину (Ноксвилл, США), А. А. Пурина (Санкт-Петербург), И. Н. Толстого (Прага), В. И. Хазана (Иерусалим, Израиль), В. Л. Шохину (Москва).

Хочу также выразить самую искреннюю признательность двум близким Берберовой людям, находившимся рядом с нею на протяжении тридцати с лишним лет: Мурлу Баркеру и Рональду Миллеру (Сиэтл, США). Мурл Баркер, бывший студент Берберовой в Йеле, ставший со временем ее как бы приемным сыном и прямым наследником, с исключительной щедростью дал мне доступ к фотографиям из своего архива, а его пожизненный партнер Рональд Миллер, взявший на себя всю нашу переписку, сопроводил фотографии подробными и крайне полезными комментариями. Должна принести сердечную благодарность двум известным мастерам художественной фотографии: Софи Бассулс (Париж) и Марианне Волковой (Нью-Йорк), разрешившим безвозмездно использовать в книге сделанные ими фото-портреты. Не могу не сказать спасибо и Лизон Дюбрей (Монреаль, Канада), автору романа из жизни Берберовой, предпринявшей путешествие по связанным с нашей общей героиней местам и любезно предоставившей мне свои фотографии.

Кроме того, должна высказать признательность Роману Кацману (Иерусалим, Израиль), который «сосватал» мою рукопись в издательство Academic Studies Press, а также всем сотрудникам этого издательства, непосредственно причастным к превращению рукописи в книгу.

И, наконец, хочу отметить вклад моих подруг – Ксении Шерговой, Екатерины Вигман и Ирины Иониной, внимательно прочитавших рукопись и внесших важные поправки и предложения. И, конечно, эта книга не была бы написана без участия моего мужа, Александра Колчинского, неизменного спутника в скитаниях по архивам и безотказного помощника в оседлой жизни.

Ряд фрагментов книги восходят к опубликованным ранее журнальным статьям: Винокурова И. «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?..»: Нина Берберова и Симона де Бовуар // Вопросы литературы. 2012, № 2. С. 295–336; Винокурова И. Набоков и Берберова // Вопросы литературы. 2013, № 3. С. 115–171; Винокурова И. «Здесь, в Америке, были мною встречены люди, о которых говорить еще не время...»: Нина Берберова и Роберт Оппенгеймер // Вопросы литературы. 2014, № 2. С. 13–37; Винокурова И. «Камер-фурьерский журнал» Нины Берберовой // Звезда. 2014, № 8. С. 200–214; Винокурова И. «Курсив мой» в англоязычном мире, или Приключения «Италиков» // Звезда. 2016, № 4. С. 195–229; Винокурова И. «Не могу себе представить, чтобы книга не вышла по-русски...» // Знамя. 2017, № 12. С. 124–148; Винокурова И. Нина Берберова и третья волна эмиграции // Звезда. 2018, №10. С. 146–191; Винокурова И. Неоконченные споры: Еще раз о «деле» Нины Берберовой // Звезда. 2019, № 8. С. 162–176; Винокурова И. «Люди, о которых говорить еще не время...»: Нина Берберова и Луи Фишер // Звезда. 2020, № 4. С. 115–149; Винокурова И. Нина Берберова: Труды и дни по дневникам и письмам (середина 1930-х – середина 1960-х) // Звезда. 2021, № 8. С. 157–195.

Предисловие

Имя Нины Берберовой я знала примерно с конца 1960-х, когда мне в руки попала трудно-доступная в Советском Союзе книга – «Собрание стихов» Владислава Ходасевича. Этот сборник, вышедший на Западе в 1961 году, составила Берберова, однако то, что она была не только женой Ходасевича, но и сама писала стихи и прозу, я обнаружила существенно позднее, в конце 1970-х, прочитав «Курсив мой», контрабандой доставленный из-за границы. Книга произвела на меня очень сильное впечатление.

Не меньшее впечатление произвела на меня и личная встреча с Берберовой, когда она появилась в Москве в сентябре 1989 года. Ясность ее памяти, острота ума, живость реакции не могли не поразить, равно как подтянутость и легкость походки, неожиданная в восемьдесят восемь лет.

К моменту ее приезда в Москву между мной и Берберовой уже шла переписка, возникшая на деловой почве. Работая в то время в журнале «Октябрь», я была редактором первой публикации «Курсива» в России, и моя задача была весьма деликатной. Я должна была выбрать такие фрагменты книги, которые были бы особенно интересны для наших читателей, почти ничего не знавших даже о самых знаменитых литераторах-эмигрантах, и сделать из этих фрагментов так называемый журнальный вариант. Эта публикация, включившая больше сотни страниц из первых глав «Курсива», появилась в 1988 году в трех номерах «Октября». Берберова, к моей радости, осталась ею довольна. Это определило тональность наших дальнейших отношений.

Берберова прилетела в Россию на две недели, и, как только самолет приземлился а Шереметьево, ее сразу окружила толпа почитателей. А потому наша первая «настоящая» встреча произошла через несколько часов – в гостинице «Украина», где Берберова остановилась в Москве.

Московское расписание Берберовой было исключительно напряженным: ежедневные выступления перед малыми и большими аудиториями, многочисленные интервью и встречи. Но мы – по настоянию Берберовой – виделись каждое утро: решали, какие отрывки «Курсива» она будет читать на своих выступлениях, пытались предугадать, о чем ее могут спросить из зала. Через несколько дней, 10 сентября, Берберова написала мне на сборнике своих стихотворений: «Эта книга – для Иры, которую я люблю, ценю и которой я благодарна за ее помощь в моей бурной московской жизни»¹.

Однажды, когда в наших ежеутренних разговорах образовалась пауза, я решила задать Берберовой несколько вопросов. Стараясь не затрагивать наиболее скользкие темы (а что такие имелись, мне было известно), я попросила ее прояснить ряд давно интриговавших меня моментов «Курсива». Берберова старалась держаться ласково, но отвечала уклончиво, а иногда, как я потом обнаружила, не совсем правдиво.

Я тогда же записала все сказанное ею, хотя не думала в то время, что это когда-нибудь пригодится мне в работе. Заниматься Берберовой профессионально я совершенно не собиралась.

Что же побудило меня взяться за эту задачу через двадцать с лишним лет? Во-первых, стремление прояснить наконец те вопросы, на которые я, как и другие читатели «Курсива», по-прежнему не получила ответа. Речь идет в основном о многочисленных «умолчаниях», в наличии которых Берберова призналась в «Курсиве» сама. Во-вторых, меня (и, конечно, не

¹ Архив И. Е. Винокуровой. В тот же день Берберова сделала на имевшемся у меня экземпляре «Собрание стихов» Ходасевича такую надпись: «Милой и дорогой Ирочке от (полной к ней нежных чувств) Нины» (Ibid.).

только меня²) смущало ощущение некоторой «заданности» автобиографического «я», возникшее после чтения (и особенно перечитывания) «Курсива». Все это вызывало желание понять, что же представляла собою Берберова, так сказать, без глянца.

Конечно, со времени публикации «Курсива» на Западе, а затем и в России о Берберовой появилось немало содержательных статей, где обсуждались различные аспекты ее творчества, а отчасти и биографии³. Во Франции вышла и целая монография «Мир Нины Берберовой», написанная Идой Юнкер, исследовательницей российского происхождения, уже много лет живущей в Париже [Junker 2012].

Добросовестно учитывая публикации своих предшественников, Юнкер делает упор на творчество Берберовой, начиная с самых ранних ее работ и кончая последними. Что же касается биографии, то все сведения о жизни Берберовой в России, во Франции, а затем и в Америке Юнкер берет в основном из «Курсива». Неудивительно, что американские годы Берберовой, о которых в ее книге говорится крайне скупо, почти полностью остаются за кадром.

Между тем Берберова провела в Америке сорок с лишним лет, достигла впечатляющих высот, встретила немало интересных людей, но обсуждение всех этих тем, как она прямо сказала в «Курсиве», оставила на будущее. А когда Берберова собралась наконец развернуть эти темы, написав продолжение автобиографии, ей помешали другие дела. Выполнение этой задачи она как бы возложила на своих будущих биографов.

А потому я решила сосредоточить внимание на американском периоде жизни Берберовой: с осени 1950 года, когда она приплыла на пароходе в Нью-Йорк, и вплоть до ее кончины осенью 1993-го в Филадельфии⁴.

События 1910–1920-х я упоминаю только мимоходом, но 1930–1940-е годы обсуждаю гораздо более подробно, хотя тоже выборочно, практически не затрагивая становление Берберовой как литератора, интенсивно шедшее в это время. В своем решении я исходила из того, что довоенное творчество Берберовой уже получило определенное освещение в рецензиях критиков первой волны эмиграции, исправно откликаясь на все ее новые вещи, а также в работах позднейших исследователей, включая Иду Юнкер.

Однако на протяжении тех же 1930–1940-х в личной жизни Берберовой произошли важнейшие перемены, о которых по-прежнему было практически ничего не известно. В «Курсиве» о них говорится или очень кратко, или обиняками, или не говорится вообще. Именно на этих событиях, опираясь на сохранившиеся в архивах материалы, я фокусируюсь в первых двух главах книги.

И наконец, хочу сказать несколько слов о ее композиции в целом. Книга состоит из двух частей, в первой из которых прослежены «дни и труды» Берберовой, тогда как вторую составляют сюжеты, требующие отдельного и подробного разговора.

Среди этих сюжетов – история написания, публикации и рецепции «Курсива» на английском и на русском, рассказ о встреченных Берберовой в Америке людях, о которых она собиралась написать в продолжении автобиографии, а также обсуждение ее обширных контактов с «лучшими людьми» (по слову Довлатова) третьей волны эмиграции, включая самых знаменитых. Еще одну главу я решила посвятить истории отношений Берберовой и Набокова, достаточно тесных на протяжении 1930-х и получивших, как я пытаюсь показать, определенное отражение в двух набоковских вещах – в рассказе «Весна в Фиальте» (1936) и в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1938–1939). А в последней главе я обсуждаю один из самых болезненных моментов биографии Берберовой: ее настроения и поступки во время оккупа-

² См., в частности, [Гинзбург 2002: 273].

³ См. [Fraser 1996: 17–63; Будницкий 1999; Ронен 2001; Peterson 2001; Kalb 2001; Шпраер 2010; Frank 2018].

⁴ Этой темы кратко коснулась О. Демидова, но довела повествование лишь до 1960 года. См. [Демидова 2007].

ции Франции. Вернуться к этой теме, уже не раз обсужденной другими исследователями, меня побудили обнаруженные мною документы, корректирующие наши прежние представления.

Чтобы написать эту книгу, мне пришлось провести в архивах не один месяц. Больше всего времени, естественно, ушло на архивы Берберовой в библиотеке Бейнеке в Йеле и в Институте Гувера в Стэнфорде. Вдобавок мне казалось необходимым просмотреть архивы ее корреспондентов, а также иных из ее друзей и недругов, хранящиеся в Институте Гувера, в библиотеке Конгресса, в библиотеке Мадда в Принстоне, в Бахметевском архиве Колумбийского университета и в архиве Иллинойского университета в Урбане-Шампейне.

В заключение не могу не рассказать о сюрпризе, который ждал меня в архиве Берберовой в Бейнеке. В папке, на которой стояла моя фамилия, я нашла очень теплое письмо, написанное Берберовой уже после ее возвращения из Москвы, но почему-то оставшееся неотправленным⁵. Это случилось в один из моих первых визитов в Йель, но я уже знала, что подобные вещи были не в характере Берберовой: она не бралась за письмо, если не собиралась его отправить, и уж точно не оставляла в архиве. Конечно, поездка в Россию надолго выбила Берберову из колеи, и она могла отступить – и, очевидно, отступала – от этого правила. И все же было трудно не поддаться соблазну (разумеется, в шутку) расценить сохранившееся в архиве послание как некий ободряющий знак. Правда, я не думаю, что, будь Нина Николаевна жива, иные обнаруженные мною факты, а также построенные на этих фактах догадки ее бы обрадовали. Но тут уж я поделаться ничего не могу.

⁵ Без даты. Судя по контексту, начало января 1990 года. См.: Nina Berberova Papers. MSS 182. B. 51. F. 1156; Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. B. 21. F. 604.

Часть I

ТРУДЫ И ДНИ ПО ДНЕВНИКАМ И ПИСЬМАМ

Как известно, профессиональные литераторы нередко считают нужным вести дневники, хотя делают это с разными целями.

Кто-то сознательно готовит дневники для публикации, иногда начиная печатать их прямо при жизни, но чаще поручая это сделать своим наследникам.

Кто-то ведет дневники исключительно для себя: с целью самодисциплины, психотерапии, а также в качестве подспорья для будущих книг, особенно если имеются планы взяться позднее за автобиографию или воспоминания. Конечно, такого рода планы реализуются далеко не всегда, но дневники нередко оставляют для потомства (включая будущих биографов), обычно просмотрев и проредив.

Именно так и поступила когда-то Берберова. Она вела дневники (с перерывами) начиная с ранней молодости и практически до самой кончины. Но в более или менее полном виде сохранились лишь записи за последние десятилетия, тогда как из дневников предыдущих лет до нас дошли лишь небольшие фрагменты.

Глава 1 1930-е

Судя по свидетельству самой Берберовой, идея взяться за дневник не соблазнила ее ни в детстве, ни в юности. Вкус к этому занятию ей явно привил Ходасевич, так сказать, своим личным примером.

С первых же дней их совместного отъезда за границу летом 1922 года Ходасевич стал вести ежедневные дневниковые записи, шутливо именуемые им «камер-фурьерским журналом». В такие журналы при русском Императорском дворе заносились события придворной жизни, а Ходасевич заносил события своей, кратко фиксируя, что он в этот день делал, куда ходил, кого видел. Берберова не только знала о существовании «камер-фурьерского журнала», но имела к нему непосредственный доступ, а иногда даже что-то писала в нем сама⁶.

Однако в какой-то момент ей захотелось начать отдельный дневник.

В силу своей крайней лаконичности (все описания и переживания, за редчайшими исключениями, оставались за кадром) «журнал» Ходасевича предназначался исключительно для внутреннего пользования и был задуман, похоже, как средство самодисциплины, а также, конечно, как возможное подспорье для будущей мемуарной прозы. Очевидно, что такие же цели ставила перед собою Берберова, принимаясь за собственные записи. Воля к самоорганизации, ставшая впоследствии одной из главных черт ее характера, была, видимо, не чужда ей с рождения, да и мысль о будущих мемуарах не могла не появиться уже в самые первые месяцы за границей. Оказавшись в Берлине (именно туда они с Ходасевичем прибыли из Петрограда), Берберова сразу попала в общество Белого, Шкловского, Эренбурга, Алексея Толстого, Цветаевой, а затем и Горького. Рядом с Горьким – в курортном городке Саарове – они с Ходасевичем вскоре поселятся.

Видимо, именно в Саарове Берберова начинает вести дневник. О существовании такового она упоминает в послесловии к первому изданию «Курсива» на русском, объясняя, что в вошедших в нее воспоминаниях о Горьком опиралась на «записи 20-х годов» [Берберова 1972: 630]⁷. Но по какой-то причине эти записи до нас не дошли, хотя Берберова, несомненно, продолжала их использовать и при рассказе о своей дальнейшей жизни, включая переезд в 1925 году в Париж, где они с Ходасевичем осели и где прожили вместе семь лет. Самый ранний из сохранившихся дневников Берберовой относится к существенно более позднему времени. Он был начат ею уже после ухода от Ходасевича, а вернее – в самый день ухода, 26 апреля 1932 года.

Подобный жест был, конечно, глубоко символичен: жизнь начиналась с «чистого листа», и с чистого листа начинался дневник – как прямая реализация этой метафоры. Другое дело, что сама манера ведения записей, очевидно, осталась прежней, в свое время усвоенной от Ходасевича. Дневник Берберовой, охвативший период с конца апреля 1932-го до конца декабря 1933-го, практически идентичен «журналу» Ходасевича: в нем содержится информация точно такого же рода и в точно такой же предельно краткой форме. Берберова даже использует ту же самую систему мнемонических знаков. И если, скажем, косая черта в дневнике Ходасевича разделяла записи, сделанные в разное время дня [Демидова 2002: 20], то аналогичную функцию выполняет этот знак и в дневнике Берберовой.

Ее записи свидетельствуют о сильнейшей интеллектуальной зависимости от Ходасевича, имевшей место не только во время их семейной жизни, но сохранившей свою инерцию и после

⁶ См. записи от 27 марта 1923 года, с 23 по 28 ноября 1923 года и от 29 мая 1924 года в [Ходасевич 2002: 42, 53, 60].

⁷ Описывая в «Курсиве» события более раннего времени – приезд в Берлин и поездку в Прагу, – Берберова ссылается на «календарь» (то есть на «камер-фурьерский журнал») Ходасевича, обильно его цитируя.

разрыва. Правда, сама Берберова была не слишком склонна эту зависимость афишировать, но все же не отрицала, что в известном смысле Ходасевич был ее «Пигмалионом», а она его «Галатеей»⁸. И хотя дневник Берберовой 1932 и 1933 годов – не единственный документ, способный проиллюстрировать такой, в общем, не вызывающий сомнения факт, он выполняет эту функцию с особой наглядностью.

Конечно, у «журнала» Берберовой есть свои особенности, но их легко перечислить. Ходасевич, к примеру, не доверял дневнику никакой информации, которую хотел бы сохранить в секрете, Берберова же порой отклонялась от этого правила, а потому ей приходилось впоследствии тщательно вымарывать иные слова, причем так, чтобы их стало невозможно прочесть. И хотя ее записи не были предназначены для посторонних глаз, Берберова, очевидно, считала нужным подстраховаться. В ряде случаев о причине ее осторожности догадаться нетрудно: ей явно не хотелось, чтобы были обнаружены ее кратковременные увлечения.

Помимо вымаранных слов дневник Берберовой имеет и другую характерную черту: он весь испещрен пометками красным. Однако эти пометки были сделаны гораздо позднее – в начале 1960-х, в процессе работы над «Курсивом», когда Берберова стала внимательно просматривать свои давние записи.

Красным карандашом было подчеркнуто то, что могло пригодиться и – в своем большинстве – пригодилось для книги. В частности, тот эпизод «Курсива», где говорится о случайной встрече с Замятиным в «русском книжном магазине» и их беседе в кафе «Дантон», очевидно, вырос из следующей записи от 4 июля 1932 года: «К Чертоку [служащий Дома книги. – И. В.]. В кафе (с Замят<иным>)»⁹. А основой для описания банкета «Современных записок», где Берберова сидела рядом с Жаботинским, послужила запись от 30 ноября 1932-го: «Веч<ером> на банкет Совр<еменных> Зап<исок> (Жаботинский, Михельсон [сотрудник «Последних новостей». – И. В.], Керенск<ий> и пр<очие>)»¹⁰. Красным карандашом Берберова подчеркнула и все свои встречи с Набоковым, которых осенью 1932 года было немало. Повествуя об этих встречах в «Курсиве», она не просто опирается на дневниковые записи, но непосредственно воспроизводит их в тексте.

Наличие дневника, с которым можно было в любой момент справиться, вовсе не означало, что Берберова ставила своей главной задачей не отклоняться от него в «Курсиве». Иногда она отклонялась от собственных записей еще более радикально, что особенно заметно в рассказе о том, чем были заполнены ее первые дни после ухода от Ходасевича. В «Курсиве» об этом повествуется так:

Был конец апреля 1932 года. Я нашла комнату в Отель де Министер, на бульваре Латур-Мобур... <...> В тот первый вечер я расставила книги и повесила платья в шкаф, разложила бумаги на маленьком шатком столе и повалилась в постель, как только стало темно. От усталости я ничего не понимала, в голове не было ни одной мысли, в теле вовсе не было сил. Я спала до четырех часов следующего дня, когда он пришел посмотреть, как я устроилась, и повел меня обедать, а вернувшись, я опять повалилась, едва успев раздеться, и опять спала до следующего вечера. И так продолжалось трое суток, пока на четвертый день я не проснулась в обычное время, часу в девятом, и, взглянув на потолок моей мансарды, поняла – в одну-

⁸ Характерно, однако, что в «Курсиве» этот образ возникает в несколько сниженном, комическом контексте – как цитата из «витиеватой речи» профессора Н. К. Кульмана на одном из торжеств в честь Ходасевича. Цит. по: [Берберова 1983, 2: 470]. В дальнейшем, за исключением специально оговоренных случаев, все цитаты из книги приводятся по этому изданию.

⁹ Nina Berberova Collection. MSS 573. B. 5. F. 66; Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University.

¹⁰ Ibid.

единственную, закругленно-обнявшую всю меня, сияющую радугой минуту, все, что я сделала [Берберова 1983, 2: 403–404].

Дневник Берберовой, надо заметить, этот рассказ не подтверждает. Записи свидетельствуют, что она отнюдь не проспала «трое суток», а провела их достаточно деятельно:

26 вт<орник>. Переезд на Latour Maubourg. Веч<ером> В<ладя>. С ним в кафе.

27 ср<еда>. Почта. Кафе. Полиция / к Поволоц<кому>. (100 фр<анков>). Посл<едние> Нов<ости>. К Сазоновой (Коля Слон<имский>. Шлецеры, Варезы, Познеры – 3). В Select (Рейзини, Кнут, Терап<иано>, Манд<ельштам>, Ладин<ский>, Брасл<авский>).

28 чет<верг>. В Uniprix.

29 пятн<ица>. – Гуляла / в Нац<иональную> библи<отеку> (Вейдле). В П<оследние> Н<овости>. (С Капл<уном> в кафе). Веч<ером> Ася.

30 суб<бота>. 12 ч<асов> В<ладя>, с ним обедать, в кафе. Покупки. / 8 ч<асов> к Жене, с ней в кафе¹¹.

Берберова, как видим, продолжает функционировать со своей обычной энергией: отправляется на почту, в полицию (сообщить новый адрес), к издателю Поволоцкому (получить деньги), на службу (в газету «Последние новости»), в универсальный магазин «Uniprix», в гости к Ю. Л. Сазоновой, у которой собирались литераторы, композиторы, музыканты, в читальный зал библиотеки, бродит по городу, проводит вечер в кафе «Select» в компании молодых литераторов, видится с двоюродной сестрой Асей.

Все это, разумеется, не означает, что уход от Ходасевича дался Берберовой легко и что его реакция была ей безразлична. В «Курсиве» подробно рассказано о том, как образовалась и постепенно разрасталась трещина в их «общей жизни», как в какой-то момент Берберовой стало понятно, что больше всего на свете ей хочется «быть без него, быть одной, свободной, сильной, с неограниченным временем на руках»:

Теперь я знала, что уйду от него, и я знала, что мне надо это сделать как можно скорее, не ждать слишком долго, потому что я хотела уйти н и к к о м у, а если эта жизнь будет продолжаться, то наступит день, когда я уйду к к о м у–н и б у д ь, и это будет ему во много раз тяжелее. Этой тяжести я не смела наложить на него [Там же: 402].

Однако у Берберовой не было сомнений, что и без этой дополнительной «тяжести» ее уход нанесет Ходасевичу сильнейший удар. И хотя остановить ее не могло уже ничто, включая, как помнит читатель «Курсива», угрозу Ходасевича «открыть газик», такая перспектива ее, несомненно, пугала: Берберовой очень не хотелось никаких эксцессов.

Неслучайно в ее романе «Без заката» (1936–1938), примечательном своей откровенной автобиографической основой и прозрачностью прототипов, аналогичная семейная ситуация разрешается гораздо более спокойным для главной героини образом. Полная жизненной энергии Вера (явно списанная с самой Берберовой), мучительно тяготящаяся своим немолодым и вечно больным мужем Александром Альбертовичем (явно списанным с Владислава Фелициановича Ходасевича), получает желанное освобождение без всяких усилий и осложнений: муж тихо умирает сам.

Видимо, стараясь адекватно передать в «Курсиве» свои тогдашние очень сложные чувства и боясь сфальшивить, Берберова решает о чувствах не говорить. Вместо этого она сообщает читателю о своем якобы продолжавшемся несколько суток неодолимом, почти летар-

¹¹ Nina Berberova Collection. B. 5. F. 66.

гическим сном – свидетельстве крайнего нервного изнеможения. И этот придуманный ею беллетристический ход, возможно, был наиболее точным не только с чисто художественной точки зрения, но и с моральной. Жертвывая внешней стороной дела, Берберова сумела не покривить душой по гораздо более серьезному счету.

В этом проявилась и известная деликатность по отношению к Ходасевичу, которую Берберова тщательно соблюдает на всем пространстве «Курсива». В романе «Без заката» такая деликатность как раз начисто отсутствует: Берберова, очевидно, считала, что сам жанр романа (в отличие от документального повествования) развязывает автору руки. И все же нетрудно представить, какой горечью отозвался в душе Ходасевича весь связанный с Александром Альбертовичем сюжет, хотя своих эмоций он ничем не выдал. Его рецензия на журнальный вариант этой вещи, напечатанной в 1936 году под названием «Книга о счастье», выдержана в подчеркнуто спокойных, беспристрастных тонах. Ходасевич считал «Книгу о счастье» неровной, и тем не менее отметил, что «история Веры» рассказана «со множеством прекрасных частных, с большим литературным своеобразием»¹².

Конечно, к 1936 году вся ситуация с Берберовой теряет для Ходасевича первоначальную болезненность: к этому времени он будет два с лишним года как женат. Но, несмотря на женитьбу, у читателя «Курсива» не возникает сомнений, что Берберова оставалась его главной любовью вплоть до самой кончины. Об этом свидетельствует воспроизведенный в книге один из самых последних их разговоров, а также стихи, один из которых – «Нет, не шотландской королевой...» (1936) – Берберова детально комментирует в «Курсиве»¹³. Но она предпочитает не писать о том, как мучительно переживал ее уход Ходасевич и как долго надеялся на ее возвращение. Вместо этого Берберова многократно подчеркивает, что отношения продолжали оставаться исключительно близкими, практически родственными. Они по-прежнему проводили много времени вместе, встречаясь обычно два раза в неделю:

...он приходит ко мне, мы обедаем у меня и потом до ночи играем в угловом «бистро» на бильярде; или я еду к нему, и мы завтракаем у него; или встречаемся недалеко от редакции «Возрождения», в подвале кафе «George V». Потом я провожаю его или мы долго гуляем по улицам... [Там же: 417].

О том, что дело так и обстояло, говорят и дневник Берберовой, и «журнал» Ходасевича, и их переписка¹⁴. Конечно, тон писем Ходасевича бывал иногда суховатым, нарочито деловым, а иногда, напротив, наигранно веселым, но в основном он оставался исключительно нежным. В письме, ориентировочно датированном весной 1933 года и частично приведенном в «Курсиве», Ходасевич, в частности, пишет: «...ничто и никак не может изменить того большого и важного, что есть у меня в отношении тебя» [Там же:

419]. Как свидетельствует дальнейшее, этого «большого и важного» не смогло изменить даже то серьезное испытание, которое вскоре выпадет Ходасевичу на долю и которое, судя по дневниковым записям, принесет ему немало страданий, – любовь Берберовой к человеку, ставшему впоследствии ее вторым мужем.

¹² Ходасевич В. Книги и люди: «Современные записки», кн. 62-я // Возрождение. 1936. 26 дек. № 4058. С. 9.

¹³ Любопытно, что в комментариях к «Собранию стихов» Ходасевича Берберова относит к написанным в тот же период стихотворение «К Лиле». Однако это стихотворение, в котором содержатся такие строки: «Кентавров скорее кровь / В бальзам целебный превратится, / Чем наша кончится любовь...», было создано весной 1929-го, за три года до их разрыва. Столь серьезная ошибка в датировке выглядит странной, но вполне объяснимой на уровне подсознания.

¹⁴ Берберова приводит в «Курсиве» обширные отрывки из нескольких писем Ходасевича. Эти письма без купюр будут напечатаны позднее. См. [Ходасевич 1988].

* * *

Этого человека звали Николай Васильевич Макеев, и в «Курсиве» Берберова представляет его так:

Он был одним из самых младших делегатов в Учредительное собрание в 1917 году, членом партии с.-р., журналистом, автором книги о России (Лондон, 1919), считался сотрудником «Дней», «Современных записок», выставлял картины в Салоне в тридцатых годах, и не было человека, который бы не чувствовал к нему немедленной приязни. Гостеприимный, веселый, всегда добрый и широкий и вместе с тем взбалмошный, энергичный и способный, он вдруг заметил меня, будучи знаком со мной лет семь, и, раз заметив, уже не отпустил. <...>

Смысл нашей встречи и нашего сближения, смысл нашей общей жизни (десять лет), всего вместе пережитого с ч а с т ь я, значение этой любви для нас обоих в том, что он для меня и я для него были олицетворением всего того, что было для обоих – на данном этапе жизни – самым главным, самым нужным и драгоценным. Нужным и драгоценным для меня было тогда (а может быть, и всегда?) делаться из суховатой, деловитой, холодноватой, спокойной, независимой и разумной – теплой, влажной, потрясенной, зависимой и безумной. В нем для меня и во мне для него собралось в фокус все, чего нам не хватало до этого в других сближениях. <...> Были ли мы друг для друга символом России? Символом молодости, силы и здоровья? Силы, для которой весь мир был точкой приложения? Может быть, но еще и многого другого, о чем мы не задумывались тогда и что невозможно назвать, не повредив его [Там же: 442–443]¹⁵.

В романе Берберовой «Без заката» Макеев выведен под фамилией Карелов, и хотя в смысле житейских деталей он менее схож со своим прототипом, чем Александр Альбертович или Вера, об их взаимной любви с героиней там говорится очень подробно и прочувствованно.

И все же, несмотря на ту огромную роль, которую сыграла в жизни Берберовой встреча с Макеевым, она пишет о нем в «Курсиве» весьма кратко и неохотно. В первом, англо-американском издании книги Берберова даже скрывает его имя, отчество и фамилию под единственным инициалом «Н». Это обстоятельство вызовет раздраженное замечание одного из первых рецензентов «Курсива», Глеба Струве, и в последующих русских изданиях книги Берберова сделает ряд добавлений, но добавлений минимальных. В основном тексте «Курсива» Макеев будет по-прежнему фигурировать под инициалами – «Н. В. М.», но в помещенном в конце книги «Биографическом справочнике» Берберова их расшифрует, добавив дату рождения Макеева (1889), а во втором издании книги и дату его смерти (1975), при этом ненароком ее перепутав. Макеев скончался двумя годами ранее, в 1973 году, как непреложно свидетельствует собственный дневник Берберовой¹⁶. В том же «Биографическом справочнике» будет упомянута и книга Макеева «Russia», вышедшая в Нью-Йорке (и Лондоне) в 1925 году, хотя Берберова не сообщает, что эта книга была написана им в соавторстве с Валентином О'Ха-

¹⁵ Ту же тему – в гораздо более откровенной манере – Берберова затронет в серии интервью, данных уже в глубокой старости журналистке Кеннеди Фрейзер. В своем эссе о Берберовой Фрейзер, в частности, воспроизводит такой разговор: «С Николаем, – как сказала она мне однажды, когда я застала ее в размягченном состоянии духа, – я впервые поняла, что значит найти себе пару в физиологическом смысле этого слова» [Fraser 1996: 55]. (Перевод здесь и далее мой, за исключением специально оговоренных случаев. – И. В.)

¹⁶ Запись от 27 марта 1973 года // Nina Berberova Papers. B. 51. F. 1156.

рой, достаточно известным в свое время политическим журналистом, специалистом по России¹⁷.

Стремление Берберовой свести информацию о «Н. В. М.» к минимуму объясняется несколькими причинами, но прежде всего тем, что расстались они не особенно дружески и что Макеев – при всех своих разнообразных талантах – не состоялся ни на одном из поприщ.

Конечно, его политическая карьера, так ярко начавшаяся в России, прервалась не по его вине, а особых возможностей продолжить ее в эмиграции не было, хотя Макеев и пытался найти применение своему опыту и общественному темпераменту. В начале 1920-х он был председателем Главного комитета Земгора (Российского земского и городского союза) за границей, а также членом Лондонского Российского общественного комитета помощи голодающим в России [Казнина 1997: 33–34]. Одновременно – по примеру других оказавшихся в эмиграции русских политиков – Макеев стал пробовать силы в журналистике. Его книга о России получила (вполне справедливо) немало высоких отзывов, но закрепить успех не удалось: эта книга окажется единственной крупной работой Макеева-журналиста. В дальнейшем он будет печатать главным образом рецензии, да и то сравнительно редко. Амбиции Макеева-художника, в свою очередь, не были реализованы. Как сообщается в примечаниях к французскому изданию «Курсива», он учился у Одилона Редона [Berberova 1989: 562], неоднократно участвовал в выставках, в том числе и весьма престижных, но создать себе сколько-нибудь известное имя у него не получилось.

Словом, у Берберовой было достаточно оснований, чтобы мягко, но вполне недвусмысленно написать о Макееве в «Курсиве»:

Для меня он был и остался одним из тех русских людей, которые, как некий герой народной сказки, решительно все умеют делать и решительно ко всему способны. Но почему-то так выходит, что в конце концов ничего не остается от этих способностей, вода льется у них между пальцев, слова уносит ветер, дело разваливается. И вот уже никто ничего от них не ждет. И чем меньше верят им, тем больше они теряют веру в себя, чем меньше ждут от них, тем бессмысленнее тратят они себя и остаются в конце концов с тем, с чего начали: с возможностями, которые не осуществились, и с очарованием личным, которое дано им было со дня рождения как благодать [Берберова 1983, 2: 442].

Неудивительно, что Берберовой было важно остаться в читательском сознании прежде всего «женой Ходасевича». И все же читателя «Курсива» не может не интриговать фигура человека, прожившего с Берберовой десять с лишним лет. Ее явное нежелание о нем распространяться способно только подогреть любопытство.

Правда, дневник 1933 года проливает свет не столько на биографию Макеева (о нем мы по-прежнему узнаем немного), сколько на биографию самой Берберовой, выявляя и ряд неизвестных нам ранее фактов, и, главное, новых граней характера. Ее записи наглядно иллюстрируют те изменения, о которых Берберова пишет в «Курсиве» в связи с рассказом о встрече с Макеевым, а именно превращение «из суховатой, деловитой, холодноватой, спокойной, независимой и разумной», какой она ощущала себя до этой встречи, в «теплую, влажную, потрясенную, зависимую и безумную» [Там же: 443], какой она становилась по мере развития их отношений.

¹⁷ В основном тексте «Курсива» Берберова пишет, что работа Макеева о России вышла в Лондоне в 1919 году, и это несоответствие не было исправлено ни в одном из многочисленных изданий книги.

* * *

Макеев и Берберова были, видимо, знакомы с конца 1925 года, когда редакция газеты «Дни» переместилась из Берлина в Париж. В этой редакции они и встретились: журналист с немалым опытом, пожинаящий успех своей только что вышедшей книги о России, и начинающий прозаик (именно в «Днях» Берберова печатала свои первые рассказы). В дальнейшем они время от времени виделись на различных литературных мероприятиях, в популярных среди русских эмигрантов кафе, в редакции «Современных записок». Но с февраля 1933 года они начнут встречаться существенно чаще, ибо станут жить по соседству.

Как свидетельствует дневник Берберовой, в начале февраля она переехала с бульвара Латур-Мобур на улицу Клода Лоррена и поселилась в доме № 2. В том же доме жил Макеев со своей гражданской женой Рахилью Григорьевной Осоргиной¹⁸.

К этому времени Макеев вполне успешно занялся бизнесом. Судя по сохранившимся визитным карточкам, свободно владевший английским Макеев представлял во Франции две нью-йоркские инженерные фирмы [Коростелев, Дэвис 2010: 47–48]. К началу 1930-х его дела на этом поприще пошли резко в гору, что позволило снять большую квартиру. «Квартира прекрасная, очень удобная, и у Н^{иколая} В^{асильевича} будет тут же его бюро. Он очень доволен и вообще цветет. Итак, с 15-го января наш адрес: 2, rue Claude Lorrain», – писала Рахиль Григорьевна своей близкой подруге В. Н. Буниной¹⁹.

Собственно, Осоргина и помогла Берберовой переселиться на улицу Клода Лоррена, о чем она, в свою очередь, сообщала Буниной:

Полонские сняли квартиру в нашем доме и сдали комнату для прислуги Берберовой. Последнее устроила я, т. к. Б^{ерберова} мне жаловалась, что ей трудно материально. Тут она будет платить только 100 frs в месяц и получит комнату с центр^{альным} отоплением, с электричеством. В коридоре есть горячая и холодная вода и душ²⁰.

И хотя Осоргина затем добавляла, что ни одно благодеяние, как известно, не остается безнаказанным, она выражала надежду, что «из этого предприятия... ни для кого ничего неприятного не будет» [Khazan, Weissblei 2022: 231].

Настроение у Рахили Григорьевны было в это время самое приподнятое. Помимо успехов Макеева в бизнесе он начал заявлять о себе и как серьезный художник, впервые приняв участие в престижной художественной выставке. «Все говорят ему комплименты за картины, выстав^{авку} в Salon des indépendants, и он “окрылен”», – писала Рахиль Григорьевна Буниной [Ibid.].

С высоты своего тогдашнего благополучия Осоргина и Макеев сочли нужным приветить Берберову, дабы помочь ей освоиться на новом месте.

Как отмечено в дневнике Берберовой, 8 февраля, то есть на следующий день после переезда, она идет к Макеевым в гости, 12 февраля ее навещает Рахиль Григорьевна, а 27-го – Николай Васильевич²¹.

¹⁸ Со своим первым мужем, писателем Михаилом Осоргиным, Рахиль Григорьевна уже давно рассталась, но продолжала носить его фамилию, так как развод не был официально оформлен. Однако, говоря о Николае Васильевиче и Рахили Григорьевне, знакомые обычно называли их «Макеевы».

¹⁹ Письмо от 20 декабря <1931 года> в [Khazan, Weissblei 2022: 163].

²⁰ Письмо от 3 февраля <1933 года> в [Ibid.: 230–231].

²¹ Nina Berberova Collection. B. 5. F. 66.

В марте общение Берберовой и Макеевых становится еще более интенсивным. 1 марта Берберова заходит к Осоргиной; 2 марта Макеев заходит к Берберовой; 8 марта Берберова звана к Макеевым на обед, 17-го – на чай, а 20-го – опять на обед. 29 марта они видятся снова²².

Однако начиная с апреля ситуация меняется. Упоминания о «Макеевых» (во множественном числе) полностью исчезают из дневника Берберовой, зато «Макеев» (в единственном) начинает фигурировать с особой частотой. Записи свидетельствуют, что в первую половину месяца Макеев появляется у Берберовой через день, а начиная с 19 апреля – каждый день. Причем в записи от 19 апреля отмечено, что во время визита Макеева приходила их общая знакомая, но они ее «не впустили»²³.

Характерно, что именно с этого дня Берберова начинает писать в дневнике уже не «Макеев», а «Мак.», а 23 апреля «Мак.» превращается в «М.». Похоже, что такого рода редукция отражала определенные этапы в отношениях, которые – в свою очередь – становились все более короткими.

Берберова и Макеев встречались, как правило, утром, что объяснялось просто. В это время Рахиль Григорьевна находилась на службе: она работала в банке. Другое дело, что ежедневные свидания Николая Васильевича и Берберовой не могли остаться незамеченными: в той же самой квартире жила семья журналиста Я. Б. Полонского.

Разговоры на эту тему должны были рано или поздно начаться, хотя Рахиль Григорьевну, видимо, старались щадить и держать в неведении. Но Ходасевича никто щадить не собирался, а потому нельзя исключить, что в конце апреля он уже был в курсе дела. Возможно, это обстоятельство объясняет такую запись в дневнике Берберовой от 25 апреля 1933 года: «Утром В<ладя> (в ужасном сост<оянии>»²⁴.

Впрочем, не менее вероятно, что такое состояние Ходасевича было вызвано иной причиной: он пришел к Берберовой накануне особой даты – годовщины со дня ее ухода. Характерно, однако, что в своем «журнале» Ходасевич ограничился только кратким: «К Нине» [Ходасевич 2002: 212].

Но если в апреле 1933 года Ходасевич мог еще не знать о ее романе с Макеевым, то достаточно скоро он о нем неизбежно узнает.

Судя по дневнику Берберовой, отношения с Макеевым продолжают развиваться по нарастающей. В мае они видятся не только каждое утро, но часто и днем. Они также начинают появляться вместе на людях: сидеть в кафе, ходить на выставки, кататься на парходике по Сене, гулять по Парижу. Видимо, к концу месяца сложившаяся ситуация уже не представляла секрета и для Рахили Григорьевны (или, как ее звали знакомые, Рери). В записи Берберовой от 27 мая отмечено, что, когда Макеев находился у нее, Рери приходила и стучала в дверь²⁵.

Другое дело, что окончательное объяснение и разрыв между Макеевым и Осоргиной произойдут еще не скоро: в течение весны и лета они продолжают принимать у себя гостей и ходить вместе в кафе «Le Murat», где, судя по дневнику, их часто встречает Ходасевич. В той же компании нередко присутствует и Берберова. Она и Рахиль Григорьевна продолжают поддерживать видимость дружеских отношений, хотя недовольство Осоргиной нарастает. И все же в письме В. Н. Буниной она называет совсем другую причину для своего недовольства. Рассказывая про посвященный Тургеневу «скуchnоватый» вечер и упоминая, что на нем «выступала и Берберова – почему-то в белом бальном платье», Рахиль Григорьевна пишет, что не пошла со

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. Рахиль Григорьевна явно не собиралась расставаться с Макеевым, хотя их семейная жизнь была давно далека от идеала. См. дневниковую запись В. Н. Буниной: «[Рери] стала вить гнездо с нелюбимым, да не чувствуется, чтобы и Никуша <Макеев> очень пылал к ней. Раздражение взаимное, и только квартира их примиряет». Цит. по: [Khazan, Weissblei 2022: 57].

всей компанией к знакомым, а отправилась домой. Свое решение она объяснила так: «Надоело смотреть, к<a>к Нина <Берберова> кокетничает с Ходасевичем»²⁶.

Дневниковые записи, однако, свидетельствуют, что в июне и в июле Берберова и Макеев проводят большую часть времени вместе: завтракают, гуляют, ходят в гости не только к кухне Берберовой Асе, но и к соседям (в том числе и к Полонским), и даже едут с ночевкой в Шартр. Макеев пишет портрет Берберовой, но был ли он закончен и что с ним случилось, неизвестно; в ее архиве сохранилась лишь одна его картина – натюрморт с цветами. Берберова и Макеев расстаются только тогда, когда он уезжает по делам из Парижа, что случалось нередко. Он был, как уже говорилось, не только журналистом и художником, но и бизнесменом.

5 июля, во время одного из отъездов Макеева, Ходасевич приходит к Берберовой – в явной надежде прояснить ситуацию. В этот день она пишет в своем дневнике: «В<ладя> с 11 – до 3. (Измучил в последний раз, в чем клянусь!)»²⁷. Что же касается Ходасевича, то в своем «камер-фурьерском журнале» он опять ограничился кратким: «К Нине», но двумя днями ранее, 3 июля, позволил себе такое признание: «Ужасный день» [Там же: 216].

Это признание, крайне необычное для дневника Ходасевича своей обнаженной эмоциональностью, было, несомненно, связано с Берберовой: к тому времени он не только знал о ее новом романе, но подозревал, что тот весьма серьезен. Похоже, что именно эту тему Ходасевич пытался обсудить во время своего четырехчасового визита, вызвав тем самым крайнее раздражение Берберовой.

Неудивительно, что после 5 июля она делает все возможное, чтобы свести их общение к минимуму: в течение всего месяца они видятся только два раза, причем один раз случайно на улице. А потому Ходасевич пытается выяснить отношения через посредство кухни Берберовой Аси Рубеновны. 30 июля Берберова отмечает в своем дневнике, что Ася была у Ходасевича, а затем добавляет: «письмо, разговоры, слезы»²⁸. В его собственном «журнале» об Асе упомянуто безо всяких комментариев, но через два дня, 2 августа, снова появляется запись: «Ужасный день» [Там же: 217].

Эта дата – 2 августа – наводит на мысль, что то письмо Ходасевича, которое частично приводится в «Курсиве», было написано не весной 1933-го (как его обычно датируют), а летом того же года, точнее 2 августа, ибо в самых первых фразах Ходасевич сообщает, что 2-го числа получил письмо Берберовой, написанное по следам его встречи с Асей, и тут же сел отвечать. Как это явствует из ответа Ходасевича, Берберова обвиняла его в собирании сплетен у общих знакомых (в частности, Полонских), а также в попытке вмешаться в ее личную жизнь. И в этой связи Ходасевич пишет:

О каких сплетнях может идти речь? <...> Какое право я имею предписывать тебе то или иное поведение? Или его контролировать? Разве хоть раз попрекнул я тебя, когда сама ты рассказывала мне о своих, скажем, романах? <...> Не усмотри колкости (было бы гнусно, чтобы я тебе стал говорить колкости – какое падение!): но ведь зимой, во время истории с Р., он вовсе не восхитил меня во время нашего «почти единственного» свидания в Napoli и в Джигите (помнишь?). Но ты должна согласиться, что я вел себя совершенным ангелом, – это мне, впрочем, ничего не стоило: я не могу и не хочу выказывать неприязнь или что-нибудь в этом роде по отношению к человеку, в каком бы то ни было смысле тобой избранному, – на все то время, пока он тобой избран... [Ходасевич 1988: 295–296].

²⁶ Письмо от 26 июня <1933 года> в [Ibid.: 250].

²⁷ Nina Berberova Collection. B. 5. F. 66.

²⁸ Ibid.

Об упомянутой в письме встрече с неким «Р.» в «Napolі» и в «Джигите» Ходасевич пишет в своем «журнале», а Берберова в своем дневнике, что дает возможность установить и дату этой встречи, и имя человека, с которым у нее был недолгий роман²⁹. Характерно, однако, что, непосредственно возвращаясь к давно оставшемуся в прошлом эпизоду, Ходасевич не рискует назвать фамилию Макеева, понимая, что это помешает примирению. А цель письма – примирение, и Ходасевич продолжает его так: «Словом, надеюсь, что наша размолвка (или как это назвать?) залечится. В субботу в 3½ приду в 3 Obus. Тогда расскажу и о своих планах на зиму...» [Там же: 296].

Судя по «журналу» Ходасевича и дневнику Берберовой, в ближайшую субботу (которая пришлась на 5 августа) они встретились в кафе «3 Obus» в назначенное время и, очевидно, «залечили размолвку», так как в августе будут видеться даже чаще обычного, тем более что Макеев уедет из Парижа почти на две недели. Когда он в Париже, они с Берберовой практически неразлучны, в том числе, конечно, и в ее день рождения 8 августа, подробно описанный в ее дневнике:

Мое рождение. Сладкий, ужасный, невероятный день. Утром М<акеев>. Гортензии. С ним в город, кофе у Printemps, в Доминик завтракать, в Chaumiere. Потом Вера З<айцева>, с ней на минуту вниз к Р<ахили> Г<ригорьевне>, на квартиру Тэффи. Дома М<акеев> – на полчаса. Веч<ером> к Асе. С ней в кафе на Porte St Cloud (М<акеев>, Р<ахиль> Г<ригорьевна>, Зайцевы – 2, Алданов, Костанов³⁰).

Рахиль Григорьевна, как видим, тоже принимает участие в празднестве – на правах приятельницы, а также жены Макеева, но с такой ситуацией, как покажет дальнейшее, Берберовой будет все труднее мириться.

Следующее утро Макеев и Берберова, как обычно, проводят вместе, а затем он приходит еще раз днем, но на этот раз попрощаться, ибо вечером уезжает в Нормандию, в курортный городок Вилле-сюр-Мер, и уезжает с Рахилью Григорьевной³¹.

Видимо, поэтому практически сразу после его отъезда Берберова впадает в столь нехарактерное для нее подавленное состояние. Судя по дневниковым записям, она ни с кем не общается, за исключением Аси, Зайцевых, а также Ходасевича, к которому приезжает два раза сама. Несмотря на многолетнюю привычку, Берберова никуда не выходит по вечерам, за исключением своей службы в «Последних новостях», где она в это время работает машинисткой.

Дневник свидетельствует, что примерно через неделю после отъезда Макеева, 18 августа, Берберова посылает ему «решительное» (по ее собственному определению) письмо и, видимо,

²⁹ См. запись Ходасевича от 5 ноября 1932 года: «К Нине (ужинал). С ней в Napolі и в Джигит (Бахрах, Смоленский, Милочка, Фельзен с сестрой, Гринберги, Рубинштейны, Эйсер, Ладинский, Мандельштам...)» [Ходасевич 2002: 202]. См. также дневниковую запись Берберовой за тот же день, в которой упомянуты те же рестораны и те же имена. Эти записи указывают на то, что речь, скорее всего, идет о предпринимателе и меценате Анатолии Моисеевиче Рубинштейне, фамилия которого часто упоминается в дневнике Берберовой, зашифрованная (с середины октября 1932-го по начало марта 1933-го) как «Р.» или «Ру.». Похоже, что с этим романом связано внезапное благополучие Берберовой, пришедшее как раз на это время. Оно проявилось, в частности, в том, что на банкете «Современных записок», состоявшемся 30 ноября 1932 года, Берберова была одета с необычной для нее роскошью: «Я купила себе для этого банкета белое вечернее платье до полу, первое в жизни платье до полу, с ярко-красной накидкой, и красные шелковые туфли...» [Берберова 1983, 1: 331]. Характерно, что эта деталь не ускользнула от внимания Осоргиной. В письме В. Н. Буниной она описала этот вечер так: «Дамы в вечерних туалетах (Берберова в шикарном белом бальном платье, с красной бархатной пелериной, заколотом на плече букетом красных роз, и в красных туфлях), мужчины в смокингах» (Письмо от 1 декабря <1932 года> в [Khazan, Weissblei 2022: 219]).

³⁰ Nina Berberova Collection. B. 5. F. 66.

³¹ Прибыв на место, Рахиль Григорьевна сразу же написала Буниной: «Верочка, дорогая, в конце концов попали в Нормандию, к морю. Я была так разбита, и в Париже было так жарко, что решили бежать куда глаза глядят. Это всего 3 ч<аса> от Парижа. Сегодня приезжают Алдановы. Пробудем до конца месяца. Погода пока хорошая, и мы купаемся. <...> Н<иколай> В<асильевич> низко кланяется» (Письмо от 12 августа <1933 года> в [Khazan, Weissblei 2022: 255]).

сильно нервничает в ожидании ответа. 20 августа в дневнике появляется даже такая фраза: «Весь день спала»³². Но уже 21-го напряжение резко спадает. Берберова, очевидно, узнала, что Макеев, вопреки первоначальному плану пробыть в Нормандии до конца месяца, возвращается в Париж 23-го, и возвращается один.

23 августа, как это следует из дневниковой записи, Берберова встречает его на вокзале, и они сразу едут к ней завтракать, затем обедают вдвоем в ресторане «Dominique», а вечер заканчивают в «Naroli». Характерно, что в этой записи Николай Макеев обозначен уже не первой буквой фамилии, а первой буквой уменьшительного имени – «К.», что, видимо, свидетельствует о новом этапе в отношениях, связанном с неким принятым ими обоими решением. (Замечу в скобках, что до этого момента Берберова обозначала первой буквой имени только Ходасевича.)

24 и 25 августа Берберова пишет в дневнике одну и ту же фразу: «Весь день вместе», причем уже не уточняет – с кем. А 26 августа они с Макеевым уезжают на несколько дней в Моресюр-Луан, любимый импрессионистами средневековый городок. Утром в день отъезда Берберова навещает Ходасевича и в ходе разговора, очевидно, сообщает ему о своих планах. И хотя такое развитие событий, безусловно, не должно было стать для Ходасевича сюрпризом, оно было воспринято им крайне болезненно. 29 августа он снова фиксирует в своем «журнале»: «Ужасный день» [Ходасевич 2002: 219].

Другое дело, что после идиллически проведенной недели и у Берберовой с Макеевым наступают, в свою очередь, трудные дни. 1 сентября в Париж возвращается Осоргина, и Макееву предстоит с ней серьезно объясниться. В дневнике Берберовой отмечено, что «К<оля>» уехал встречать Рахиль Григорьевну на вокзал, а она осталась дома ждать вестей. Однако проходят целые сутки, но Макеев – вопреки установившейся за эти месяцы традиции – не забегает даже на минуту, и Берберова не знает, что думать. В дневнике записано: «Безумное сост<оя>ние». Весь день в постели. В 5 ч<асов> Послед<ние> Новости. Веч<ером> дома»³³.

Макеев не приходит и на следующее утро, и Берберова, видимо, начинает основательно злиться. Она уже не проводит «весь день в постели», а заставляет себя подняться и начать функционировать. С утра Берберова отправляется на панихиду по Тургеневу (3 сентября 1933 года исполнялось полвека со дня его смерти), затем с Алдановым и Зайцевыми в ресторан, а после в том же составе к себе домой. Поздно вечером, когда гости разошлись, пришел Макеев, но Берберова «не открыла ему. Не зажигала света»³⁴. Она притворилась, что ее нет дома, явно желая ему продемонстрировать, что все происходящее волнует ее не слишком.

Макеев появился на следующее утро, и на этот раз Берберова ему открыла. Мы не знаем, как он объяснил ей свою домашнюю ситуацию, несомненно, весьма непростую, но знаем, что Берберова приняла его объяснения. Все утро и день они проводят вместе, и так же будет до конца недели, пока Макеев не уедет по делам в Бельгию. Судя по дневнику Берберовой, он приезжает обратно вечером 8 сентября, она встречает его на вокзале, и они отправляются прямо с вокзала в гостиницу, где проводят ночь. Рахиль Григорьевна, очевидно, считала, что Макеев возвращается только через сутки.

Эта хитрость говорит о том, что по каким-то причинам Макеев не смог сказать Осоргиной, что им надо расстаться, а если даже сказал, то настоять на этом не получилось. Скорее всего, его снедала жалость к Рахили Григорьевне, снова оказавшейся – несмотря на всю свою преданность – в роли разлюбленной жены, как это было когда-то с Осоргиным. В письме своей давней знакомой Осоргин написал о Рахили Григорьевне так: «Очень она у меня хорошая,

³² Nina Berberova Collection. B. 5. F. 66.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

совсем мне не годится. Очень обо мне заботится, радостей же от меня никаких»³⁵. Видимо, нечто подобное испытывал и Макеев, пытаясь найти компромисс. Утром и днем он видится с Берберовой, но приходить к ней вечером не может. 12 сентября она, в частности, пишет: «К<оля> завтракал и был. Веч<ером> одна дома, ждала К<олю>, но его не пустили»³⁶.

Вечера Макеев проводит с Рахилью Григорьевной, как правило, на людях, часто в кафе «Le Murat». 19 сентября в «Le Murat» приходит и Берберова, где в компании Алдановых и других знакомых застаёт Макеева и Осоргину. В дневнике не сообщается никаких подробностей этой встречи, но появление Берберовой, безусловно, еще больше накалило и без того накаленную домашнюю обстановку Макеева.

Неслучайно уже на следующий день Берберова и Макеев начинают энергичные поиски квартиры, так как стало понятно, что они должны немедленно съехать из дома на улице Клода Лоррена. Но, как свидетельствует дневник Берберовой, Осоргина не стала ждать, пока квартира будет найдена, и 24 сентября ушла из дома сама. С этого момента Макеев проводит с Берберовой все вечера, а 2 октября они отмечают в ресторане знаменательное событие: его «последнее объяснение с Р<ахилью> Г<ригорьевной>»³⁷.

Определенную версию характера Осоргиной и всех связанных с этим сложностей Берберова предложит в романе «Книга о счастье», где повествуется не только об отношениях Веры с Кареловым, но и о ее отношениях с женой Карелова. И хотя такая сцена романа, как приход жены Карелова к Вере и неловкая попытка ее застрелить, вряд ли имела под собою сколько-нибудь реальную основу [Берберова 1936: 106–109], стремление Берберовой представить Осоргину психически неустойчивым существом, способным на самый безумный поступок, не вызывает сомнений. Впрочем, в книжном варианте романа, вышедшем под названием «Без заката» в 1938 году, сцена с выстрелом отсутствует, равно как и сама жена Карелова: там лишь мельком говорится, что она давно бросила мужа.

Столь радикальное изменение сюжета, скорее всего, связано с тем, что к этому моменту страсти полностью стихнут. Весной 1935 года Рахиль Григорьевна окончательно исчезнет с горизонта Берберовой: дочь видного еврейского философа и публициста, известного под псевдонимом Ахад-ха-‘Ам, она уедет в Палестину, где давно обосновалась вся ее семья³⁸.

Любопытно, что с момента «последнего объяснения» Макеева с Осоргиной дневниковые записи Берберовой становятся еще более краткими, чем прежде, и к тому же крайне нерегулярными: произошедшая в ее жизни перемена явно поглощает все ее время и силы. Берберова уже не отмечает рутинные события, такие как служба в «Последних новостях», куда с конца сентября она стала ходить ежедневно, а только то, что ей кажется особенно важным.

В октябре и ноябре в число таких событий попадают разговор с Зайцевыми о Рахили Григорьевне, встречи с Ходасевичем, переезд на новую квартиру на улице Франсуа Мутона,

³⁵ Цит. по: [Поликовская 2014: 251].

³⁶ Nina Berberova Collection. В. 5. F. 66.

³⁷ Ibid. В письме Буниной от 21 октября 1933 года Осоргина описывает случившееся по-иному: «Итак, Вы уже знаете, что я покинула Н<иколая> В<асильевича> и что последней каплей, переполнившей чашу, была Берберова. О ней должна сказать, что если бы она была моей кухаркой, то вряд ли на одну хотя бы йоту ее поведение отличалось бы от того, к<а>к во всей это истории себя держала она. Н<иколай> В<асильевич> очень много плакал и просил вернуться, и даже грозил “перестрелять” всех тех, кто говорит, что она за него выходит замуж (это всем “по секрету” сказала она), но теперь уже поздно. Теперь она вспомнила сыграть Травиату и вчера уехала с Claude Lorrain, но я уж не вернусь к Н<иколаю> В<асильевичу>... <...> Завтра Н<иколай> В<асильевич> возвращается из Испании и опять начнет меня мучить. Вообще, предстоит еще много неприятностей, но и это пройдет, к<а>к пройдет все остальное. Пока я живу у Авксентьевых». Цит. по: [Khazan, Weissblei 2022: 261].

³⁸ Судя по письмам Рахили Григорьевны из Палестины, она, как ни странно, не держала на Макеева особого зла, а по-прежнему возлагала всю вину на Берберову. В письме М. В. и М. А. Вишнякам от 31 июля 1942 года Рахиль Григорьевна обвиняла Берберову в самых абсурдных грехах, а именно в том, что она «чрезвычайно охотно сотрудничала с Кремлем в 1919–20 годах, и... быстро переменяла свои убеждения, когда попала в Париж». Цит. по: [Khazan, Weissblei 2022: 379]. Неудивительно, что слухи о пронемецкой ориентации Берберовой Рахиль Григорьевна приняла не без удовлетворения, выразив при этом надежду, что «Николай» их не разделяет [Ibid.].

отъезд Макеева по делам в Испанию и его возвращение, совместные приемы гостей и визиты в гости, несколько литературных вечеров, поход с Макеевым в балет и в кафе, где были Гончарова и Ларионов, обед литературного объединения «Кочевье», чествования Бунина в связи с получением Нобелевской премии...

Но одну из своих встреч с Ходасевичем, пришедшуюся на 6 октября и зафиксированную в его «журнале», Берберова в дневнике не отметила, видимо, сочтя ее не слишком существенной. Для Ходасевича, однако, дело обстояло как раз наоборот. Очевидно, что именно в эту встречу он узнал об окончательном разрыве Осоргиной и Макеева, а также – соответственно – о его беспрепятственном соединении с Берберовой. Нет сомнений, что эта информация побудила Ходасевича совершить некий шаг, на который он раньше никак не мог решиться: сделать предложение своей давней знакомой Ольге Борисовне Марголиной, с которой он сблизился после ухода Берберовой.

Как свидетельствует «журнал» Ходасевича, ровно через день, 8 октября, Ольга Борисовна переезжает к нему. А еще через день, 10 октября, они отправляются в мэрию и регистрируют брак.

Об этом событии Берберова узнала только постфактум, 17 октября, когда она снова увиделась с Ходасевичем. Неслучайно она не просто фиксирует в дневнике эту встречу, но отмечает ее галочкой – как особенно важную.

Правда, возвращаясь в «Курсиве» к этому эпизоду, Берберова излагает его несколько иначе. По ее версии, дело обстояло так:

Однажды утром Ходасевич постучал ко мне. Он пришел спросить меня в последний раз, не вернусь ли я. Если не вернусь, он решил жениться, он больше не в силах быть один.

Я бегаю по комнате, пряча от него свое счастливое лицо: он не будет больше один, он спасен! И я спасена тоже.

Я тормошу его, и шучу, и играю с ним, называю его «женихом», но он серьезен: это – важная минута в его жизни (и в моей!). Теперь и я могу подумать о своем будущем, он примет это спокойно.

Я целую его милое, худенькое лицо, его руки. Он целует меня и от волнения не может сказать ни одного слова. «Вот подожди, – говорю я ему, я тоже выйду замуж, и мы заживем... Ты и не представляешь себе, как мы заживем все четверо!»

Он наконец смеется сквозь слезы, он догадывается, за кого я собираюсь замуж, а я, и не спрашивая, прекрасно знаю, на ком он женится.

– Когда?

– Сегодня днем.

Я гоню его, говоря ему, что «она убежит». Он уходит [Берберова 1983, 2: 419–420].

Как видим, в этой исполненной драматизма сцене немало придуманного. В день свадьбы Ходасевич с Берберовой не виделся, а потому не мог ее спросить, вернется ли она. Трудно поверить, что он задал ей этот безнадежный вопрос и в свой приход накануне свадьбы, ибо дальнейшее развитие событий уже было для него совершенно очевидно. Да и шутки насчет «жениха» и «невесты», которая может «убежать», в свою очередь, плод художественной фантазии Берберовой.

Но эти детали не меняют главного: она, несомненно, была счастлива за Ходасевича, обретшего любящую, преданную, заботливую жену. И, разумеется, Берберова была счастлива и за себя, но не потому, что якобы только сейчас смогла «подумать о своем будущем».

К этому времени все планы на будущее были для нее предельно ясны: они с Макеевым вот-вот должны были съехаться. Откладывать это событие из каких бы то ни было соображений Берберова, безусловно, не собиралась, но реакция Ходасевича не могла ее не волновать. Однако теперь основания для волнений исчезли. Берберова понимала, что Ходасевичу не останется ничего другого, как принять ее замужество «спокойно», и они постепенно наладят отношения семьями. Так оно, собственно, и получилось. Судя по дневнику Ходасевича, уже через месяц, 17 ноября, он приходит к Берберовой в гости, зная, что там будет Макеев, а 22 ноября принимает их обоих у себя³⁹.

И Берберова, безусловно, оценила этот жест доброй воли со стороны Ходасевича. Как свидетельствуют и его «журнал», и ее дневник, в декабре они будут видеться часто, хотя Берберова в это время почти ни с кем не встречается. Помимо службы в «Последних новостях» (каждый вечер с пяти до восьми) она энергично занимается обустройством своей новой жизни. В декабре Макеев находит удобную квартиру на бульваре Гренель, куда вскоре переезжает и где они с Берберовой решают обосноваться. В дневнике отмечены день рождения Макеева (2 декабря), его командировки, переезд на бульвар Гренель, встречи с Ходасевичем и Асей, поход в театр и в гости к В. В. Вейдле, визит Ларионова, но в целом записей сравнительно мало. Это особенно бросается в глаза потому, что все даты аккуратно размечены наперед – вплоть до самого конца 1933 года, который оказался для Берберовой таким счастливым. И хотя запись за 31 декабря отсутствует, ее настроение в новогоднюю ночь вычислить нетрудно. О нем говорит – красноречивей всяких слов – огромная, лихо закрученная виньетка, целиком заполняющая пустой остаток страницы⁴⁰.

* * *

Продолжала ли Берберова вести дневник в 1934 году, равно как и в последующие несколько лет – вплоть до осени 1939-го, – сказать невозможно. В ее архиве дневники за это время не сохранились, да и в «Курсиве» о них ничего не говорится, зато Берберова упоминает о нескольких сделанных в эти годы отдельных записях. Наиболее важная из них касается предсмертной болезни и смерти Ходасевича. Эту запись, начатую 13 июня 1939 года, когда стало понятно, что конец очень близок (Ходасевич скончался на следующий день), и завершённую 23 июня, через неделю после похорон, Берберова практически дословно воспроизводит в «Курсиве»⁴¹.

Похоже, что такого рода записями, сделанными по следам самых значительных событий или разговоров, дело в то время и ограничивалось. В начале января 1934 года Берберова и Макеев окончательно съехались, появилась возможность беспрепятственно наслаждаться

³⁹ В дальнейшем у Ходасевича и Ольги Борисовны сложатся с Макеевым и Берберовой исключительно добрые отношения. Во время предсмертной болезни Ходасевича Макеев навещает его, чередуясь с Берберовой, на правах родного человека. После смерти Ходасевича они начнут опекать Ольгу Борисовну самым нежным и внимательным образом.

⁴⁰ Любопытно, что и в данном случае Берберова следует установленной Ходасевичем модели. Как замечает публикатор «Камер-фурьерского журнала», реакция Ходасевича на уход Берберовой «постулируется» не столько «словом», сколько «способом организации страницы. Запись [“26, вторник. В 5 ч. 10 мин. Н<иник> уехал”] отделена от остальных двумя чертами и огромным пробелом – после нее страница пуста. <...> Конец и пустота – зримый образ предельно выразителен и вполне адекватен внутреннему состоянию» [Демидова 2002: 18].

⁴¹ По сравнению с оригиналом я обнаружила только два расхождения с соответствующим фрагментом «Курсива». Берберова убрала свои рассуждения о том, что Ходасевич, по ее мнению, чувствовал в связи с предстоящей кончиной, видимо, сочтя их слишком «беллетристичными»: «Когда я видела его и говорила с ним, мне казалось, что он готовится в очень далекое, совершенно одинокое, совсем ему сейчас еще не нужное, грустное, трудное, вечное путешествие...» (Nina Berberova Papers. В. 52. F. 1161). Кроме того, Берберова несколько изменила самый конец своей тогдашней записи. Рассказав, что после похорон Ходасевича «человек десять» зашли в кафе рядом с кладбищем, чтобы помянуть покойного, Берберова добавляла: «И было такое чувство, что он с нами» (Ibid.). Вместо этих достаточно банальных слов в «Курсиве» появилась нейтральная фраза: «Присманова плакала» [Берберова 1983, 2: 430].

семейным счастьем. Все это, очевидно, способствовало бурному творческому подъему Берберовой.

С 1934-го по 1939-й она написала три повести: «Аккомпаниаторша», «Лакей и девка», «Облегчение участи», рассказ «Роканваль», роман «Без заката», две биографии – Чайковского и Бородина, пьесу «Мадам». И все это – помимо рассказов, которые Берберова печатала на протяжении 1930-х в «Последних новостях» и которые собиралась издать под названием «Брянские праздники».

И хотя ранние стихи, рассказы, а также два романа Берберовой – «Последние и первые» (1930) и «Повелительница» (1932) – были приветственно встречены критикой, ее литературная репутация окончательно определилась во второй половине 1930-х годов. Правда, роман «Без заката» почти все рецензенты нашли неровным, но большинство написанных в эти годы рассказов и повестей получило положительную оценку. В частности, повесть «Аккомпаниаторша», появившаяся в «Современных записках» (1935. № 58), удостоилась похвалы даже такого взыскательного читателя, как Бунин. «Ах, какой молодец, ах, как выросла, окрепла, расцвела! Дай Бог и еще расти – и, чур, не зазнаваться!» – написал он Берберовой, прочитав эту вещь⁴². Однако особой удачей была написанная ею биография Чайковского. Впервые в литературной практике Берберовой к книге проявили интерес зарубежные издатели, и через несколько лет она вышла в переводе на немецкий, а затем и на шведский.

Впрочем, даже первый опыт Берберовой в жанре драматургии – комедия «Мадам», поставленная в Париже в конце 1938 года, в свою очередь, имела успех. Как Берберова писала в «Курсиве»:

Пьеса в русском театре шла самое большее десять-двенадцать раз (пьесы Тэффи и Алданова), моя комедия «Мадам» в 1938 г. прошла четыре раза. Один раз – значило провал, два раза – небольшой успех. Публика хотела театра реалистического, она мечтала видеть на сцене, как пили чай из самовара... [Там же: 409].

Пьеса «Мадам», героиня которой владеет швейной мастерской в рабочем районе Парижа, была добротным образчиком как раз такого реалистического театра.

Свою пьесу Берберова заканчивала уже в деревне Лонгшен недалеко от Парижа, где они с Макеевым купили ферму, на которой решили поселиться и которую стали энергично обустроить. Вскоре они уже принимали в Лонгшене гостей, одним из которых был литератор и сотрудник «Последних новостей» Антонин Ладинский. Вернувшись в Париж, Ладинский записал в дневнике: «Гостил три дня у Берберовой. Она – молодец. Развелась с Ходасевичем, вышла за Макеева (милый человек) и устроилась. Купили автомобильчик, ферму. <...> Два домика, котор<ые> М<акеев> привел в порядок, сад, участок земли»⁴³.

Берберова, разумеется, не могла остаться в стороне от хлопот по хозяйству, но главное место занимала работа за письменным столом, которая шла как никогда легко и давала впечатляющие результаты. На ведение дневника, очевидно, не хватало ни времени, ни сил, ни желания⁴⁴. Другое дело, что к началу осени 1939 года ситуация изменится.

⁴² Письмо от 2 августа 1935 года. Цит. по: [Бунин 2010: 47].

⁴³ Запись от 13 августа 1937 года в [Ладинский 2021: 231–232].

⁴⁴ Об отсутствии дневника за этот период говорит ошибка памяти, присутствующая в первом, англо-американском издании «Курсива» и отмеченная рецензентами книги. Берберова писала, что видела Цветаеву на похоронах Ходасевича, хотя к тому времени она из Парижа уже уехала. В последующих изданиях «Курсива» эта ошибка будет исправлена.

Глава 2 1940-е

Вторжение Гитлера в Польшу, ознаменовавшее начало войны, осознание исторической важности момента, а также предчувствие неизбежных перемен побудили Берберову снова взяться за дневник. Вскоре к тому же у нее образовалось много свободного времени. «Современные записки» и «Последние новости», где Берберова публиковала все свои вещи, закрылись летом 1940 года, после оккупации Парижа. Печататься в пронацистских изданиях Берберова не собиралась (хотя ее туда зазывали), а работать, что называется, «в стол» она не привыкла и, видимо, не умела. С 1939-го по 1945-й она написала только две коротких повести – «Воскрешение Моцарта» (1940) и «Плач» (1942), а также несколько стихотворений.

Малочисленность художественной продукции, очевидно, был призван компенсировать дневник. В отличие от предельно лаконичных и однотипных по форме записей начала 1930-х, дневники Берберовой 1940-х годов весьма разнообразны по жанру и нередко достаточно пространны.

Как Берберова сообщает читателю «Курсива», она «в начале войны купила толстую тетрадь, в клеенчатом переплете, с красным обрезом», куда стала записывать «какие-то факты и мысли, события и размышления о них» [Там же: 446]. Выдержки из дневников, охвативших период с конца лета 1939-го по апрель 1950 года, составили в «Курсиве» отдельную главу под названием «Черная тетрадь».

Оригинал дневника в архиве Берберовой не сохранился: он, видимо, был уничтожен по окончании работы над книгой или даже несколько раньше⁴⁵. И все же догадаться, какие из сделанных в эти годы записей остались за бортом и какой редактуре подверглось большинство выдержек, включенных Берберовой в «Черную тетрадь», достаточно просто. Не секрет, что определенные критерии отбора применяет любой литератор, готовя свои дневники для публикации. У Берберовой таких критериев было несколько.

В первую очередь она, очевидно, отсеяла записи, в которых говорилось о ее относительно благополучии в годы оккупации Франции. Это благополучие изначально держалось на том, что с 1938 года Берберова и Макеев жили в деревне, усердно и очень успешно занимаясь хозяйством⁴⁶. К тому же с середины 1941 года Макеев стал работать при Лувре в качестве, как сейчас бы сказали, «арт-дилера», а тогда говорили – «торговца картинами». В марте 1943-го Макеев открыл собственную галерею, сделав, как Берберова написала Бунину, «головокружительную карьеру»: «...у него галерея на rue de la Voétié, т. е. в центре парижских антиквариетов; завязаны связи, сделаны кое-какие открытия. Словом, он в делах – успешно, и весьма для него лестно...»⁴⁷

Замечу, что профессия арт-дилера не несла в себе заведомо состава преступления. В годы оккупации Франции многие евреи – владельцы галерей были рады продать свою собственность «арийцу» и спасти таким образом хотя бы часть денег. Да и торговали в этих галереях отнюдь не

⁴⁵ В воспоминаниях Мурла Баркера, бывшего студента Берберовой, красочно описано, как в марте 1961 года она сожгла в камине целую кипу каких-то личных бумаг. Баркер не решился спросить, что именно было в тот день сожжено, но полагал, что были уничтожены часть переписки и другие документы, которые – по разным причинам – Берберова не хотела оставлять для потомства. См.: *Barker M. Thirty-Three Years with Nina // Nina Berberova Collection*. В. 5. F. 71. Подобного рода «прореживание» архива Берберова будет делать и в дальнейшем.

⁴⁶ См., в частности, письмо Б. К. Зайцева Р. И. Иванову-Разумнику, находившемуся в это время в Германии в лагере для перемещенных лиц. Рассказывая о быте русских эмигрантов во Франции, Зайцев писал: «Берберова живет под Парижем, в своем доме, хорошо устроенном. <...> Вообще же она одна только устроена здесь более или менее прочно, хозяйственно (отличная хозяйка и работница) – на земле, с огородами, садом, свиньей и т. п. Остальные же все (“мы”) – богема...» (Письмо от 7 июня 1942 года в [Раевская-Хьюз 2001: 69]).

⁴⁷ Письмо от 19 марта 1943 года, см. [Коростелев, Дэвис 2010: 86].

только конфискованными у евреев картинами. Многие современные художники (в частности, Пикассо) продавали свои полотна через парижских дилеров. Неудивительно, что на сообщение Берберовой о «головокружительной карьере» Макеева Бунин отозвался самым благожелательным образом: «Хорошо хоть то, что живете без наших физических мук и что Н<иколай> В<асильевич> процветает в своем любимом деле...»⁴⁸

Однако такая реакция была не у всех. В среде русской эмиграции стали ходить упорные слухи, что Макеев «живет от немцев». И хотя, в отличие от иных парижских галерейщиков, после освобождения Франции Макееву не было предъявлено никаких обвинений, в «Черной тетради» нет ни единого слова о его карьере на протяжении 1940-х годов. Получалось, что в течение всех лет оккупации Макеев ничем не занимался, кроме рутинных дел по хозяйству⁴⁹.

И конечно, из «Черной тетради» были тщательно убраны записи, в которых содержался хотя бы малейший намек на то, что недруги Берберовой станут называть ее «гитлеризмом». Как и многим русским эмигрантам, ей очень хотелось увидеть в Гитлере освободителя России от большевизма.

Конечно, в результате такого критерия отбора дневниковые записи в «Черной тетради» рисуют тогдашние настроения Берберовой в существенно ином свете, чем дело обстояло в реальности. Но она была твердо уверена, что имеет полное право на подобную редактуру. В написанном в середине 1940-х письме, посланном Берберовой нескольким видным деятелям эмиграции, она полностью признала наивность и глупость своих иллюзий в отношении Гитлера⁵⁰ и возвращаться через четверть века к обсуждению той же темы не собиралась⁵¹.

Спору нет, такая позиция Берберовой не может не смущать. Но она, безусловно, не означает, что вся «Черная тетрадь» должна быть автоматически взята под подозрение и что все *вошедшие* в нее дневниковые выдержки не имеют документальной основы и, соответственно, ценности. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что даже самые «подозрительные», то есть благоприятные для имиджа Берберовой записи практически всегда подтверждаются другими источниками. Письма находившихся в это время в Париже Бориса Зайцева, журналистов П. Я. Рысса и П. А. Берлина полностью согласуются с теми дневниковыми выдержками, в которых идет речь о стремлении Берберовой оказать посильную помощь знакомым (а иногда и незнакомым) евреям, не успевшим (или не захотевшим) уехать с оккупированной территории.

Среди записей в «Черной тетради» есть, разумеется, запись об аресте О. Б. Марголиной-Ходасевич. В оригинале, возможно, об этом событии, а также об усилиях по «спасению Оли» говорилось подробнее. Но эти подробности Берберова использовала в предыдущей главе «Курсива», в рассказе о том, что случилось в «страшный день» 16 июля 1942 года, и повторять их снова не было нужды.

В своем отборе выдержек для «Черной тетради» Берберова руководствовалась еще одним критерием – нежеланием углубляться в обстоятельства своего разрыва с Макеевым. Их на редкость счастливый брак дал серьезную трещину в 1944 году в результате борьбы за некоего «третьего человека», причем «победившей» оказалась Берберова [Там же: 444]. Этим таинственным «третьим человеком» была молодая француженка Мина Журно. Видимо, обладавшая каким-то художественным образованием, она служила в то время в галерее Макеева.

⁴⁸ Письмо от 14 апреля 1943 года, см. [Там же: 89].

⁴⁹ Этой версии Берберова будет придерживаться в дальнейшем. В частности, во время своего выступления в ленинградском Доме литераторов в сентябре 1989 года она так отвечала на вопрос о Макееве: «Его погубили пять лет немецкой оккупации и полной праздности – его единственным занятием было пилить дрова для печурки. Мужчина не может так жить...» См. [Мейлах 1990: 71].

⁵⁰ Подробнее об этом письме Берберовой см. [Будницкий 1999].

⁵¹ Именно так Берберова ответила М. В. Вишняку, который сообщил ей осенью 1965 года, что «дурная пресса», возникшая вокруг нее в середине 1940-х, «держится и по сей день в Нью-Йорке», и настойчиво советовал не «умалчивать о том, что было в прошлом» (Письмо от 17 ноября 1965 года в [Там же: 163–164]). Совет Вишняка Берберова раздраженно отвергла (см. ее ответ Вишняку от 19 ноября 1965 года в [Там же: 165]).

Появление Мины Журно в жизни Берберовой и Макеева, естественно, не укрылось от близких друзей – в первую очередь, конечно, от Веры Зайцевой, записавшей в своем дневнике: «Была у Берберовой. <...> У Нины “подруга” Минуш, а Н<иколай> В<асильевич> [нрзб.] и, видимо, страдает»⁵². Через несколько дней Зайцева снова вернулась к той же теме, несколько ее развернув:

«Была у Нины Берберовой. Какой странный переплет у них произошел с Минуш... Нина отомстила за всех женщин»⁵³.

Вполне вероятно, что в дневнике самой Берберовой начало и развитие этого романа были изложены достаточно подробно. Но в «Черную тетрадь» попало лишь несколько записей, в которых мимоходом и в подчеркнуто нейтральном контексте фигурирует Мина Журно, обозначенная только буквой «М.». Читателю, не знающему реального положения дел, естественно предположить, что речь идет о некоей приятельнице Макеевых, в силу бытовых обстоятельств ставшей на время как бы членом семьи. Исключение составляет только запись от апреля 1944 года, которая позволяет догадаться, что у Берберовой были отдельные и достаточно близкие отношения с «М.»:

Мы оказались в маленькой гостинице, около улицы Конвансьон, в ночь сильной бомбардировки северных кварталов Парижа (Шапелль). Мы спустились к выходу. Все кругом было сиреневое, и казалось, что бомбы падают прямо за углом и все горит. Небо было оранжево-красное, потом лиловое, и грохот был неопиcуемый, оглушающий и непрерывный. Это был самый сильный обстрел, который мне пришлось испытать. Я стояла и смотрела на улицу через входную стеклянную дверь, а рядом стояла М., и я вдруг увидела, как у нее поднялись волосы на голове. Может быть, мне это только показалось? Но я ясно видела, как над самым лбом вертикально встали ее волосы. Я закрыла ей лицо рукой, и они постепенно опустились [Там же: 510–511].

О Мине Журно, очевидно, идет речь и в дневниковой выдержке от декабря 1946 года, хотя там она остается неназванной. Берберова находилась в это время в Стокгольме, где была издана написанная ею биография Чайковского и где она получила существенный гонорар. Значительную часть этих денег, как следует из записи, Берберова потратила на подарки для оставшегося в Париже близкого человека, которого ей не терпелось порадовать:

Все купила, запаковала и отнесла на почту. Посылка придет в Париж до моего приезда. Я не положила в нее ничего съестного, только теплые вещи: два свитера неопиcуемой красоты; шесть пар теплых носков; шерстяные перчатки – и порошок, чтобы их стирать; сапожки – и крем, чтобы их чистить. Пальто, легче пуха, и шапку, какую носят эскимосы. Это – чтобы все прохожие оглядывались. Это доставляет особое удовольствие сейчас. Кто-то потеряет голову от радости и (без головы, но в шапке) придет меня встречать на вокзал [Там же: 517–518].

Из контекста понятно, что речь идет о женщине, причем не просто подруге, а именно возлюбленной, чем, собственно, и объясняется желание скрыть ее имя.

В декабре 1946 года Берберова формально еще не рассталась с Макеевым: такое решение будет окончательно принято через несколько месяцев. Весной 1947 года она напишет Галине Кузнецовой:

⁵² Запись от 18 мая 1944 года в [Ростова 2016: 128].

⁵³ Запись от 23 мая 1944 года в [Там же: 129].

Вы спрашиваете, что Ник<олай> Вас<ильевич>? Увы, хоть мы и живем под одной крышей с ним, и в наилучших отношениях, но вот уже три года, как мало имеем друг с другом общего: у него своя жизнь, у меня своя. Потому-то мне и трудно материально – впрочем, ему, кажется, тоже не слишком легко. Забочусь о себе самой уже полтора года, да и не только о себе самой, т. к. я судьбу свою соединила с одной моей подругой, француженкой, молоденькой и очень талантливой: я ее научила русскому и мы вместе переводим на французский. Она и стихи пишет, и о живописи пишет, и вообще человек очень замечательный, яркий и особенный. С ней вместе я и надеюсь переехать на отдельную квартиру, как только получу деньги за имение, которое мы благополучно, как будто, продали⁵⁴.

Трудно поверить, что слова Берберовой о своих «наилучших отношениях» с Макеевым соответствовали действительности. И дело было не только в Журно, но и в серьезных идеологических разногласиях, появившихся в послевоенные годы. В частности, Макеев принял участие в так называемой выставке «В честь Победы», организованной в Париже «Союзом советских патриотов» в июле 1946 года. Берберовой, понятно, это вряд ли пришлось по душе.

Нет сомнений, что ей давно уже хотелось разъехаться с Макеевым, но это было трудно сделать из-за бытовых и денежных проблем. Между тем существование под одной крышей становилось все более тягостным. Об этом свидетельствует дневниковая запись Берберовой от сентября 1947 года, в которой Макеев, в свою очередь, остается неназванным. Однако отсутствие имени говорит в данном случае о степени отчуждения:

Человек, с которым я продолжаю жить (кончаю жить):
не веселый,
не добрый,
не милый.

У него ничего не спорится в руках. Он всё забыл, что знал. Он никого не любит, и его постепенно перестают любить [Там же: 526].

Меньше чем через месяц Берберова с Макеевым все-таки разъедутся, хотя из-за жилищного кризиса найти в Париже квартиру представляло серьезную проблему. Лонгшен был продан. Как сухо говорится в дневниковой записи от июля 1948 года, его «купила актриса Комеди Франсез, Мони Дальмес» [Там же]⁵⁵.

И все же подавать на развод Берберова по какой-то причине торопиться не будет. Она начнет этот процесс почти через два года – летом 1950-го⁵⁶.

⁵⁴ Письмо от 19 апреля 1947 года // Forschungsstelle Osteuropa. 01–141 Kuznecova Galina. Цит. по: [Белобровцева, Демидова 2022: 78] (выражаю благодарность О. Р. Демидовой и И. З. Белобровцевой за предоставленную возможность ознакомиться с письмами еще до выхода книги). Сообщая своим корреспондентам о своем намерении расстаться с Макеевым, Берберова была склонна умалчивать о существовании «подруги», делая исключение только для Кузнецовой, поступившей в свое время аналогичным образом. Как Берберова, очевидно, и ожидала, Кузнецова реагировала на эту ситуацию с полным пониманием и одобрением: «То, что Вы пишете о Ник<олае> Вас<ильевиче>, меня не удивило. Вы все-таки всегда были очень разные люди. А Вашу новую дружбу очень приветствую. В такой женск<ой> близости много напряженной духовной прелести. Я это знаю по опыту» (Письмо от 5 мая [1947] года // Papers of N. N. Berberova. Boris I. Nicolaevsky Collection. В. 401. Reel 285. Hoover Institution Archives, Stanford).

⁵⁵ Берберова снова приедет в Лонгшен только через семнадцать лет, тогда же записав в дневнике: «Случилось то, чего я смутно ждала с 1948 года – я была в Longshene. <...> Заросло страшно. Мони Дальмес страшно мила, показала дом, террасу, сад. <...> У Мони пробыли час. Умна, приветлива, очень счастлива Лонгшеном. Орех и акация – гиганты. Трава до пояса. Все глохнет, ничего не стрижется и весь дом – и труба – как в чехле плюща... Я унесла в памяти дом и сад. Это было хорошо. От вещей и предметов – одни радости. Но от людей очень много бывает грусти» (Запись от 14 мая 1975 года // Nina Berberova Papers. В. 51. F. 1156).

⁵⁶ Берберова, очевидно, решила на этот шаг в связи со скандалом с продажей поддельных картин, в результате которого Макеев какое-то время даже провел в тюрьме. См. письмо Берберовой Вере и Борису Зайцевым от 17 июля 1950 года: «Николая давно выпустили, он огурчиком цветет и говорит, что совершенно невинен и все было ошибкой. Причем это я знаю от

Отбирая дневниковые выдержки для публикации, Берберова руководствовалась еще одним, на этот раз весьма распространенным в мемуаристике критерием: она старалась отобрать наиболее содержательные сюжеты. Другое дело, что не все из этих сюжетов показались читателям книги равно интересными. В частности, пространное описание Берберовой своего очередного визита в Швецию, где ей удалось преодолеть страх воды и научиться плавать, вызвало саркастическое замечание Г. П. Струве (одного из рецензентов англо-американского издания «Курсива»), нашедшего эти выдержки затянутыми и скучными. В то же время Струве признавал безусловную ценность рассказов Берберовой о Ходасевиче и о тех литераторах, кого она близко знала, а в «Черной тетради» таких сюжетов немало.

Берберова оставила достаточно подробные описания довоенной жизни русского Парижа, рассказала об общении с Набоковым незадолго до его отъезда в Америку, встречах с Буниным в Париже и в Лонгшене, похоронах Мережковского, продолжавшихся собраниях у Гиппиус... Рассказ Берберовой об одном из таких собраний в марте 1944 года представляет особый интерес:

Пришел Н. Давиденков, власовец, друг Л<ьва> Н<иколаевича> Г<умилева>, с ним учился в Ленинграде, в университете. Долго рассказывал про Ахматову и читал ее никому из нас не известные стихи:

Муж в могиле, сын в тюрьме.
Помолитесь обо мне.

Я не могла сдержать слез и вышла в другую комнату. В столовой наступило молчание. Давиденков, видимо, ждал, когда я вернусь. Когда я села на свое место, он прочел про иву:

Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех – серебряную иву,
И странно – я ее пережила!

Это был голос Анны Андреевны, который донесся через двадцать лет – и каких лет! Мне захотелось записать эти стихи, но было неловко это сделать, почему-то мешало присутствие З. Н. и Тэффи. Я не решилась. Он прочитал также «Годовщину последнюю праздную» и, наконец:

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу...
<...>
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

Тут я опять встала и ушла в гостиную, но не для того, чтобы плакать, а чтобы на блокноте Гиппиус записать все восемь строк – они были у меня в памяти, я не расплескала их, пока добралась до карандаша. Когда я опять

других, т. к. к моему (и вероятно – Вашему) великому удивлению, он не только не повидался со мной, но даже не позвонил мне, выйдя на свободу!!! Очевидно, он думал, что я, как Грушенька, буду ходить к нему на свидание. И за деньги мои даже не поблагодарил!!! Развод я начала. Черт с ним!» См.: Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. B. 1. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University.

вернулась, Давиденков сказал: Не знал, простите, что это Вас так взволнует. Больше он не читал [Там же: 510].

Эта запись сопровождается в «Черной тетради» сноской, в которой Берберова кратко излагает дальнейшую судьбу Давиденкова: «Позже его соратники, генералы Власов, Краснов и другие, были схвачены и казнены в Москве. Давиденков был сослан в лагерь» [Там же]⁵⁷.

К моменту выхода англо-американского издания «Курсива» обстоятельства довоенной и военной биографии Давиденкова были более или менее известны на Западе⁵⁸. Но Берберова оказалась, видимо, первой, кто сообщил читателям, что именно от него русская эмиграция смогла услышать отрывки из «Реквиема» и несколько предвоенных ахматовских стихотворений, узнав, таким образом, что Ахматова не замолчала в годы террора⁵⁹. Неудивительно, что свидетельство Берберовой высоко оценили историки литературы, в первую очередь специалисты по Ахматовой, неоднократно ссылавшиеся (и продолжающие ссылаться) на эту запись.

* * *

«Черная тетрадь», как уже говорилось, формально покрывает почти 11 лет, но упор в ней сделан на первую половину 1940-х: дневниковые записи с 1940-го по 1945-й занимают шестьдесят страниц из семидесяти восьми. Во второй половине 1940-х Берберова, очевидно, перестала вести дневник регулярно, так как период вынужденной праздности остался позади. В записи от января 1947 года читаем: «... 1946 год у меня был счастливым годом: я опять начала работать... я написала книгу о Блоке» [Там же: 521].

В августе 1946 года исполнялось 25 лет со дня смерти Блока, и Берберова, очевидно, хотела подгадать к этой дате. Но немного опоздала: ее книга о Блоке («Alexandre Blok et son temps»), посвященная Мине Журно («A Mina Journot»), вышла в середине 1947-го⁶⁰. Эта биография заполняла существенную лауну, так как о Блоке на французском имелось в то время лишь несколько статей и перевод «Двенадцати»⁶¹.

В момент выхода книги о Блоке отношения Берберовой и Журно были, видимо, достаточно безоблачными, но так продолжалось недолго. К концу года Берберовой и, возможно, Журно стало ясно, что жить вместе им трудно. Они решили поселиться отдельно, но потребность друг в друге была по-прежнему очень сильна. Берберова писала Галине Кузнецовой:

...она [Журно. – И. В.] приходит почти каждый день завтракать и часто – вечером. Мы с ней переводим. Днем она служит в одной картинной галерее. Воскресенье она проводит у меня. <...> В конце декабря выходят у нас две книги: «Вечный муж» в нашем с ней переводе с моим предисловием

⁵⁷ О судьбе Давиденкова поступали противоречивые сведения, и Берберова неоднократно уточняла информацию в новых изданиях «Курсива». О том, что его расстреляли в 1950 году, она, видимо, никогда не узнала.

⁵⁸ Н. Давиденкову была посвящена глава в книге Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада» [Ширяев 1954]. В России книга Ширяева была издана в 1991 году.

⁵⁹ Под псевдонимом «Н. Анин» Давиденков цитировал фрагмент «Реквиема» и неопубликованные стихи Ахматовой в статье «Ленинградские ночи», напечатанной в газете «Парижский вестник» от 21 августа 1943 года, но кто скрывался под этим псевдонимом, знали очень немногие. Борис Филиппов раскрыл авторство Давиденкова в письме Глебу Струве от 16 января 1964 года, но это письмо было опубликовано только в 2014 году. См. [Тименчик 2014, 2: 472].

⁶⁰ Эту книгу Берберова писала на французском, но Журно несомненно тщательно ее редактировала. Много позднее, в 1991 году, готовя ту же книгу для французского издательства «Actes Sud», Берберова добавила к первоначальному посвящению несколько слов: «Мине Журно, в память о ее неоценимой помощи» («A Mina Journot, en souvenir de son aide inappréciable»). С таким посвящением книга будет публиковаться в России.

⁶¹ См.: Gode-von Aesch A. // Books Abroad. 1948. Vol. 22, № 4. P. 382. О книге Берберовой доброжелательно отзывается Жорж Нива в статье о рецепции Блока во Франции. И хотя он указал на ряд недостатков (например, на некритичный подход к воспоминаниям Белого), Нива признавал, что Берберова детальнее и проницательнее написала о семейном окружении Блока, чем это сделала позднее Софи Лаффит в своем обстоятельном труде о поэте, вышедшем в 1958 году [Nivat 1982: 573].

и мой Чайковский по-французски. Начали делать «Письма Пушкина к жене» – впервые по-французски, с моими, очень обширными, комментариями. Работа приятная, но ответственная. Если бы Вы увидели ее, то удивились бы: на вид она кукла, куколка, с ангельским выражением хорошенького лица, а внутри сидит в ней некий синий чулок. Эта смесь совершенно странная. И вообще она вся – странная; я думаю, ей предстоит нелегкая судьба. Ей 32 года⁶².

«Письма Пушкина к жене» по какой-то причине в печати не появились (работа, возможно, закончена не была), но рассказ Достоевского «Вечный муж» («L'Éternel mari», 1947) вскоре вышел в свет. Затем появилась переведенная вместе с Журно биография Чайковского («Tchaïkovsky, histoire d'une vie solitaire», 1948).

Мина Журно была также соавтором Берберовой по переводу книги Юлиа Марголина «Путешествие в страну зэ-ка», названной во французском издании «La condition inhumaine: cinq ans dans les camps de concentration soviétiques» («Нечеловеческие условия: пять лет в советском концлагере», 1949).

Перевод книги Марголина был важным событием в жизни Берберовой и Журно. В письме Роману Гринбергу от 19 октября 1949 года Берберова сообщала: «...книга Марголина взята издательством Calmann-Lévy, а кроме того, третьего дня она начала печататься в отрывках в “Фигаро”. Счастью нашему нет предела! Они дали портрет, биографию и пр. – словом, подали гениально»⁶³.

Характерно, что работа над этим, а также всеми другими переводами не упомянута ни в «Черной тетради», ни в какой-либо другой главе «Курсива». Дело было, видимо, в том, что на титульных листах всех этих книг стояли имена двух переводчиц, а наводить читателя на имя Журно Берберова не собиралась. Ею двигало, возможно, и еще одно соображение. Нельзя исключить, что вклад Журно в переводы был чисто техническим (на переводческой ниве она ничего в дальнейшем не сделала), и Берберовой хотелось этот факт подчеркнуть.

Помимо работы над переводами она решила попробовать писать киносценарии, но продать их не получалось. Был также начат роман (впоследствии известный под названием «Мыс Бурь»), но продвигался он медленно, так как Берберова вернулась к журналистике. Весной 1947 года была создана газета «Русская мысль», где она стала вести литературный отдел, а также регулярно печатать собственные рецензии на книги литераторов как первой, так и второй волны эмиграции.

В «Русской мысли», однако, платили мало, и даже скромно прожить на эти деньги не представлялось возможным, особенно потому, что в результате разрыва с Макеевым и продажи Лонгшена Берберова должна была снимать себе жилье. Вопрос о дополнительном приработке встал особенно остро. Во время очередной поездки в Швецию летом 1948 года Берберова стала осваивать швейное мастерство, или, как она сама выражалась, «“кутюрную” науку»⁶⁴.

Вернувшись в Париж, Берберова решила пустить обретенные навыки в ход. Она устроилась в швейную мастерскую своей давней, еще гимназической подруги, где проводила пять часов ежедневно. «Работаю с удовольствием, – писала Берберова одному из своих корреспон-

⁶² Письмо Берберовой к Кузнецовой от 16 декабря 1947 года // Forschungsstelle Osteuropa. 01–141 Kuznecova Galina. Цит. по: [Белобровцева, Демидова 2022: 118].

⁶³ Письмо от 19 октября 1949 года // Vozdushnye Puti Records, 1923–1967. В. 1. Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C.

⁶⁴ В «Курсиве» Берберова не упоминает о том, что когда-либо брала такие уроки, но в письме друзьям не скупится на детали: «Вообразите себе учебу, где геометрия, анатомия и что-то третье переплетаются в весьма хитроумном соединении. <...> Считаю, что всякому человеку необходимо знать какое-нибудь ремесло – это дисциплинирует мозги и обеспечивает существование. Мне надоело жить в бедности, и я хочу быть свободной от забот о насущном хлебе. Страшно рада, что за это взялась. Но сначала было так трудно, что думала бросить» (Письмо В. и Б. Зайцевым от 7 июня 1948 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1).

дентов, – так как это дает мне возможность жить и быть независимой»⁶⁵. Но достаточно скоро случилось то, что казалось в те годы подлинной катастрофой: Берберова случайно сломала шпильку от швейной машинки. Этот эпизод, детально описанный в «Курсиве», закончился благополучно. Раздобыть новую шпильку Берберова смогла, но из мастерской она вскоре ушла.

Впрочем, с января 1949 года все ее время стала поглощать работа в «Русской мысли», ибо начался так называемый процесс Кравченко, получивший в свое время огромный резонанс. Берберова освещала этот процесс в качестве корреспондента газеты.

В. А. Кравченко, ставший «невозвращенцем» крупный советский чиновник, судился с французской коммунистической газетой «Les Lettres françaises», обвинившей его в клевете на Советский Союз. Возмущение газеты вызвала вышедшая во Франции книга Кравченко «Я выбрал свободу», где было впервые рассказано о человеческой цене индустриализации, искусственно организованном голоде на Украине и, главное, сталинских лагерях. Кравченко был, собственно, первым, от кого широкая западная публика услышала само слово «ГУЛАГ» [Kern 2007: XI].

Репортажи Берберовой содержали не только свидетельства беженцев из Советского Союза, выступавших в поддержку Кравченко (в результате процесс был им выигран), но и речи его оппонентов, в том числе представителей левой западной интеллигенции, включая таких знаменитостей, как Жолио-Кюри и Сартр.

Благодаря репортажам Берберовой газета стала выходить не один, а два раза в неделю, доход, соответственно, увеличился, и зарплата сотрудников несколько возросла. Но прожить на эти деньги было по-прежнему трудно.

Раздумья по этому поводу, возможно, присутствовали в оригинале дневника, и все же в «Черную тетрадь» Берберова включать их не станет. Эту тему она подробно развернет в следующей главе «Курсива», в которой перечисляет причины, в силу которых она решила уехать из Франции.

Одной из этих причин была «невозможность дожить до конца месяца, неумение переменить профессию, как говорится, материально свести концы с концами в Париже после войны» [Там же: 563]⁶⁶. Другой причиной, заставившей Берберову думать об отъезде, была утрата того «*esprit de corps*», который объединял в довоенное время «десяток или два десятка людей, имевших дело с мыслью и музыкой русской поэзии со словом, с “нотой”, с идеями и ритмами, которые культивировались – худо ли, хорошо ли – в духе некоего оркестра»: «Как в оркестре, мы были лет пятнадцать все налицо. А сейчас не оставалось никого или почти никого, и впереди было небытие – личное и общее» [Там же: 564].

Была, однако, еще одна причина, которая – даже спустя много лет – представлялась Берберовой главной в ее решении покинуть Париж. Этой причиной была ее «победа-поражение в личной жизни»:

На этом участке... все было проиграно, имея вид выигрыша, все было завоевано тяжелой ценой, и все оказалось ненужным грузом, все было приобретено в мучениях, и все я готова была отдать даром кому придется – иначе говоря, отступить, уйти, уплыть куда глаза глядят. И бедность, и разрушение, и бессмысленность всего были бы преодолены, вероятно, если бы не случилось этого... [Там же: 568].

⁶⁵ Письмо С. Риттенбергу от 17 ноября 1948 года в [Ljunggren 2020: 4].

⁶⁶ Надо заметить, что в 1949 году материальное положение Берберовой как раз несколько улучшилось. «Сама я, благодаря энергии, проработав два года очень мучительно и живя бедно, сейчас достигла некоторого “благополучия”, т. е. вырабатываю жизненный минимум – литературой, – писала Берберова С. Риттенбергу. – “Новый Журнал” будет отныне печататься в Париже (дешевле) и я здесь становлюсь их представителем – печатать, корректировать, рассылать, рассчитывать с типографией и сотрудниками, с книжными магазинами, следить за всем и пр. <...> Это мне дает половину денег, нужных на прожитие. Остальное дает “Русск-ая» Мысль”» (Письмо от 5 октября 1949 года в [Ljunggren 2020: 60–61]).

Понятно, что «победой-поражением в личной жизни» Берберова называет свою связь с Журно. Эта связь занимала в ее жизни гораздо более важное место, чем это явствует из текста «Курсива». Как свидетельствует позднейшая дневниковая запись, встречу с Журно Берберова ставила в один ряд со своей встречей с Ходасевичем, а также с Макеевым⁶⁷.

Что именно заставило Берберову считать, что «на этом участке все было проиграно», отчасти проясняют ее письма Галине Кузнецовой. В конце 1947 года Берберова писала Кузнецовой: «Она [Журно] человек очень трудный. Я три года несла на себе страшную тяжесть ее нервности, сложности, изломанности... Мне казалось, что я *могу* ее переделать, но я думаю, что переделать никого нельзя...»⁶⁸ А затем Берберова добавляла: «Мы очень любили друг друга, она очень интересный, многогранный, чуткий человек. Она открыла мне целый мир, как и я ей открыла мир (российский), – но я не в силах отдавать себя так, как отдавала до сих пор. Мне хочется *быть одной*, быть свободной, мне хочется самой покоя...» [Белобровцева, Демидова 2022: 118].

Однако Берберова и Журно продолжали практически ежедневно встречаться и проводить много времени вместе, и такая ситуация, очевидно, их обеих достаточно долго устраивала. А потому еще в начале 1950 года Берберова была твердо уверена, что останется в Париже. Как она писала Кузнецовой, «[я] не хочу отсюда никуда уезжать, потому что мне в этом городе хорошо...»⁶⁹

Но уже через несколько месяцев Берберова начнет энергично собираться в Америку. Видимо, возникли какие-то новые проблемы с Журно, и Берберова решила если не окончательно разорвать отношения, то попробовать на какое-то время расстаться.

Разговоры о ее отъезде из Франции вяло тянулись со второй половины 1940-х (обсуждалась не только Америка, но также Англия и Швеция), и Журно поначалу огорчалась и нервничала, но затем успокоилась. Похоже, что такой вариант она стала находить как раз очень удобным.

Журно давно работала по своей основной специальности, которая когда-то свела ее с Макеевым, но теперь она поднялась на много ступеней выше. Журно стала сотрудницей Луи Карре, знаменитого арт-дилера, коллекционера и владельца престижных галерей.

«Мина работает, собирается не то в Венецию, не то в Женеву, не то на луну...» – сообщила Берберова Зайцевым незадолго до своего отъезда в Америку⁷⁰. В этих словах очевидно раздражение, но расставание с Журно прошло, похоже, не только без ссоры, но в уверениях во взаимной любви. Были даны (и выполнены) обещания друг другу писать, строились планы в скором времени увидеться.

Это казалось вполне реальным. У Луи Карре была галерея в Нью-Йорке, где с 1949 года он устраивал выставки современных французских художников. В организации выставок Журно принимала прямое участие, а это давало (если не практически, то теоретически) возможность часто ездить в Нью-Йорк и проводить там достаточно много времени. Да и Берберова надеялась, что, получив в Америке вид на жительство (она уезжала по туристической визе сроком на год), она сможет регулярно наезжать в Париж.

⁶⁷ Рассуждая в дневнике 1977 года о так называемых двойных годах, Берберова пишет, что для нее «они всегда были очень важные» (Запись от 30 декабря 1977 года // Nina Berberova Papers. В. 50. Ф. 1147). Среди событий, случившихся в такие «двойные» годы, Берберова приводит такие примеры: «22 год. Ходасевич. 33. Н-иколай> [Макеев]. 44. М-ина> [Журно]» (Запись от 12 сентября 1977 года // Ibid.).

⁶⁸ Письмо Берберовой к Кузнецовой от 16 декабря 1947 года в [Белобровцева, Демидова 2022: 118].

⁶⁹ Письмо от 15 января 1950 года в [Там же: 119].

⁷⁰ Письмо от 17 июля 1950 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

Глава 3 1950-е

Дневник за все 1950-е годы Берберова не сохранила, хотя трудно представить, что на протяжении целого десятилетия она не вела никаких, пусть даже самых нерегулярных записей. Не сохранилась, к сожалению, и переписка Берберовой с Журно, уничтоженная, судя по некоторым свидетельствам, в самом конце 1980-х.

О прибытии в Америку в ноябре 1950 года и первых семи годах на новом континенте Берберова рассказала в «Курсиве» кратко, но возвращаться к тому периоду снова была не намерена. Об этом свидетельствует сохранившийся в архиве план книги, в которой она хотела подробно написать о своей жизни в Америке, но начать предполагала лишь с конца 1950-х.

Такое решение объяснялось, видимо, тем, что первые семь лет были для Берберовой особенно трудными, состоявшимися, по ее собственному выражению, «из разнообразных и разнокалиберных мучений»⁷¹. А о мучениях она писать не любила. Однако именно в эти годы жизнестойкость, трудоспособность, а также другие характерные качества Берберовой проявились с особой наглядностью. В силу упомянутых обстоятельств представляется важным восполнить эту лауну в ее биографии, опираясь на дошедшие до нас материалы, которых оказалось не так уж и мало.

Берберова, в частности, позаботилась о том, чтобы в архиве остался листок из блокнота с перечислением всех учреждений, где она в эти годы работала. В архиве также остались копии писем к жившей в Париже двоюродной сестре, в которых Берберова подробно отчитывалась о своем тогдашнем житье-бытье. Правда, среди этих копий имеются существенные пробелы: все послания за 1951 год по какой-то причине отсутствуют. Зато письма Берберовой ее ближайшим друзьям Борису и Вере Зайцевым сохранились в их архиве, видимо, полностью. До нас также дошли ее письма к С. А. Риттенбергу, с которым она познакомилась и подружилась во время своей первой поездки в Швецию и с тех пор поддерживала связь⁷².

Берберова не стала скрывать от читателя «Курсива», что уезжала из Франции с тяжелым сердцем. Она откровенно призналась, что проплакала все те несколько часов, пока поезд шел из Парижа в Гавр (откуда отплывал пароход в Нью-Йорк), кое-как успокоившись только тогда, когда вдаль показался порт.

На пароходе Берберова взяла себя в руки, а по прибытии в Нью-Йорк совсем приободрилась. Не последнюю роль сыграло, естественно, то, что большинство давних, еще парижских знакомых Берберовой, в разные годы перебравшихся в Америку, встретили ее исключительно сердечно и немедленно окружили заботой. В письме двоюродной сестре Берберова писала:

Моя дорогая Асика! Я здесь всего два с половиной дня, но видела столько людей и получила столько впечатлений, что не знаю, с чего начать тебе это письмо. У меня нет больше голоса, т. к. я говорила без перерыва бесконечное количество часов (и частично с глуховатыми), но чувствую себя великолепно: ничего не болит, сплю хорошо, сил и энергии больше, чем в Париже. Встречал меня только Гуль, т. к. встречать здесь почти невозможно: пароход приходит в 6 утра, а выпустили нас только в 2 часа дня. Этого никто не может выдержать. Была таможня, полиция, очереди, порядок, дисциплина и прочее. Когда я наконец вышла... Гуль погибал в каком-то бараньем загоне,

⁷¹ Письмо Берберовой Е. Таубер от 21 февраля 1959 года. Цит. по: [Гиппиус и др. 2016: 173].

⁷² Письма Риттенберга к Берберовой не сохранились. О принятом решении уничтожить эти письма она сообщает Г. Струве в письме от 6 января 1976 года. См.: Gleb Struve Papers. B. 77. F. 7. Hoover Institution Archives. Stanford University.

голодный и полумертвый от ожидания. Взяв такси, мы помчались к М<арии> С<амойловне> Ц<етлиной >, я ничего не видела – куда еду, пока не оказалась в каком-то мебелированном доме. <...> У М<арии> С<амойловны> какие-то «политкаторжане» аккапарировали [от фр. assarager («захватить»)]. – И. В.] комнату (она вообще – святая!), и она мне сняла повыше, на той же лестнице, то, что у нас называется гарсоньеркой. Платит она и вообще мила со мной ужасно. Две недели вперед она уже заплатила, а за это время я найду себе что-нибудь. У меня большая комната, ванна с душем и клозетом. Убирают, топят, телефон и пр. Пав друг другу в объятья, мы сейчас же стали пить чай и разговаривать. Гуль посидел и ушел, начались телефонные звонки. А<лександр> Ф<едорович> К<еренский> явился в 7, Гринберги...⁷³

Гринберги, у которых имелась машина, на следующий день провезли Берберову по Нью-Йорку, о чем она, в свою очередь, отчиталась Асике:

Город – изумительный, вернее Манхэттан, т. е. центр: я видела китайский квартал, «тоди» [от фр. taudis («трущобы»)]. – И. В.], порт, военные суда в доках, Уол стрит, крошечное старинное кладбище, затертое небоскребами, Парк Авеню, кот<орая> хороша необыкновенно, и пр. и пр.⁷⁴

Тем же вечером Берберова вместе с Цетлиной отправилась на Таймс-сквер, где «стояла и смотрела с разинутым ртом на световые вывески, бегущую ленту новостей, оживленный рисунок рекламы Уолта Диснея на крыше 30-этажного дома, и пр. и пр. и пр.»⁷⁵. На следующий день визиты желающих как можно скорее увидеть Берберову продолжились. Пришел, в частности, живший в Нью-Йорке Мстислав Добужинский. М. М. Карпович позвонил и сказал, что хочет специально приехать (и вскоре приехал) из Бостона.

В ближайшие недели Берберова познакомится у Цетлиной с литераторами второй волны эмиграции: Иваном Елагиним, Сергеем Максимовым и Ольгой Анстей. О состоявшемся знакомстве Берберова пишет двоюродной сестре:

Эти трое здесь уже в славе. Они люди талантливые, особенно Елагин, симпатичные, особенно Максимов, и культурные – особенно Ольга Анстей. Все они страшно пострадали в России и Германии, безумно пьют, мрачны, печальны и неудачливы в семейной и личной жизни. <...> Елагин – совсем наш (32 г.), ходит ко мне и, развесив уши, слушает меня. Анстей Ходю [Ходасевича. – И. В.] любила и читала еще в Киеве. Ей 38 лет, она, к сожалению, толста и некрасива. Максимов же автор «Дениса Бушуева», кот<орого> ты читала, вероятно, ему 30, он в есенинском духе и алкоголик. А<лександр> Ф<едорович> К<еренский> и М<ария> С<амойловна> Ц<етлина> его страшно заласкали и стараются, чтобы он не пропал...⁷⁶

⁷³ Письмо от 13 ноября 1950 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62. Именно Гринберг в свое время дал письменное поручительство, необходимое Берберовой для получения визы в Америку, в котором, указав свой годовой доход, подтверждал готовность выделить (в случае необходимости) определенную сумму на ее содержание. И хотя было понятно, что Берберова ни при каких обстоятельствах не воспользуется этой возможностью, такой жест требовал немалого благородства.

⁷⁴ Письмо от 13 ноября 1950 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62. В первом письме В. и Б. Зайцевым Берберова передавала свои впечатления так: «Город потрясающий, ни на что не похожий. Некоторые кварталы напоминают Стокгольм, помноженный на сто. <...> Если бы Вы видели эти улицы, залитые огнями, после которых Большие бульвары кажутся деревней, эти небоскребы, кот<орые> необычайно красивы, величественны и придают городу какой-то марсианский стиль» (Письмо от 16 ноября 1950 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1).

⁷⁵ Письмо от 13 ноября 1950 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62.

⁷⁶ Письмо от 28 ноября 1950 года // Ibid.

И хотя Берберова там же пишет, что она, в свою очередь, со всеми тремя литераторами «страшно нежна», надеясь «добиться от них толку» (то есть, видимо, помочь – на правах старшего коллеги – реализовывать свой потенциал), дружеские отношения у нее сложатся только с Елагиным.

Впрочем, отдавать много времени общению Берберова позволить себе не могла: ей предстояло решить ряд неотложных проблем. Как она писала в «Курсиве», с «бытовой стороны дело обстояло довольно скверно: денег у меня, по приезде в Нью-Йорк, оказалось 75 долларов, из которых 25 я тотчас же отдала (это был долг)» [Берберова 1983, 2: 571]⁷⁷.

Словом, вопрос о средствах к существованию встал очень остро с первого дня. Берберова знала, что найти хоть сколько-нибудь квалифицированную службу будет непросто. Об этом говорил пример нескольких знакомых, и в частности Галины Кузнецовой, приехавшей в Америку полтора года назад и жившей вместе с М. А. Степун тоже в Нью-Йорке. Отправившись к ним практически сразу по приезде, Берберова выяснила, что Кузнецова сумела устроиться только в качестве «прислуги»⁷⁸. Правда, Галина Николаевна даже не пыталась учить английский, тогда как Берберова считала знание языка первейшим условием выживания. Да и в смысле характеров (независимости, целеустремленности и трудоспособности) Берберова и Кузнецова радикально отличались друг от друга⁷⁹.

И хотя необходимость взяться за любую, даже «черную» работу Берберова исключить для себя не могла, она, несомненно, надеялась найти что-то более соответствующее своим интересам и квалификации. В этом ее горячо убеждала и Цетлина, которая сразу запретила ей «думать о кутюре, ведении хозяйства, состоянии при старухах... 150 дол<ларов> в мес<яц> на всем готовом и завещание в пользу... и пр<очих> деклассирующих человека “джобах”»⁸⁰.

Прямо в день приезда Берберова созвонилась со своим давним знакомым, историком Б. И. Николаевским, в свое время тоже переехавшим в Нью-Йорк, и была у него уже на следующее утро. Николаевский обещал постараться помочь с устройством на «Голос Америки»: «писать и вещать»⁸¹. Но несмотря на его усилия, получить эту работу Берберовой тогда не удалось.

Одновременно она пыталась устроиться в ООН, рассчитывая на содействие Керенского. Берберова писала двоюродной сестре, что обедала с Керенским у «главного в русском отделе ООН» и что скоро должно решиться, принята она или нет. А затем добавляла: «И в том, и в другом случае плакать не буду: с одной стороны, хочется обеспеченности и прочности, а с другой – может быть, есть надежда делать что-нибудь более интересное»⁸². Берберова надеялась устроиться в ООН «редактором русских текстов», так как главным условием получения этой

⁷⁷ 25 долларов Берберова, видимо, должна была отдать Р. Гринбергу, который взял на себя какие-то связанные с визой расходы.

⁷⁸ См. письмо Берберовой А. Р. Цимловой от 13 ноября 1950 года (Nina Berberova Papers. B. 4. F. 62). Берберова также отмечает произошедшие с Кузнецовой внешние перемены, свидетельствующие о полной подавленности: «Галина мне была очень приятна, но что с ней случилось!!! Вообрази себе абсолютное отсутствие всякого бы то ни было “коккетства”, губы, ногти, волосы, зубы в ужасном состоянии, одета безвкусно (но не бедно), заикается кошмарно и т. д. Степун не позволяет ей краситься, выходить, бывать без нее. Галина смотрит на Маргу перед тем, как что-либо сказать...» (Ibid.).

⁷⁹ Это очень точно когда-то подметила В. Н. Бунина. См. ее дневниковую запись от 15 августа 1927 года: «В воскресенье была у нас Берберова. <...> Интересный тип для наблюдений. Она добьется своего: все рассчитано. Минута не пропадет даром. <...> Она охвачена одной мыслью – стать писательницей! И вся жизнь у нее направлена в одну точку...» (Цит. по: [Шраер 2010: 13]). А вот – для сравнения – отзыв Буниной о Кузнецовой: «Г<алина> Н<иколаевна> встает в 11 часу. Ей жить надо было бы в оранжеее. <...> Избалована, слаба и не может насиловать себя» (Запись от 19/30 декабря 1927 года. Цит. по: [Грин 1977–1982, 2: 171]).

⁸⁰ Письмо А. Р. Цимловой от 13 ноября 1950 года // Nina Berberova Papers. B. 4. F. 62.

⁸¹ Ibid.

⁸² Письмо от 28 ноября 1950 года // Ibid.

работы было наличие журналистского стажа⁸³. И все же в ООН, как Берберова вскоре узнала, ее не взяли.

Между тем надо было подыскать себе жилье, а найти работу не выходило. Привезенные доллары стремительно таяли, но, явно стараясь успокоить Асику, Берберова писала, что ей все «предлагают займы денег», но она пока не нуждается⁸⁴. Примерно в это время она, видимо, решила продать Б. И. Николаевскому часть привезенного с собою архива.

Об этом нелегком для себя решении Берберова писать своей кузине не стала, да и в «Курсиве» предпочла умолчать. О продаже архива она расскажет читателю лишь по прошествии сорока лет, в одном из своих интервью, зато расскажет подробно:

Ко мне пришел мой добрый знакомый, историк Борис Иванович Николаевский. <...> Вместе мы открыли драгоценный ящик: автографы, газетные, журнальные публикации Ходасевича, тетради, которые я, помню, сшивала цветной бумагой, а он в них клеивал вырезки из «Возрождения», «Последних новостей», где регулярно печатался. Были в ящиках мои материалы. Все это я предложила Борису Ивановичу купить. За какую цену? Вы думаете, я тогда понимала в этом? Борис Иванович был человек небогатый, как и все эмигранты, и он сказал: «Я могу дать 50 долларов». А у меня в кармане на тот момент было только пять долларов, и на следующее утро я должна была внести плату за гостиницу, в неделю я платила пятнадцать долларов. В этой ситуации я сказала: «Хорошо» [Медведев 1996а: 629]⁸⁵.

Найти работу Берберова смогла лишь в январе 1951 года, устроившись на языковые курсы Берлиц. Но уже в феврале она перешла в Толстовский фонд, служба в котором была для Берберовой и интересней, и выгодней. К тому времени она не только встретила с организатором и главой этого фонда, Александрой Львовной Толстой, но, можно сказать, с ней подружилась. В письме Зайцевым от 22 января 1951 года Берберова сообщала: «Я познакомилась с Александрой Львовной Толстой, с кот<орой> была необычно трогательная встреча. <...> Я вчера ездила к ней на ферму, читала ее биографию Толстого, говорила с ней по существу. <...> Словом – это мой друг отныне»⁸⁶.

О встрече и общении с Толстой, поездках к ней на ферму, двух ее собаках, рыбной ловле на закате, вечерах за картами или у телевизора будет подробно рассказано в «Курсиве». Но по какой-то причине Берберова не станет распространяться о своей службе в Толстовском фонде, заметив только, что она «делала кое-какую работу для А. Л. Толстой» [Берберова 1983, 2: 586].

Однако в начале устройства на эту службу Берберова была склонна ее описывать в захлеб, как это видно из ее письма Зайцевым:

Я работаю вот уже месяц в Толст<овском> фонде и очень довольна. Получаю маленькое жалованье, на кот<орое> могу скромно жить. Работа очень самостоятельная и ответственная – я фактически редактор

⁸³ См. письмо Берберовой к С. Риттенбергу от 8 октября 1950 года в [Ljunggren 2020: 77].

⁸⁴ Письмо от 28 ноября 1950 года / Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62.

⁸⁵ Эти материалы составят впоследствии часть коллекции Б. И. Николаевского в Институте Гувера в Стэнфорде, и Берберова увидит их снова почти через тридцать лет. Под впечатлением от этого события она напишет одно из лучших своих стихотворений – «Гуверовский архив. Калифорния» (1978), понятное, в сущности, лишь в контексте ее рассказа о совершенной когда-то сделке: «С пожелтых страниц поднималась ушедшая жизнь, / Уходила во тьму, бормоча и рыдая. / Ты поденщиком был, ты наемником был и рабом, / И я шла за тобою, доверчивая и молодая. // Раздавили тебя. Раздробили узоры костей. / Надорвали рисунок твоих кружевных сухожилий / И, собрав, что могли из почти невесомых частей, / В легкий гроб, в мягкий мох уложили. / Перед тем как уйти, эти тени ласкают меня / И кидаются снова и снова на грудь и на шею, / Обнимают, и молят, и ищут ушедшего дня, / Но ответить я им, и утешить я их не умею». Цит. по: [Берберова 1984: 118].

⁸⁶ Письмо от 22 января 1951 года. Цит. по: [Дейч 2001: 307].

и единственный сотрудник ЖУРНАЛА. <...> Материал подобран мной. Я буду делать все – вплоть до верстки и корректур, буду и редактором, и конторщиком и даже экспедитором. Сейчас уже печатать хотят 5000 экз<емпляров> и на двух языках. Мне приходится следить за всем, и в английском я здорово поднаторела. Надо Вам сказать, что в Толстовском фонде ДОБРО делается из воздуха, как фокусник делает предметы. И я в первый раз вижу по-настоящему бескорыстных, энергичных людей, думающих всецело о других. Все служащие приняли меня тепло, и вообще атмосфера совсем другая, чем в «наших» кругах⁸⁷.

Любопытно, что из всех перечисленных в этом письме обязанностей Берберова упоминает в «Курсиве» (не называя при этом Толстовский фонд) лишь о чисто технической должности «экспедитора», в деталях описав, как она работала на адресографе, управляя этой «машиной» и «размышляя о пользе машин вообще и адресографов в частности» [Там же: 577].

Такая странность, скорее всего, объясняется тем, что энтузиазм Берберовой довольно быстро пошел на спад. Для этого могло быть много причин, в том числе и появление в Нью-Йорке Т. А. Шауфусс, близкой подруги Толстой и вице-президента фонда, которую Берберова характеризовала как «диктатора в юбке», уверяя, что сама «А<лександра> Л<ьвовна> ее боится»⁸⁸. И хотя в том же письме Берберова сочла нужным подчеркнуть, что у нее с этой дамой нет трений, ситуация позднее могла измениться. Примерно через полгода Берберова признавалась Зайцевым, что хотела бы сменить работу на более интересную и более денежную, но сделать этого не может, так как Толстовский фонд помогает ей решить проблему с визой⁸⁹.

Эта проблема волновала Берберову с каждым днем все сильнее. Она приехала в Америку по гостевой визе сроком на год, надеясь позднее получить вид на жительство. В качестве работодателя Берберовой Толстовский фонд имел право подать петицию на изменение ее визового статуса, что неоднократно делал для других и, как правило, с успехом.

* * *

Убедившись, что такая петиция подана, а процесс идет своим ходом, и проработав в Толстовском фонде без малого два года, Берберова решила перейти на ту работу, на которую ей давно хотелось перейти.

В январе 1953 года она устроилась на «Голос Америки», для начала – диктором, но с надеждой, что через какое-то время ей поручат писать тексты для вещания самой. «Работаю я много в Голосе, пока только четыре дня – пятницу, субботу, воскр<есенье> и понед<ельник>. Воскр<есенье> с 9 до 3, остальные дни с 3 до 11 ночи, – сообщала Берберова двоюродной сестре. – Теперь я тренируюсь на довольно ответственную работу – не знаю, что выйдет из этого, но меня хотят перевести с диктора на другое (писать). За тренировку денег не платят, но я думаю, что с января начнут платить»⁹⁰.

У этой службы имелись и другие важные преимущества. «Не сижу больше в дурацкой конторе целый день, а передаю в “Голосе Америки” “на воздух” – работа интересная, ответственная, – писала Берберова Вере Зайцевой. – Выполняю ее хорошо. Отнимает мало времени

⁸⁷ Письмо от 26 марта 1951 года. Цит. по: [Ростова 2004: 149–150]. «Журнал», о котором пишет Берберова, назывался «Новости Толстовского фонда = The News Tolstoy Foundation» (Нью-Йорк, 1951–1954). Как она сообщала С. Риттенбергу, «дело новое, которое я сама организовала» (Письмо от 27 мая 1951 года в [Ljunggren 2020: 79]).

⁸⁸ Письмо А. Р. Цимловой от 2 января 1952 года // Nina Berberova Papers. В. 4. F. 62.

⁸⁹ Письмо В. и Б. Зайцевым от 22 августа 1952 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

⁹⁰ Письмо от 10 октября 1953 года // Nina Berberova Papers. В. 4. F. 62.

и дает скромный прожиточный минимум. Таким образом, я из пролетария опять стала “свободным художником”, встаю, когда хочу, читаю, пишу, думаю, сочиняю и пр. и пр.»⁹¹.

Берберова неслучайно так дорожила возможностью снова стать «свободным художником»: с первых же дней на новом континенте она старалась заявить о себе как о литераторе. Важные шаги в этом направлении были предприняты еще в Париже. Берберова решила спешно закончить роман «Мыс Бурь» (он был начат два года назад) и отослать его в «Новый журнал» до отъезда из Франции⁹². В результате «Мыс Бурь» появился в «Новом журнале» вскоре после прибытия Берберовой в Нью-Йорк – в последнем номере за 1950 год и в первых трех номерах за 1951-й.

В то же самое время Берберова была твердо намерена как можно скорее пробиться к англоязычной аудитории. А потому она не стала откладывать встречу с Дмитрием фон Мореншильдом, основателем и главным редактором «The Russian Review», первого американского журнала, специализировавшегося на истории и культуре России. Берберова познакомилась с фон Мореншильдом, который тоже был из «старых» эмигрантов, но постоянно жил в Америке, в один из его приездов в Париж, и у них сложились самые теплые отношения. Приехав в Нью-Йорк, Берберова немедленно взялась за статью об Андрее Белом, а затем за статью о Ходасевиче. Эти статьи, переведенные на английский, видимо, самим фон Мореншильдом, вскоре появились в журнале⁹³.

Одновременно Берберова решила предложить в Голливуд два написанных еще в Париже сценария, надеясь на содействие американского актера армянского происхождения Акима Тамирова. Начиная свою карьеру во МХАТе, Тамиров остался в Америке во время гастролей труппы и сумел прочно закрепиться в Голливуде, сыграв в десятках фильмов. По просьбе общих знакомых он согласился помочь Берберовой, и она в скором времени ему написала:

Дорогой Аким, посылаю Вам два сценария, о которых мы с Вами говорили. Они переведены – не слишком блестяще – на английский, и я бы просила Вас... передать их туда, куда следует. Конечно, в том случае, если Вы найдете их достойными, т. е. в той или иной мере интересными. Сейчас они – только зародыши чего-то, что может стать настоящим фильмом...⁹⁴

Тамиров, очевидно, не считал сценарии интересными, и Берберова решила оставить этот проект.

Вместо этого она стала работать над пьесой «Маленькая девочка», имеющей явную автобиографическую основу. В центре сюжета – любовный треугольник, явно напоминающий историю Берберовой, Макеева и Журно. Один из трех главных героев пьесы, пятидесятилетний профессор Сомов, влюбляется в девятнадцатилетнюю девушку, о чем узнает его жена Ольга. Однако Ольга не только не пытается избавиться от соперницы, но – к недоумению мужа – приглашает ее жить вместе с ними. Совместное проживание приводит к тому, что Ольга быстро занимает в сердце «маленькой девочки» место Сомова, которому ничего не остается, как уйти из дома. Дело, впрочем, кончается тем, что Ольга прогоняет «маленькую девочку», а Сомов возвращается в семью.

⁹¹ Письмо от 27 марта 1953 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

⁹² Как Берберова сообщала Зайцевым 17 июля 1950 года, «роман отшлифован ... и отослан» (Ibid.).

⁹³ *Berberova N. A Note on Andrey Biely // Russian Review. 1951. April. Vol. 10, № 2. P. 99–105; Berberova Nina. Vladislav Khodasevich – A Russian Poet // Russian Review. 1952. April. Vol. 11, № 2. P. 78–85.* На русском статья о Ходасевиче вышла в «Гранях» (1951. № 12. С. 142–146). В том же году Берберова опубликовала «Письма Максима Горького к В. Ф. Ходасевичу» в трех номерах «Нового журнала» (1952. № 29. С. 205–214; № 30. С. 189–202; № 31. С. 190–205). Эти письма вышли и в переводе на английский, см.: *Maxim Gorky. Letters to Khodasevich / transl. by H. Mclean // Harvard Slavic Studies. 1953. № 1. P. 284–334.*

⁹⁴ Письмо от 20 марта 1952 года // Nina Berberova Papers. В. 20. F. 554.

Разумеется, между героями «Маленькой девочки» и участниками реальной жизненной ситуации нет абсолютного тождества. Макеев не был, как Сомов, профессором археологии, Берберова не принимала участия в его научной работе, а Журно не была музыканткой, но эти различия ничего не меняют по существу. То же относится и к другим отклонениям от «правды жизни», которые можно найти в пьесе.

К моменту ее появления в Лонгшене Мине Журно было не девятнадцать, а тридцать. Однако Берберова была старше ее на тринадцать лет, а Макеев – на двадцать пять. Для них, таким образом, Журно была «маленькой девочкой». В отличие от четы Сомовых, Берберова, расставшись с Макеевым, сходить с ним снова не собиралась. Бракоразводный процесс, начатый ею еще до отъезда в Америку, был завершен в самом конце 1951 года⁹⁵. Но в своей пьесе Берберова ясно давала понять, что мир между Ольгой и Сомовым не продержится долго.

Но главное, пожалуй, что в 1952 году, когда была создана первая редакция «Маленькой девочки», до разрыва Берберовой и Журно было еще далеко: между ними шла регулярная, очень нежная переписка, постоянно обсуждалась возможность увидеться. Когда кто-то из близких знакомых ехал в Париж, Берберова неизменно просила встретиться с Журно, передать подарок, а заодно и разведать, так сказать, обстановку.

Осенью 1951 года эта миссия была возложена на Керенского, который отчитался о встрече с Миной так: «Вид у нее превосходный. Вас любит и о Вас скучает... внутренне, внешне сие не заметно. Мечтает приехать в Нью-Йорк “на месяц-два”»⁹⁶. Берберовой, надо думать, был неприятен намек Керенского, что Журно от тоски не сохнет, но надежда ее увидеть в Нью-Йорке, несомненно, грела.

Правда, привести этот план в исполнение им удастся лишь летом 1957 года. Как писала Берберова Риттенбергу:

...в июле ко мне приезжала из Парижа моя подруга (француженка), с которой я не виделась больше шести лет. Это было мне большой радостью. Месяц мы провели с ней у моря, в местах красивых, старомодных, но теперь постепенно входящих в моду, перегруженных автомобилями и крикливыми дачниками, но все еще элеганских и чем-то напоминающих места нашего детства...⁹⁷

А потому похоже, что в самой первой (не дошедшей до нас) редакции пьесы «маленькая девочка» не была вульгарной, бесцеремонной и злой, а дело не кончалось ее выдворением из дома. Берберова возвращалась к работе над пьесой на протяжении десяти лет, очевидно, неоднократно ее переделывая, но сохранила лишь самую последнюю версию. Эта версия была создана в 1961 году, то есть именно тогда, когда Берберова решила порвать (и порвала) с Журно.

* * *

По какой-то причине Берберова станет считать началом работы над «Маленькой девочкой» 1953 год, хотя, судя по переписке, первая редакция была полностью готова к середине 1952-го. «Пьеса моя про маленькую девочку переведена на английский, – писала Берберова Акиму Тамирову. – Послать ли ее Вам? Послать ли ее в какое-нибудь агентство в Калифорнии?»

⁹⁵ В письме от 2 января 1952 года Берберова сообщала двоюродной сестре, что известие о завершении бракоразводного процесса с Макеевым она воспринимает как главный подарок к Новому году: «Пою от радости на всю квартиру!» (Ibid. В. 4. F. 62).

⁹⁶ Письмо от 3 октября 1951 года // Ibid. В. 12. F. 293.

⁹⁷ Письмо С. Риттенбергу от 14 сентября 1957 года в [Ljunggren 2020: 103].

Не прошу у Вас содействия, а только совета...»⁹⁸ Тамиров попросил пьесу прислать и, прочитав, похвалил, но сказал, что она вряд ли будет иметь успех, «потому, что американцы не любят смотреть пьес о дне, который ушел; они обыкновенно валят толпами в театр смотреть на пьесу о сегодняшнем или завтрашнем дне...»⁹⁹

Отзыв Тамирова, наверное, огорчил Берберову, но руки опустить не заставил. У нее к тому времени уже имелся литературный агент, найденный вскоре по приезду¹⁰⁰. С его помощью Берберова решила попробовать пристроить пьесу на Бродвей. В письме Вере Зайцевой она подробно рассказала, что происходит на этом фронте:

В марте начались весьма для меня значительные переговоры о моей пьесе. Надо тебе сказать, что пьеса, по моему, удалась мне и представь себе – чудно переведена на английский (я теперь совершенно одолела язык). Словом, что тут долго м..дить (sic! – *И. В.*): завтра как будто подписываю контракт... Конечно, взволнована ужасно. Контракт подписываю с людьми, кот<орые> собираются пьесу ставить. Но это только треть дела. Когда поставят – будут две трети. И наконец – третья треть – если пьеса будет иметь успех. Сейчас две провалились с грохотом, причем одна знаменитого (и, по-моему, прекрасного) американского драматурга. Так что сама понимаешь, в каком я настроении! Хожу по театрам, чтобы понять, кто из актеров что может сыграть, какие режиссеры есть, чтобы поставить мою штуку и т. д. Знакомлюсь постепенно с театральным кругом здесь, но серьезным – не лавочниками, не рвачами, а культурными и серьезными людьми¹⁰¹.

Зайцевой не надо было объяснять, кто, собственно, ввел Берберову в «культурные и серьезные» театральные круги. Это была ее родная племянница и в прошлом актриса Елена Аркадьевна Балиева (в семье ее называли Леля, но Берберова всегда звала ее Леной), жившая в Нью-Йорке уже больше пятнадцати лет¹⁰².

Ее первым мужем был режиссер Ф. Ф. Комиссаржевский, в труппе которого Елена Аркадьевна играла, а когда они расстались, стала работать в Театре-кабаре «Летучая мышь» и вскоре вышла замуж за его директора Н. Ф. Балиева. Берберова знала Елену Аркадьевну еще по Парижу, куда «Летучая мышь» переместилась в начале 1920-х и где базировалась почти десять лет, пока Балиевы не переехали в Америку. В Нью-Йорке Балиев скоропостижно скончался, а его оглушенная горем вдова навсегда оставила сцену. Однако к моменту приезда Берберовой в Нью-Йорк жизнь Елены Аркадьевны наладилась, во всяком случае внешне: она вышла замуж (правда, де-факто, а не де-юре) за известного в Голливуде артиста немого кино Николая Ильича Сусанина, а главное, снова стала работать, возглавив балетную школу при Метрополитен-опера.

В Париже Берберова и Балиева были далеки друг от друга и все эти годы не поддерживали связь¹⁰³. Но Вера Зайцева, очевидно, попросила племянницу приветить Берберову, и она эту просьбу исполнила, тем более что при первой же встрече в Нью-Йорке они друг другу очень понравились. Практически во всех своих письмах Зайцевым Берберова упоминала «о Лене», с которой она постоянно говорила по телефону, еженедельно виделась, а какое-то время даже

⁹⁸ Письмо от 11 сентября 1952 года // Nina Berberova Papers. В. 20. Ф. 554.

⁹⁹ Без даты. Видимо, октябрь – ноябрь 1952 года // Ibid.

¹⁰⁰ См. письмо А. Р. Цимловой от 28 ноября 1950 года // Ibid. В. 4. Ф. 62.

¹⁰¹ Письмо от 27 марта 1953 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹⁰² В более раннем письме Берберова уже сообщала Зайцевой, что познакомилась через Балиеву «со старыми русскими-актерами, кот<орые> все очень хороший, веселый, милый народ» (Письмо от 12 декабря 1951 года // Ibid.).

¹⁰³ Это, возможно, объяснялось тем, что отношения Берберовой с Н. Ф. Балиевым, для театра которого она писала скетчи, не были гладкими. См. письмо Ходасевича Берберовой от 3 ноября 1930 года в [Ходасевич 1988: 276–277].

жила у нее. И при этом не скупилась на добрые слова. «Боже, как умна, тонка и очаровательна Лена! – говорилось в одном из писем. – ВСЕ буквально знают это. Она была достойна иной судьбы... Я ее умоляю писать воспоминания...»¹⁰⁴

Действительно, воспоминания Балиевой, знавшей весь российский театральный мир первой трети XX века, много выступавшей в Европе и в Америке, должны были быть исключительно интересными, и все же, несмотря на уговоры Берберовой, она их не написала. Балиеву, которой в те годы было под шестьдесят, изматывала работа, да и отношения с Сусаниным оставляли желать лучшего. «Она работает очень тяжело, он – ничего не делает, – писала Берберова Зайцевой. – По-моему, все это треснет в один прекрасный день»¹⁰⁵.

Тема сложной семейной жизни Елены Аркадьевны будет занимать все больше места в письмах Берберовой, пронизанных острой неприязнью к Николаю Ильичу:

Вера, ты спрашиваешь о Лене. Никогда ни словом не выдай ей меня, но она не счастлива. Не то, чтобы она была несчастна, но вообрази: Сусанин мнителен, эгоистичен, не работает, а Лена работает за двоих. Характер у него тяжелый, семья, любя Лену, не прочь ее поэксплуатировать. Я бы, по своему характеру, давно бы его попросила выехать с квартиры, но Лена все думает, что «может быть, уладится...». Хотя знает, что не уладится. Неделю назад, когда он был у дочери, мы ездили с ней в Стэмфорд, и мы прожили два дня в тишине и покое. Она очень была довольна. Я так люблю ее и так страдаю от того, что ей тяжело, ты не можешь себе представить. Но я не хочу влиять на нее, чтобы она впоследствии мне не пеняла¹⁰⁶.

Елене Аркадьевне, зашифрованной под инициалами «Е. А. Б.», Берберова посвятила свой первый написанный в Америке рассказ – «Большой город», опубликованный в «Новом журнале» (1953. № 32). В этом рассказе речь шла о человеке, который недавно приехал из Европы в Нью-Йорк, бродит по городу в поисках дешевого жилья, сняв в результате маленькую комнату под самой крышей огромного дома. Герой рассказа не позволяет себе падать духом, полон решимости вписаться в новую жизнь, с доброжелательным любопытством знакомится с городом и его обитателями, но страдает от тоски по любимой женщине, с которой по какой-то причине он находится в разлуке. И хотя повествование ведется от лица мужчины, читатель не может не почувствовать, что в основе рассказа лежит собственный опыт Берберовой.

Посылая Зайцевым ссылку на номер журнала, где «Большой город» был напечатан, Берберова сообщала, что она «им довольна сама», что «он нравится очень Карповичу и др<угим>, кто его читал, а Леночка (кот<орой> он посвящен, так как я его придумала, когда жила у нее) прямо в восторге»¹⁰⁷.

Неудивительно, что дружба с Балиевой продолжала крепнуть. «Лену вижу очень часто, – писала Берберова Зайцевой. – Все так же умна, и мила, и прелестна, но устает, грустнеет, и любит, когда я прихожу. Мы иногда даже хохочем вдвоем. Я думаю, она меня любит. Это ты мне ее завещала и подарила – спасибо тебе»¹⁰⁸. Перечисляя своих нью-йоркских друзей, Берберова уверенно ставит Балиеву «на первое место»: «Мы с ней близки, делимся горестями и радостями, которых у меня больше»¹⁰⁹.

К числу «радостей», на которые был достаточно щедр для Берберовой 1953 год, очевидно, относился благоприятный исход ее переговоров с нью-йоркским Издательством им.

¹⁰⁴ Письмо от 10 апреля 1952 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹⁰⁵ Письмо от 27 марта 1953 года // Ibid.

¹⁰⁶ Письмо от 22 августа 1952 года // Ibid.

¹⁰⁷ Письмо от 27 марта 1953 года // Ibid.

¹⁰⁸ Письмо от 29 мая 1953 года // Ibid.

¹⁰⁹ Письмо от 27 марта 1953 года // Ibid.

Чехова. Переговоры касались составленного Берберовой сборника статей и мемуаров Ходасевича, куда вошли материалы, опубликованные в эмигрантской периодике. За издание этой книги, к которой она также написала предисловие, Берберова билась уже много месяцев, и наконец добилась, что книга была поставлена в план и вскоре вышла [Ходасевич 1954]¹¹⁰.

Тем временем у Берберовой появилась важная публикация в журнале «Опыты» (1953. № 1), редактором которого был Роман Гринберг. Эта публикация называлась «Из петербургских воспоминаний. Три дружбы», и в ней говорилось о трех молодых литераторах, с которыми Берберова сблизилась в самом начале 1920-х годов.

С первыми двумя – И. М. Наппельбаум, дочерью знаменитого фотографа, и Н. К. Чуковским, сыном знаменитого критика, Берберова познакомилась в 1921 году в поэтической студии Гумилева, собиравшейся в Доме искусств. И Наппельбаум, и Чуковский были обозначены в воспоминаниях Берберовой только первыми буквами имен, и подобная мера предосторожности была в ту пору отнюдь не лишней. Особенно в силу одного обстоятельства, о котором Берберова знать не могла, но имела все основания подозревать: с 1951 года Ида Наппельбаум находилась в лагере (ей инкриминировали владение давно уничтоженным, но когда-то висевшем в ее комнате портретом Гумилева) и вышла на свободу только после смерти Сталина¹¹¹. Николай Чуковский был успешным прозаиком, опубликовавшим несколько книг, но никакой охранной грамоты это ему не давало¹¹².

Много позднее, когда Берберова будет работать над «Курсивом», а времена в Советском Союзе станут, по известному выражению, «вегетарианскими», она решится назвать Наппельбаум и Чуковского их полными именами и написать о них более подробно.

Берберова расскажет, в частности, о «литературных понедельниках» в доме Наппельбаумов, где она впервые встретила Ходасевича. О Николае Чуковском, с которым в тот год Берберова виделась практически ежедневно, она напишет так: «Ему было 17 лет, мне только что исполнилось 20. Я называла его по имени, он меня – по имени и отчеству, иногда нежно прибавляя “голубушка”. Это был талантливый и милый человек, вернее – мальчик, толстый, черноволосый, живой» [Берберова 1983, 1: 146]. Берберова упомянет и изданный Чуковским сборник молодых поэтов «Ушкуйники» (1922), который, кстати, открывался ее собственным стихотворением¹¹³.

Когда «Курсив мой» был практически закончен, пришло известие, что Николай Корневич, которому было чуть больше шестидесяти, внезапно скончался. Берберова внесла дату его смерти в биографический указатель к книге и там же отметила, что Чуковский писал интересные воспоминания: его очерк о Мандельштаме был к тому времени напечатан в журнале «Москва». Но Берберовой не было известно, что Чуковский успел написать воспоминания

¹¹⁰ В письме Зайцевым Берберова сетовала на то, что издательство чрезвычайно неохотно выпускает книги литераторов первой волны эмиграции, а также жалуется на безразличие и невежественность его руководства в лице В. А. Александровой. «Но письмо Александровой, обращенное ко мне в ответ на предложение издать Владин “Некрополь”, я сохранила для потомства, – писала Берберова. – Приблизительное его содержание следующее (сокращаю, но ничего от себя не выдумываю): “Многоуважаемая ЛИДИЯ Николаевна. Мы согласны издать сборник господина Ходасевича Некрополь, если Вы придумаете к книге “ударное название”. Я хотела сначала написать, что я придумала ударное название: “НЕКРОПОЛЬ”, но потом решила ничего не отвечать”. Вот Вам стиль человека, который приглашен заведовать русским издательством» (Письмо от 10 апреля 1952 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1).

¹¹¹ В этой статье Берберова писала, что был репрессирован и умер в ссылке муж Наппельбаум, М. Фроман, хотя, как она узнала позднее, он умер в результате неудачной операции, а репрессирована была сама Ида Моисеевна. Однако из-за боязни обнаружить свои контакты с Наппельбаум и тем самым ей повредить Берберова не стала исправлять информацию о Фромане при публикации «Курсива» как на английском, так и на русском. См. письмо Берберовой Магнусу Юнггрену от 4 января 1982 года в [Ljunggren 2020: 267].

¹¹² Любопытно, что Берберова и Гринберг считали нужным соблюдать еще ббльшую конспирацию в своей переписке по поводу этой публикации, называя Иду Наппельбаум «Розой», а Николая Чуковского «Ваней». См. письмо Гринберга Берберовой от 30 января 1953 года и письмо Берберовой Гринбергу от 6 февраля 1953 года // Vozdushnye Puti Records, 1923–1967. В. 1.

¹¹³ Это стихотворение («О том, что вечером морозным...») Берберова перепечатывать больше не будет, справедливо считая его очень слабым.

о Ходасевиче, а также о ней самой, ибо эти тексты впервые вышли к читателю только в самом конце 1980-х. По версии Чуковского, он был первым, кто догадался о романе Берберовой и Ходасевича, так как они часто встречались втроем, и именно ему была поручена роль связного, когда Владислав Фелицианович не мог отлучиться от своей тогдашней жены.

О Берберовой Чуковский вспоминал с большой теплотой. Он отмечал ее начитанность, жизнерадостный характер и, конечно, женскую привлекательность, описав двадцатилетнюю Берберову так:

Отец ее был ростовский армянин, а мать русская, и это смешение кровей дало прекрасные результаты. Нина была рослая, сильная, здоровая девушка с громким веселым голосом, с открытым лицом, с широко расставленными серыми глазами. По самой середке ее верхних зубов была маленькая расщелинка, очень ее красившая... [Чуковский 2005: 133]¹¹⁴.

О Ходасевиче, однако, Чуковский писал гораздо менее доброжелательно, хотя признавал его значительность как поэта. Но Чуковский не преминул отметить, что Ходасевич был некрасив и тщедушен, и, главное, брезгливо отзывался о его человеческих качествах. Чуковский утверждал, что во время романа с Берберовой Ходасевич панически боялся объяснений с женой и что отъезд за границу был задуман исключительно с целью бегства от нее. Такой образ Ходасевича не должен был понравиться Берберовой, и знай она об этих воспоминаниях раньше, то в публикации в «Опытах», а затем и в «Курсиве» она написала бы о «Коле» гораздо менее ласково.

Третьим героем воспоминаний Берберовой был Л. Н. Лунц, один из самых младших «Серрапионовых братьев», с которым она познакомилась также в Доме искусств. Скрывать имя Лунца у Берберовой не было ни малейшей нужды: он скончался в Германии почти три десятилетия назад.

Берберова кратко представляла читателю Лунца, а также включила в свой материал большую подборку его посланий к себе. Судя по этим посланиям, он относился к Берберовой исключительно нежно, хотя не без легкой иронии¹¹⁵. Подборку писем Лунца завершало письмо его отца, благодарившего Берберову за соболезнования по поводу смерти сына, и – особенно – за написанный ею некролог, добавляя: «...из всех статей, посвященных нашему дорогому голубчику, Ваша всего ближе нам с женой» [Берберова 1953а: 179]. Этот некролог, напечатанный в берлинской газете «Дни» (1924. № 475), Берберова позднее процитирует в «Курсиве» практически целиком [Берберова 1983, 1: 148–149]¹¹⁶.

Публикация в «Опытах» имела для Берберовой неожиданные и крайне приятные последствия: знакомство с сестрой Лунца и ее мужем, Евгенией и Яковом Хорнштейн. В письме двоюродной сестре Берберова отзывалась об этой паре так: «Она – настоящая леди, очень мила, умна и красива. Муж – крупный бизнесмен, а кроме того – переводчик на английский стихов Гумилева»¹¹⁷.

¹¹⁴ Вопреки впечатлению, которое создают дошедшие до нас фотографии Берберовой, она была действительно рослой, особенно по тем временам. В сохранившемся в архиве французском паспорте Берберовой отмечен ее рост: 168 см. И все же в отношении цвета глаз Чуковский явно ошибся. В том же паспорте указано, что глаза Берберовой были карими, хотя, видимо, светло-карими. Будь иначе, Гумилев не назвал бы ее глаза «прозрачными», как он сделал в посвященном Берберовой стихотворении: «А все океаны, все горы, / Архангелы, люди, цветы – / Они в хрустале отразились / Прозрачных девических глаз».

¹¹⁵ Эта ирония особенно заметна в письме Лунца «Серрапионовым братьям», в котором, упоминая о встрече с «Ходасевичами» в Берлине, он сообщает, что Берберова «еще лучше, чем была. Похудела, похорошела. Хохочет, орет и наивно удивляется – по-прежнему...» (Письмо от 20 июня 1923 года. Цит. по: [Лунц 1993: 238–240]).

¹¹⁶ Помимо Берберовой некрологи Лунцу написали три его близких друга, молодые «Серрапионы» – Константин Федин, Михаил Слономский, Николай Никитин, короткой заметкой откликнулся и Горький.

¹¹⁷ Письмо от 31 октября 1953 года // Nina Verberova Papers. В. 4. Ф. 62.

Встреча с Хорнштейнами компенсировала, хотя бы отчасти, серьезное огорчение, ждавшее Берберову в 1953 году, – конфликт с ее давним другом Марией Самойловной Цетлиной. Вбить между ними клин давно пыталась дочь Цетлиной Шура (Александра Николаевна Авксентьева, в замужестве Прегель), относившаяся к Берберовой остро неприязненно¹¹⁸. Причиной этой неприязни была убежденность Александры Николаевны и ее мужа, что Берберовой прекрасно жилось в Париже при немцах, чему Цетлина упорно отказывалась верить.

И все же настал такой момент, когда у Марии Самойловны появились на этот счет серьезные сомнения. Осенью 1953 года ей передали архив В. В. Руднева (по распоряжению его недавно скончавшейся вдовы), и Цетлина начала его внимательно просматривать. Среди других документов она обнаружила открытку Берберовой, призывавшую Руднева, который находился в свободной зоне Франции, немедленно приехать в оккупированную зону.

Возможно, от растерянности Цетлина стала показывать эту открытку знакомым, предвзвительно не объяснившись с Берберовой. Этот момент задел ее особенно, о чем она написала Марии Самойловне, а заодно подробно рассказала, почему была послана такая открытка¹¹⁹. Этот рассказ, практически дословно повторенный в «Курсиве», заключался в том, что психически заболела оставшаяся в Париже близкая Рудневу женщина (Л. С. Гавронская), за которой, как считала Берберова, он должен был немедленно приехать, увезти с собой и тем самым спасти¹²⁰.

После этого письма состоялось личное объяснение Берберовой с Марией Самойловной, и мир между ними был восстановлен, но достаточно поверхностно¹²¹. В «Курсиве», однако, об этом конфликте не говорится ни слова. Берберова пишет о Цетлиной как о давнем друге и вспоминает лишь сделанное ею добро.

* * *

Словом, в 1953 году Берберову ждали не только радости. С осени у нее началась полоса неприятностей.

К середине октября стало окончательно ясно, что пристроить на Бродвей «Маленькую девочку» не получилось. «С пьесой дело плохо, пока отложена, четыре провалились в этом сезоне уже, – сообщала Берберова двоюродной сестре. – Я не рвусь в бой, сижу тихо, работает агент. Вообще здесь нельзя развивать сто лошадиных сил (таково мое мнение), надо немножко дать и судьбе поработать. А может быть, просто я не могу больше развивать сто лошадиных сил? И не только физически, но и морально»¹²².

Практически одновременно в «Голосе Америки» началось сокращение штатов, и в ноябре Берберовой пришлось уйти. Она вскоре устроилась в так называемый Американ-

¹¹⁸ См., в частности, письмо Берберовой В. Зайцевой от 29 мая 1953 года: «К сожалению Прегели работают против меня всюю... и вообще приходится иногда бороться – чего раньше не было. Сама понимаешь, как трудно бороться с Шурой» (Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1).

¹¹⁹ Письмо от 21 декабря 1953 года // Nina Berberova Papers. В. 21. Ф. 577.

¹²⁰ См. [Берберова 1983, 1: 347–348]. Берберова отмечает в «Курсиве», что Руднев приехать не мог (он уже умирал от рака), а Гавронская, обозначенная в книге инициалами, была схвачена нацистами и погибла в концлагере.

¹²¹ См. письмо Берберовой Зайцевым от 4 февраля 1954 года: «М<арию> С<амойловну> Ц<етлину> я почти не вижу. И никто ее из моих друзей почти не видит. Она очень поддалась, засыпает при разговоре, все путает. Кроме того, ей Прегель наконец объяснил, что мне чудно жилось при немцах (и я даже была арестована франц<узской> полицией после ухода немцев), и она охладела ко мне. Но внешне все прилично» (Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1). См. также письмо Берберовой Зайцевым от 3 декабря 1955 года: «С Мар<ией> Сам<ойловной> я не в ссоре, но она стала очень трудной: с одной стороны, глуха и не в состоянии следить за мало-мальски толковым разговором; с другой стороны – Прегель. Так что она исчезла не только с моего горизонта. <...> Делает бестактности, обижает людей и т. д.» (Ibid.).

¹²² Письмо от 10 октября 1953 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62.

ский комитет по освобождению от большевизма, на базе которого была создана радиостанция «Освобождение» (позднее радио «Свобода»), но проработала там не больше двух месяцев¹²³.

Это означало, что надо было срочно искать новую службу. В письме Зайцевым от 9 января 1954 года Берберова описала свою тогдашнюю ситуацию так: «Сама я живу не хорошо и не плохо, то есть работа, то нет. Судьба меня держит, как когда издатель “Биржевых Ведомостей” Проппер держал своих сотрудников, – не на голодном пайке, но разбогатеть не давал!...»¹²⁴

В результате Берберовой пришлось устроиться к некоей миссис Брандт. В очередном письме Зайцевым она сообщает:

Я работаю, устаю, служу у довольно интересной особы секретаршей (вы можете себе представить, как я научилась языку, что печатаю письма по-английски!), особа эта лет 60 много путешествовала и занимается Африкой – синдикальным движением там и прочими рабочими делами. Три раза была в СССР в 30-х годах. Я ее учу немного русскому. Вижу у нее интересных людей, рассматриваю их внимательно, говорю по-английски и вообще нахожу, что мне как-то занятнее с американцами, чем с русскими политиками (литераторов мало осталось хороших!)¹²⁵.

Любопытно, что именно службу у миссис Брандт Берберова подробно опишет в «Курсиве» (заменив фамилию «Брандт» на «Тум»), вероятно, считая ее самой колоритной. Вскоре, однако, Берберовой стало ясно, что вынести миссис Брандт она больше не в силах.

Берберова снова взялась за поиски работы, и неожиданно быстро нашла, о чем радостно доложила двоюродной сестре:

Вот уже три недели, как я служу на новом месте, и ничего лучшего не могу себе вообразить, думаю, что комментарии будут излишни, если я скажу тебе, что попала в здешнюю Публичную библиотеку. Принимая во внимание, что в свое время и дедушка Крылов служил в Петербургской Публичной Библиотеке, – считаю, что это место мне подходящее. Пошла я туда, как часто ходила в какой-то отчаянный день, весьма наскучив африканскими делами, прокаженными д-ра Швейцера и прочими чужими делами, и меня взяли... Не могу тебе сказать, как я счастлива. Целый день вожусь со старыми ценными русскими книгами... Служу в отделе, где на «микропринт» переводятся старые издания. Как ты знаешь, конечно, старые книги приказывают долго жить, и, чтобы их сохранить, их страницу за страницей фильмуется (гарантия 300 лет). Потом их читают через очень удобный волшебный фонарь. Так вот, я готовлю для мастера, который фильмуется, «Русскую старину», «Русский архив» и прочие вещи, и даже стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, и древнерусский словарь Срезневского, где юсы малые и большие меня приводят в большое умиление. Ни о чем не мечтаю, как продолжать в том же духе. <...> Настроение у меня хорошее, и у меня такое впечатление, будто мои мытарства закончились. Может быть, на время, но и то хорошо¹²⁶.

¹²³ Позднее Берберова напишет Зайцевой, что не жалеет о том, что не смогла закрепиться в Американском комитете, так как там заправляли и заправляют несимпатичные ей люди, в числе которых, кстати, упоминался Роман Гуль (Письмо от 3 декабря 1955 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1).

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Письмо от 4 февраля 1954 года // Ibid.

¹²⁶ Письмо от 23 апреля 1954 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62.

О своей работе в библиотеке Берберова позднее рассказала и Зайцевым, подробно объяснив, в чем она состоит и чем интересна. И все же главный акцент был теперь сделан на то, что эта служба ее изнуряет: «Пять дней в неделю очень жестоких, а два дня – хороших, спокойных и свободных, так что этими двумя и живешь»¹²⁷. Неудивительно, что в эти годы Берберова ничего не писала. «Писать не хочется, – говорилось в том же письме. – Может быть, придет обратно это чувство “надо, чтобы из тебя это вышло”, но сейчас этого нет, а главное – только если оно будет неуправляемым, я возьмусь за перо»¹²⁸.

В первый раз за все время в Америке Берберова признавалась, что она начинает терять свою «бодрость, энергию и жизнелюбивость»¹²⁹. Дело было не только в накопившейся усталости, но и в продолжавшихся проблемах с визой, которые никак не удавалось уладить. В феврале 1954 года она писала Зайцевым: «Жизнь моя проходит в ожидании бумаг американских, и надо смириться “гордому человеку” – впрочем, это не так уж трудно, и человек не так уж и горд»¹³⁰.

Затянувшееся ожидание было связано с тем, что в начале 1950-х иммиграционное законодательство США серьезно ужесточилось, и подобного рода проблемы возникли у многих иностранных граждан.

Предпочтение в предоставлении вида на жительство стало отдаваться «высококвалифицированным специалистам», и по этой категории Толстовский фонд стал пытаться провести Берберову, подчеркивая ее известность как литератора. Одновременно указывалось на ее стойкую антикоммунистическую позицию, что в те годы имело особое значение. Была подана также справка о состоянии здоровья, так как людям с серьезными и – тем более – хроническими заболеваниями, как правило, отказывали. В этом плане у Берберовой было все идеально. «Выяснилось, что я, как говорится, здорова как корова», – написала она двоюродной сестре, вернувшись домой от давшего справку врача¹³¹.

И все же процесс изменения ее визового статуса шел по-прежнему не гладко. Несмотря на петиции Толстовского фонда, а также личные ходатайства А. Л. Толстой и Керенского, для того чтобы вынести решение по делу Берберовой, потребовалось целых три слушанья. Только на третьем слушанье была принята положительная резолюция, одобренная, как полагалось по протоколу, американским президентом, которым был тогда Эйзенхауэр.

Эта резолюция была подписана 10 августа 1954 года, и все же ровно через две недели Эйзенхауэр отменил свое решение. Как говорилось в пространном меморандуме, причиной для пересмотра дела Берберовой явился тот факт, что она два раза пропустила срок окончания визы, а значит, находится в США нелегально и должна быть депортирована во Францию. Эйзенхауэр отмечал, что желающих остаться в Америке много, но все должны соблюдать определенные правила, и он лично не видит никаких оснований, чтобы сделать в данном случае исключение¹³².

Нетрудно представить, каким ударом это стало для Берберовой. Возвращаться во Францию она не хотела, да и не могла (у нее там не было ни работы, ни жилья), тогда как Америка

¹²⁷ Письмо от 29 августа 1954 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Ibid. На изнурительность работы в библиотеке Берберова жаловалась и Риттенбергу, объясняя именно этим фактом отсутствие своих новых вещей: «...нет времени, в сущности, для “покоя” и “воли”, без которых не может быть никакого творчества» (Письмо от 28 августа 1954 года в [Ljunggren 2020: 91]). И хотя Берберова тут же уверяет, что не чувствует «себя несчастной, не видя более в печати своей фамилии», в полную искренность этих уверений поверить трудно.

¹³⁰ Письмо от 4 февраля 1954 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹³¹ Письмо от 23 апреля 1954 года // Nina Berberova Papers. В. 4. F. 62.

¹³² Memorandum of Disapproval of a Bill for the Relief of Nina Makeef, Also Known as Nina Berberova CONGRESSIONAL RECORD-HOUSE. P. 15565. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/memorandum-disapproval-bill-for-the-relief-nina-makeef-also-known-nina-berberova> (дата обращения: 02.10.2022).

представлялась «давно и уютно обжитым домом»¹³³. То, что она нарушает какие-то правила, Берберовой, очевидно, не приходило и в голову. Она была уверена, что срок ее визы автоматически продлится, пока Толстовский фонд подавал апелляции и назначались новые слушанья.

Неудивительно, что Берберова тут же кинулась за советом к Толстой. В ответ на ее отчаянное письмо Александра Львовна обескураженно писала: «Почему президент не подписал? Доносы? Непонятно...»¹³⁴ Берберова попросила Толстую поговорить с юрисконсульту Литературного фонда, и это было немедленно сделано. Юрисконсульт сообщил, что самое надежное в такой ситуации – выйти замуж за человека, обладающего американским гражданством или видом на жительство. В этом случае ей будут прощены все прошлые визовые прегрешения, и оснований для отказа в изменении статуса, соответственно, не будет.

* * *

Формальных препятствий для нового брака у Берберовой не было: развод с Макеевым давно состоялся, и у нее имелись необходимые справки. Другое дело, что о замужестве, так сказать, «по любви» речь заведомо не шла: сколько-нибудь глубоких романтических привязанностей у нее за эти годы не возникло¹³⁵. Речь могла идти лишь о фиктивном браке, который надо было срочно организовывать.

Правда, в ближайшем окружении Берберовой имелся человек, эмигрант второй волны, подходивший для этой цели по всем статьям. Он был холост, давно получил вид на жительство и через несколько месяцев должен был стать гражданином США. Но главное, конечно, что он был готов оказать Берберовой такую услугу.

Этого человека звали Георгий Александрович Кочевецкий. Родившийся в 1902 году в небогатой дворянской семье, он окончил Ленинградскую консерваторию, работал в качестве аккомпаниатора в театральных труппах, исполнял классический репертуар на радио, преподавал в музыкальных училищах. Летом 1933 года Кочевецкий был арестован по политической статье, отсидел в лагере, но во время войны сумел перебраться на Запад [Kochevitsky, Squillace 2010]. С конца 1940-х он обосновался в Нью-Йорке, где зарабатывал уроками игры на фортепиано, быстро создав себе репутацию прекрасного педагога¹³⁶.

Как Кочевецкий сообщил в своих воспоминаниях, он давно предлагал Берберовой уладить визовый вопрос с помощью брака, но она не хотела идти по такому пути без самой крайней нужды. Когда же этот момент наступил, Берберова немедленно написала Кочевецкому (он был в то время на отдыхе в штате Мэн), и он тут же вернулся в Нью-Йорк.

15 сентября 1954 года, то есть буквально через несколько дней после получения известия о том, что Берберову должны депортировать, она и Кочевецкий оформили брак. Этот брак был изначально фиктивным и перейти в иное качество не мог. Как Берберова мне в свое время сказала и что, разумеется, ей было известно заранее, женщины Кочевецкого не интересовали и у него имелся постоянный партнер.

С Георгием Александровичем Берберова познакомилась у М. С. Цетлиной вскоре после приезда, и он произвел на нее приятное впечатление. Перечисляя в письме Зайцевой обретен-

¹³³ Письмо В. Вейдле от 29 мая 1953 года // Nina Berberova Papers. В. 21. Ф. 601.

¹³⁴ Письмо от 10 сентября 1954 года // Ibid. В. 20. Ф. 569.

¹³⁵ Как Берберова признавалась Зайцевой, все ее «легкомысленные дела» настолько «несерьезны, что только украшают жизнь, ее не меняя и даже на нее не воздействуя» (Письмо от 22 августа 1952 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1).

¹³⁶ Кочевецкий был автором многих статей по теории и практике музыкального искусства, а также выпустил книгу «The Art of Piano Playing: A Scientific Approach» (1967), которая выдержала несколько переизданий. Он издал впоследствии еще один труд – «On Playing Bach: Performing Bach's Keyboard Music» (1991).

ных в Нью-Йорке друзей, Берберова называет и Кочевецкого, подчеркнув при этом, что хотя он и «новый эмигрант, но совсем особенный, вроде нас с тобой»¹³⁷.

То, что Берберова и Кочевецкий знали друг друга почти три года и часто общались (она приезжала к нему и в Мэн), имело большое значение для работников иммиграционной службы, которые должны были их интервьюировать. Чем дольше длилось знакомство будущих супругов, тем меньше было подозрений, что брак – фиктивный, а подобные браки считались в Америке государственным преступлением. Для обладателя гражданства это было чревато огромным штрафом (или немалым тюремным сроком), а для другой стороны – штрафом и депортацией.

Кочевецкий, таким образом, брал на себя нешуточный риск, за что Берберова, конечно, была ему благодарна. Они оба старались не стеснять друг друга, и в первые годы им это вполне удавалось. Как Берберова писала Зайцевым: «Муж, Г<еоргий> А<лександрович> – милейший человек, характер дивный, живем дружно, но все совсем не так, как в молодости – свободно и вольно и вместе с тем слегка “алуф” – чудное американское слово, “алуф” друг от друга, то есть на некотором расстоянии. Мы, между прочим, на “вы”»¹³⁸. Берберова продолжала нахваливать Кочевецкого и в более поздних письмах: «Он уютный, культурный и приятный человек и совершенно не похож на нового советского хомуса. Живем мы очень дружно, но очень отдельно в смысле “профессиональном”. Обоим нам на пользу, что мы поженились»¹³⁹.

Действительно, совместное проживание давало определенные выгоды. Кочевецкий и Берберова делили расходы (на квартиру и продукты), а также заботы по хозяйству. Кроме того, положение женатого человека способствовало «бизнесу» Георгия Александровича: родители его учеников (а уроки с детьми были главным источником заработка) теперь охотнее доверяли ему своих девочек и мальчиков.

После заключения брака Кочевецкий немедленно подал петицию о представлении его супруге вида на жительство, и через обычный в таких случаях срок (семь месяцев) визовый статус Берберовой был успешно изменен. Как она радостно рапортовала двоюродной сестре: «Всем моим мукам конец»¹⁴⁰. Обладание видом на жительство давало право на пособие по безработице, что Берберовой, в свою очередь, пригодилось, когда в октябре 1955 года она потеряла очередную службу¹⁴¹.

Впрочем, вскоре Берберова снова нашла работу, на этот раз в только что созданной Национальной ассоциации социальных работников (NASW). В письме Зайцевым от 3 декабря 1955 года Берберова писала:

Вот уже неделю, как я нашла себе чудное место, где не замучивают работой, где мило ко мне относятся и где я себя хорошо чувствую. Это – в отрасли «социаль сервис», чему по-русски перевода нет. Это большая здесь отрасль – все, что имеет отношение к слепым, детям, сумасшедшим, бездомным, просто неприспособленным к современной жизни людям, – называется «социаль сервис». Люди идут на специальный факультет, получают диплом и затем составляют организацию, на всю страну одну (22 тысячи членов). Я служу в этой организации. Практически ни с какими

¹³⁷ Письмо от 17 июня 1953 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹³⁸ Письмо от 19 июня 1955 года // Ibid.

¹³⁹ Письмо Зайцевым от 3 декабря 1955 года // Ibid.

¹⁴⁰ Письмо А. Р. Цимловой от 9 апреля 1955 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62.

¹⁴¹ О получении пособия упоминается в письме Берберовой Г. Струве от 15 октября 1955 года // Gleb Struve Papers. В. 77. Ф. 7.

«случаями» не сталкиваюсь, но сижу в центре, где мимо меня все это проходит¹⁴².

Со временем, однако, Национальная ассоциация социальных работников перестанет казаться Берберовой «чудным местом», однако пока она не только не жалуется, но уверяет Зайцевых, что всем довольна:

Жизнь внешняя у меня трудовая, цель ее – отложить достаточно денег и приехать в Европу так, чтобы прожить ГОД с друзьями. И я это сделаю. Жизнь внутренняя – в полном покое и гармонии. Все вопросы решены, никаких сомнений, никаких колебаний. Все, что когда-то мучило, – встало на свое место, и от этого на меня сошла радость, если хочешь – некоторая мудрость. <...> Я ничего сейчас не пишу по серьезным причинам, а о них говорить не хочется. Это меня не мучит. Из посредственного «творца» я стала прекрасным «поглощателем», и по правде сказать, так мне жить лучше. Может быть, это временно. «Поглощаю» музыку, поэзию, литературу, философию и, конечно, людей. Есть близкие друзья, с которыми интересно, а подчас и весело...¹⁴³

Ближайшим другом Берберовой, как она уточняла в том же письме, была по-прежнему Елена Балиева:

Леночку вижу очень часто. Мы близки, и она мне просто необходима. С Ник<олаем> Ил<ычом> все более или менее утряслось, но без радости эта жизнь, и могло быть лучше. Он сам по себе неплохой человек, но они друг другу не подходят, и все, что есть в Лене артистического, особенного, волшебного, в нем отклика не находит. Он не работает. Она – за двоих. Живем мы близко от Сусаниных, а школа балетная, где Лена заведующая, – рядом с нами. Так что я забегаю к ней, а она – ко мне. Иногда мы идем вдвоем обедать в ресторан, выпиваем, вспоминаем вас обоих, веселимся по-своему¹⁴⁴.

Но этой идиллии вскоре пришел конец. Елене Аркадьевне показалось (а, может, и *не* показалось), что Берберова пыталась завести роман с ее мужем. Балиева писала Зайцевой:

Нина продолжает ему звонить, приглашая его в гости, игнорируя меня абсолютно, чему даже он сам удивлялся, и, с другой стороны, хвастался, что «мол, Ваши друзья предпочитают меня Вам» и т. д. Нины для меня больше нет, и никогда я с ней встречаться не буду. <...> Ей хотелось быть героиней в глазах нашего «общества», что все мужья и любовники рвутся к ней. Очевидно, она всегда была такой и не может сдержать себя до конца¹⁴⁵.

Берберова, в свою очередь, сообщила Зайцевой о разрыве отношений с ее племянницей, но признать за собой какую-либо вину решительно отказалась:

С Леной Б<алиевой> я совсем не вижусь, иногда вижусь с Ник<олаем> Ильичем, кот<орый>, возможно, и был в свое время причиной перемены ее отношения к мне. Но вместо того, чтобы объясниться со мной как

¹⁴² Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. B. 1.

¹⁴³ Письмо от 3 декабря 1955 года // Ibid.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Цит. по: [Ростова 2016: 262]. Борис и Вера Зайцевы, видимо, пытались держать нейтралитет, но их дочь Н. Б. Соллогуб (правда, много позднее) взяла сторону Балиевой. Она не выражала ни малейших сомнений, что Берберова «пыталась отбить у Лели ее последнего мужа – Сусанина», неприязненно добавляя: «Все Нинины номера!» Что же касается Сусанина, то Соллогуб отзывалась о нем так: «Интересный был мужчина, обаятельный. <...> Но с Лелей они прожили недолго» [Ростова 2004: 147].

с ближайшим ей (и дорогим, самым дорогим здесь), как она говорила, человеком, она предпочла изъять меня из своей жизни. И жалко, и грустно, – совесть моя чиста, я чувствую себя глубоко и несправедливо обиженной, – «дамскими капризами», другого слова не подберу¹⁴⁶.

Похоже, что Берберова действительно была сильно обижена. Иначе трудно объяснить тот странный факт, что посвященный Балиевой рассказ «Большой город», который так нравился когда-то самой Берберовой, а также всем, кто его читал, она решила как бы вычеркнуть из памяти. Читателю «Курсива» сообщается, в частности, что в 1950-е годы Берберова написала три рассказа, хотя на самом деле их было четыре, если считать «Большой город», но его упоминать она явно не стала намеренно. Неслучайно этот рассказ был самым последним из поздних рассказов Берберовой, переведенных на другие языки, и это произошло уже после ее кончины.

В середине 1950-х разрушилась еще одна важная для нее дружба – с Романом Гринбергом. Причиной послужила досадная оплошность со стороны Берберовой, в принципе для нее совершенно не характерная. Дело касалось труднодоступной в Америке книги – набоковской «Лолиты», в то время изданной только во Франции, но сразу же запрещенной, а значит, не подлежащей распространению, включая, естественно, вывоз за границу. Экземпляр этой книги (с дарственной надписью Набокова) имелся у Гринберга, и Берберова, взяв ее почитать, забыла в автобусе по дороге домой. И хотя, «раздавленная ужасным происшествием», она послала Гринбергу отчаянное письмо, обещав любой ценой добыть другой экземпляр, он, очевидно, был так раздражен, что свел общение, в том числе эпистолярное, полностью на нет¹⁴⁷.

В результате издаваемый Гринбергом альманах «Воздушные пути» (1960–1967), где печатались все видные литераторы и где Берберова, безусловно, хотела бы тоже печататься, для нее был закрыт. Даже более того: публикуя в «Воздушных путях» тексты Ходасевича, Гринберг не считал нужным предложить Берберовой написать вступительную заметку и/или комментарии, что не могло ее не задеть. Особенно потому, что тетради Ходасевича, стихи из которых были напечатаны в «Воздушных путях», Берберова после ареста его вдовы лично вынесла из разгромленной квартиры и тем самым спасла для потомства. Другое дело, что предъявлять претензии Гринбергу Берберова не имела формальных прав: эти тетради уже давно находились не у нее¹⁴⁸.

* * *

И все же середина 1950-х годов состояла для Берберовой не только из одних потерь. В это время, в частности, существенно окрепла ее дружба с Глебом Струве. Этому, безусловно, способствовало появление его книги «Русская литература в изгнании» (1956), которая вызвала много споров среди литераторов первой волны: недовольных и обиженных хватало с избытком¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Письмо от 18 мая 1957 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹⁴⁷ Письмо от 24 марта 1956 года // *Vozdushnye Puti Records, 1923–1967*. В. 1.

¹⁴⁸ Как и ряд других связанных с Ходасевичем материалов, эти тетради оказались в результате в архиве М. М. Карповича. Берберова утверждала, что дала их ему на временное хранение и из деликатности не попросила расписку. О существующей договоренности было якобы известно дочери Карповича Наталье, но после смерти отца в 1959 году она отказалась вернуть материалы Берберовой. Отношения тут же были разорваны, но в «Курсиве» об этом конфликте не говорится ни слова, и о Наташе Карпович упоминается нейтрально. Определенную роль, безусловно, сыграло уважение к памяти ее отца, а также то, что эти материалы всегда были открыты для исследователей Ходасевича. И все же, когда архив Карповича перешел к его сыну Сергею, Берберова решила ему написать и попытаться объяснить ситуацию (Письмо от 16 декабря 1980 года // *Nina Berberova Papers*. В. 11. Ф. 279). Ответа на это письмо не последовало, а архив Карповича, включая полученные от Берберовой материалы, был вскоре передан в Бахметевский архив Колумбийского университета.

¹⁴⁹ См., в частности, отзыв Г. Адамовича в письме к И. Одоевцевой: «Вы спрашиваете, что я думаю о книжке Струве. Ничего не думаю. Я слышал и слышу о ней со всех сторон, но на старости лет предпочитаю избегать раздражений и всего

Что же касается Берберовой, то она оценила труд Струве исключительно высоко:

Для меня Ваша книга – событие совершенно ЛИЧНОГО порядка. Я прочла в ней мою жизнь за двадцать лет. Не могу сказать Вам, как она меня волновала при чтении и как сейчас, закрыв ее, я остаюсь в каком-то особенном настроении – очень возвышенного свойства. Так значит, мы все-таки были! И русская литература БЫЛА...¹⁵⁰

Конечно, Берберовой было небезразлично, что Струве с огромным пиететом писал о Ходасевиче, а также лестно отзывался о ней самой. Впрочем, иные из похвал в свой адрес Берберову даже смутили, о чем она написала в том же письме:

Вы переоценили меня и добрые Ваши слова о «Посл<едних> и Первых» заставили меня покраснеть. Возможно, что впервые в истории русской литературы автор недоволен оценкой критика, как слишком мягкой. В свете последних пяти или десяти лет я жестоко осудила себя и живу под лозунгом: молчите, проклятые книги, я вас не писал никогда. Возможно, что когда-нибудь я вернусь к литературе (а может быть – к поэзии), но сейчас я вижу ясно, как плохо было почти все, что написано мною. На эту тему могла бы распространиться, но не хочу. Довольно сказанного¹⁵¹.

На самом деле Берберова уже отчасти «вернулась» к поэзии, написав и напечатав в «Новом журнале» (1956. № 46) несколько стихотворений. Но книга Струве ее явно ободрила, заставив вскоре «вернуться» и к прозе: в ближайшие два года она напишет три больших рассказа.

Желанию Берберовой снова взяться за перо, очевидно, способствовала и появившаяся возможность заняться делом, гораздо более близким к ее интересам и квалификации, чем работа в ассоциации социальных работников. В «эту контору», как Берберова призналась Борису Зайцеву, она давно уже ходила с «отвращением несказанным»¹⁵².

Расстаться, хотя и не сразу, с «этой конторой» Берберовой помогло известие, полученное из Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), штаб-квартира которого находилась в Мюнхене. Администрация ЦОПЭ решила открыть отделение в Нью-Йорке и стала искать компетентного и ответственного человека, который мог бы вести их дела в США. Выбор в результате пал на Берберову, и в сентябре 1957 года она приступила к работе. Как Берберова писала Глебу Струве, цель создания американского отделения «была не столько политическая, сколько литературная», ибо «ЦОПЭ намерено в 1958 году выпустить литературный альманах (Мосты)»¹⁵³. А в письме другому своему корреспонденту Берберова объясняла: «Альманах будет как бы обращен к новой Сов<етской> интеллигенции. Он частично пойдет в Сов<етскую> Россию, как сейчас начинает проходить уже многое. В нем не будет ни оголтелого большевикоедства, ни эстетства. Хочу собрать вокруг него все, что еще живо»¹⁵⁴.

Примерно та же информация содержалась в редакционном «Предисловии» к первому номеру альманаха, где попутно разъяснялся смысл его названия: «Нам видятся мосты, переброшенные через пропасть, разделившую на две части единую русскую интеллигенцию...»¹⁵⁵

прочего, а так как обо мне там, по слухам, написаны всякие гадости, то я ее не собираюсь читать. Собака лает, ветер носит. Хочу только сделать Терапиане реприманд за слишком вежливо-почтительную рецензию на эту собаку. По-моему, Терапиано – лиса, “и нашим, и вашим”...» Цит. по: [Коростелев 1997: 486].

¹⁵⁰ Письмо от 5 мая 1956 года // Gleb Struve Papers. В. 77. Ф. 7.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Письмо от 9 декабря 1957 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹⁵³ Письмо от 9 декабря 1957 года // Gleb Struve Papers. В. 77. Ф. 7.

¹⁵⁴ Письмо П. Мельгуновой-Степановой от 18 января 1958 года // Nina Berberova Papers. В. 14. Ф. 390.

¹⁵⁵ Мосты. 1958. № 1. С. 7. Альманах должен был печатать (и печатал) писателей, живших в Советском Союзе, но делать

И хотя Берберова должна была составлять первый номер «Мостов» не одна (в редколлегию альманаха входили литераторы второй волны – В. И. Юрасов и И. В. Елагин, а главным редактором был находившийся в Мюнхене Ю. А. Письменный), она, видимо, делала основную работу.

Именно Берберова взяла на себя труд связаться с литераторами первой волны, рассказать им о создании нового альманаха и пригласить печататься в «Мостах». И хотя она обратилась только к тем, с кем поддерживала отношения, этот список был достаточно внушительным. Он включал Б. Зайцева, Г. Адамовича, Г. Иванова, Г. Струве, Н. Вольского, В. Смоленского, В. Вейдле, Б. Суварина, Е. Таубер, А. Шика. Берберова также связалась с рядом литераторов второй волны, живших вдали от Нью-Йорка: Ю. Иваском, В. Марковым, Н. Ульяновым. Начиная с декабря 1957 года Берберова отправила чуть ли не два десятка писем, и практически все, к кому она тогда обратилась, стали – кто раньше, кто позже – авторами «Мостов». «Хочется очень, чтобы альманах вышел хороший, – писала Берберова Зайцеву. – Трудно это, но сейчас мне это еще кажется возможным»¹⁵⁶.

Предполагалось, что в «Мостах» будут активно участвовать и члены редколлегии, в том числе, естественно, и Берберова. В первом номере альманаха был опубликован ее рассказ «Памяти Шлимана». Этот рассказ, относящийся к жанру антиутопии (речь идет о последствиях технократической цивилизации и перенаселенности), сама Берберова ставила высоко, но упорно отказывалась комментировать, в лучшем случае поясняя, что речь в нем идет не столько об Америке, сколько о Европе, и в частности об Италии¹⁵⁷. В том же номере «Мостов» был опубликован полемический отзыв Берберовой на статью В. Маркова «О большой форме», а также подготовленное ею к печати письмо Чайковского к певице Дезире Арто-Падилла.

Рассказ «Памяти Шлимана» был начат, видимо, лет пять назад, но закончен только в начале 1958 года. Тогда же был закончен и другой давно начатый Берберовой рассказ – «Мыслящий тростник», который будет напечатан в «Новом журнале» (1958. № 55). Берберова радостно сообщала Зайцеву:

Я чувствую себя хорошо и работаю (пишу) ежедневно. Вот что значит не служить больше в конторе!! Написала большой рассказ для мюнхенского альманаха (для которого прошу Вас писать, Боря, там платят и как будто дело серьезное). Другой рассказ, еще больше, дала Карповичу. Третий пишу сейчас. Все это – по 30–40 страниц штучки, так что, сами понимаете, время берет. По альманаху я тоже работаю изрядно – член редколлегии, на самом деле нечто вроде редактора. Переписку веду большую, кажется, все приглашены, кого только возможно было выискать¹⁵⁸.

Третья «штучка», о которой пишет Берберова, – это, очевидно, повесть «Черная болезнь», законченная в 1959 году. В ней она поднимает ту же тему, что и в двух своих вещах американского периода – «Мыслящем тростнике» и «Большом городе». В каждой из них речь идет об одиночестве, тоске по любимому человеку, умершему или потерянному в силу других причин, но главное – способности (или неспособности) справиться с тоской, которая может разрушить жизнь, наподобие «черной болезни», поражающей драгоценные камни. Эта тема, очевидно, остро занимала в то время Берберову.

это на регулярной основе не получалось: охотников рисковать своим положением было немного. На регулярной основе печатались только фрагменты из «Доктора Живаго», ибо роман к тому времени уже вышел на Западе и публикации в «Мостах» не угрожали Пастернаку дополнительными гонениями.

¹⁵⁶ Письмо от 9 декабря 1957 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

¹⁵⁷ См. письмо Берберовой Е. Таубер от 21 февраля 1959 года: «Только “Памяти Шлимана” не совсем про Америку, а первая мысль мне о нем пришла, глядя на итальянский фильм, когда люди на берегу, в воскресный день, в Остии, едва помещались в море. Америка широкая и просторная, и в ней много места. Есть, конечно, и “кошмары”, но пожалуй – не страшнее европейских». Цит. по: [Гиппиус и др. 2016: 173].

¹⁵⁸ Письмо от 28 июля 1958 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

* * *

К моменту окончания «Черной болезни» она уже не работала секретарем редакции «Мостов», но оставалась еще несколько лет членом редколлегии альманаха и продолжала там печататься. Необходимость снять с себя административные обязанности объяснялась тем, что летом 1958 года в жизни Берберовой произошло событие исключительной важности. Ей предложили место преподавателя в Йельском университете, одном из самых престижных университетов Америки, что сама Берберова и все ее знакомые восприняли как чудо. Это «чудо» объяснялось счастливым стечением нескольких обстоятельств, но литературные заслуги Берберовой, умение себя подать и свободное владение языком тоже сыграли немалую роль.

По воспоминаниям Кочевецкого, началось с того, что один из знакомых Берберовой был нанят в Йель. И хотя его имени Кочевецкий не помнил, он, очевидно, имел в виду историка и литератора Н. И. Ульянова, принадлежавшего ко второй волне эмиграции.

Берберова познакомилась с Ульяновым в конце 1940-х годов в Париже (он приезжал из Марокко, где тогда жил), и между ними завязалась переписка. Уже из Америки Берберова помогала Ульянову с оформлением необходимых бумаг на переезд в Канаду, а затем в США.

Но главное, что Берберова заметила и отметила исторический роман Ульянова «Атосса» (1952), напечатав в «Новом журнале» доброжелательную рецензию. Ульянов, в свою очередь, восторженно отозвался на составленный Берберовой сборник Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания» (1954).

Правда, обсуждая этот сборник, Ульянов практически полностью сосредоточился на тех статьях Ходасевича, где тот обращался к коллегам по перу с грозным предупреждением, которое в одном случае сформулировал так: «Если эмиграция даст заглухнуть молодой словесности, она не выполнит главного и, может быть, единственного своего назначения» [Ульянов 1954: 143].

Это предупреждение, как огорченно констатировал Ульянов, было явно забыто (или не принято всерьез) большинством писателей старшего поколения, склонных игнорировать «молодую словесность». А затем Ульянов продолжал:

... роль маститых заключается не в одних похвалах и признаниях. Удар линейкой авторитетного мэтра имеет не меньшее значение, чем похвала. Это тоже своего рода посвящение в литературное звание. Мы живем в такое время, когда удары и педагогические окрики требуются, может быть, в большей степени, чем похвалы. В полной силе остается реплика Ходасевича: «Никто, разумеется, не потребовал бы от них непререкаемых похвал (молодежь за этим не гонится), но порой и упрек, и осуждение свидетельствуют о внимании, о заботе. Этого нет...» [Там же: 152].

Понятно, что высказанные претензии не имели никакого отношения к Берберовой, как раз строго следовавшей заветам Ходасевича в своем отношении к литераторам младшего поколения. Ульянов это ценил, что впоследствии доказал не только словом, но и делом.

Переехав в Йель и там обосновавшись, Ульянов познакомил Берберову с профессором Ричардом Берджи, главой славянской кафедры в Йеле. Как Ульянов, похоже, рассчитывал, Берберова произвела на Берджи столь сильное впечатление, что он практически сразу предложил ей работу на своей кафедре – преподавать русский язык.

На эту ставку у Берджи как раз тогда появились деньги, ибо правительство США решило выделить средства на развитие советологии и, соответственно, расширение русских программ в крупных американских университетах. Это решение было вызвано таким событием

1957 года, как запуск Советским Союзом спутника, что говорило о научно-технической мощи главного противника в холодной войне.

Другое дело, что, несмотря на наличие ставки, нанять Берберову было очень непросто, но Берджи был готов приложить все усилия. Во-первых, у Берберовой не имелось диплома о высшем образовании, так как она окончила только гимназию. Однако вместо диплома ей зачили ее книги, что, по словам самой Берберовой, «абсолютно невероятно в Америке, где без диплома – никуда»¹⁵⁹.

Во-вторых, ей было в то время пятьдесят семь, то есть примерно на тридцать лет больше, чем в Америке принято начинать академическую карьеру. В письме двоюродной сестре Берберова сообщала, что ее американским друзьям-профессорам не более тридцати пяти – сорока: «...старше 50 вообще народу почти нет. Возраст в Америке вещь роковая»¹⁶⁰. Но и на это «роковое» обстоятельство администрация Йеля закрыла глаза. Правда, по свидетельству знакомых Берберовой, она тогда выглядела удивительно молодо.

И все же главную проблему при устройстве Берберовой в Йель представляла ее принадлежность к «слабому полу»: женщин в академической среде в те годы практически не было. Когда Берберову все-таки взяли на работу, она оказалась на факультете единственной женщиной. «Учебный персонал только мужской, – писала Берберова Асике, – и главным преткновением для меня было то, что я женщина – здесь это долго обсуждалось. В библиотеке есть даже зал, куда женщины не допускаются – такова традиция»¹⁶¹. Трудно сказать, удалось ли самой Берберовой попасть когда-нибудь в этот зал, но ее появление в Йеле, безусловно, способствовало разрушению подобных традиций.

В середине сентября 1958 года Берберова приступила к преподаванию. Сообщая Зайцевым, что ее жизнь «повернула в неожиданную сторону», она продолжала:

...без всяких с моей стороны потуг и усилий, один из больших американских университетов (Йель) пригласил меня читать лекции по рус<скому> яз<ыку>. Находится Йель в городке Нью-Хевен, в полутора часах езды от Нью-Йорка, и на прошлой неделе я начала свою «профессорскую» деятельность. В будущем году буду, видимо, читать русск<ую> литературу или историю культуры. Сняла я там себе меблированную комнату и целый день работаю – с понедельника до пятницы утра. Пять часов лекций в день, а потом иду в библиотеку (божественное место, Боря, сказочное прямо!) и там пишу, перевожу самое себя, читаю книги. Ложусь рано, потому что в 8 утра уже первая лекция¹⁶².

Между тем карьера Берберовой в Йеле развивалась стремительней, чем она ожидала. В очередном письме двоюродной сестре она докладывала:

Я сразу попала из «инструкторов языка» в полу-профессора (в соответствии с этим не только жалованье, но и знакомства), ибо через 4 дня после начала занятий по русскому языку меня спросили, не взялась бы я читать с будущего сентября курс литературы («Русский символизм»). Я согласилась. А еще через несколько дней меня спросили, не начну ли я сейчас (были желающие слушать). Я согласилась – смело. Читаю по-русски, готовлюсь довольно тщательно, но не пишу, а говорю, что здесь очень ценится. <...> Я чувствую себя счастливой. Работа очень интересная, есть очень способные

¹⁵⁹ Письмо Берберовой Н. Вольскому от 23 сентября 1959 года // Nina Berberova Papers. B. 21. F. 614.

¹⁶⁰ Письмо от 7 ноября 1958 года // Ibid. B. 4. F. 62.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Письмо от 22 сентября 1958 года // Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. B. 1.

и талантливые ученики – будущие знатоки русской литературы и русск<ого> языка...¹⁶³

Учебный год в Йеле прошел у Берберовой в напряженных трудах, так как приходилось в ускоренном темпе восполнять отсутствие филологической подготовки. В этой связи она писала Асике:

Как часто я думаю о том, как было бы хорошо, если бы ты была тут и рассказала бы мне о Бодуэне, Введенском, и других профессорах, кот<орых> я не слушала, а теперь читаю – главным образом Щербу, Тимофеева (по поэтике) и вообще миллион других книг – вплоть до сочинений Влад<имира> Соловьева. Никто от меня ничего не требует, но, живя в «академическом» мире, я чувствую, как мне недостает образования и как хорошо повышать «квалификацию», тем более что в будущем сентябре курс мой «Русский символизм» будет расширен, не час в неделю, а целых три часа, и будет семинарий. Надо быть готовой к нему. Кругом меня лингвисты, историки литературы, спецы по Достоевскому, Пушкину – все американцы. Очень часто меня спрашивают о том и о другом, и ты понимаешь, что мне надо быть во всеоружии. Да, очень жалею, что не ходила в Сорбонну в двадцатых годах – даже без диплома это могло мне дать так много! Но того, что было, – не вернешь. У меня три класса по языку, а один по литературе. <...> Хотя теоретически я занята всего три часа в день с ними, но прибавь к этому то, что я готовлюсь к своим лекциям, правлю их домашние работы, выступаю в их «русском клубе», заседаю на собраниях факультета, кончаю новый рассказ для второго номера «Мостов» и только что сдала Карповичу для Нов<ого> Журнала огромнейшую статью о Набокове¹⁶⁴.

И все же Берберова старалась выкроить время для общения. «Здесь Карповичи, Ульяновы, проф. Вернадский (историк), 70 лет, вдова Ростовцева, но я больше попала в американские круги, где меня, как слона, уже месяц водят на показ, скоро это, вероятно, кончится и будет посвободнее», – сообщала Берберова двоюродной сестре¹⁶⁵. Она особенно сблизилась с двумя молодыми коллегами по кафедре, а вскоре подружилась с профессорами других факультетов, в частности с известным компаративистом Рене Уэллеком. Друзьями Берберовой станут в дальнейшем куратор славянской библиотеки Алексис Раннит и – особенно – его жена Татьяна.

К концу второго семестра в Йеле Берберова, естественно, очень устала, но позволить себе долгий отдых во время летних каникул она не могла. На июль и август Берберова устроилась преподавать в Университет штата Индиана – с целью подработать.

Зарплата Берберовой в Йеле была очень скромной, а ей хотелось накопить на поездку в Европу. Но накопить было трудно – в том числе потому, что уже с середины 1951 года, то есть едва-едва встав на ноги в Америке, она начала регулярно посылать деньги во Францию – двоюродной сестре и Зайцевым¹⁶⁶. Они понимали, что Берберова отрывает от себя, а потому протестовали, но все же «вложения», отправленные обычно с оказией, принимали. Практиче-

¹⁶³ Письмо от 7 ноября 1958 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62. Курс по русскому символизму, скорее всего, предложила сама Берберова, проявлявшая интерес к этой теме, видимо, с момента знакомства с Ходасевичем. В частности, она даже выступала с докладом в ходе дебатов «Что такое символизм?», состоявшихся в середине декабря 1930 года на очередной встрече «Франко-русской студии». См. [Нива 2008: 59].

¹⁶⁴ Письмо от 7 мая 1959 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62. Рассказ «Черная болезнь», предназначенный для второго номера «Мостов», будет напечатан в итоге в «Новом журнале» (1959. № 58).

¹⁶⁵ Письмо от 7 ноября 1958 года // Nina Berberova Papers. В. 4. Ф. 62.

¹⁶⁶ См., в частности, письмо Б. Зайцева от 15 октября 1951 года: «Нина, не присылайте мне доллары, право ни к чему, у нас есть, Вера тоже против этого...» / Boris Konstantinovich Zaitsev Papers. В. 1.

ски в каждом письме в Париж Берберова писала, что страшно соскучилась, мечтает приехать и обнять всех близких, но поездку из-за нехватки денег приходилось все время откладывать.

* * *

Возможность поехать в Европу появилась у Берберовой только летом 1960 года. Она отправилась в Париж в самом конце мая, собираясь вернуться обратно в Америку в первую декаду сентября, к началу занятий в Йеле. В эти три с лишним месяца Берберова вела дневниковые записи, хотя те страницы, в которых говорилось о встречах с родными, друзьями и знакомыми после десятилетней разлуки, она в основном уничтожила. Видимо, Берберова не хотела доносить до потомства, как сдали за эти годы близкие (или просто симпатичные) ей люди. Зато записи, касавшиеся Мины Журно, с которой Берберова встретила в Риме, потом отправилась в Грецию, а затем вернулась в Париж, она сохранила, видимо, полностью.

Эти записи радикально отличаются от других дошедших до нас дневников Берберовой – и своим тоном (как правило, истерическим), и своей исключительной многословностью. Что же касается содержания, то оно достаточно однообразно и представляет собой главным образом филиппики в адрес Журно.

Даже состояние ее здоровья, очевидно неидеальное, не вызывало у Берберовой ни тревоги, ни сочувствия. Несколько лет назад у Журно был найден туберкулез гортани, и хотя ее вроде бы вылечили, у нее нередко поднималась температура. Когда Берберова впервые услышала о болезни Журно, это известие ее испугало и огорчило. Но, с другой стороны, принесло и известное облегчение: sex арреал Журно, игравший если не главную, то очень важную роль в их отношениях, уже не имел над Берберовой прежней власти.

Раздражение против Журно с каждым днем нарастало, но Берберова старалась его выплеснуть в дневник – в целях психотерапии. Запись от 28 июля в этом смысле типична:

Утром с Миной по магазинам. Завтракали. (До этого сидели «под куполом» на Корсо). По Sistina. Потом ко мне. Она отдыхала, я мыла волосы. Но не было уюта, не было покоя, прелести, веселья. Потом покупали мне туфли, сели на набережной, против Pl. Ropolo, в элегантном месте, с чудным видом. Зашло солнце, начали зажигаться огни. Мина отослала свой «Americano», требуя апельсин<овой> корки. Я страдала. Но было так хорошо, и воздух, и птицы, и все. После к ней, и обедать. Покупка джемпера, кот<орый> не подошел, и вечные муки по поводу того, что она толстеет, что-то злое в лице, грязное платье... Чувствую, что это наша, м<ожет> б<ыть>, последняя встреча, во всяком случае последний раз я живу с ней изо дня в день. Тягостно¹⁶⁷.

Берберова тщательно фиксирует в дневнике свои разговоры с Журно, неизменно шедшие на повышенных тонах: «...был страшный спор (как всегда ни о чем, больше раздражения, чем логики)», отмечает, как она подурнела: «...вся жесткая, с твердым длинным носом и “каменными” (теперь) глазами; странно толкается, когда ходит, и тяжело кладет свою (не очень чистую) большую руку (горячую от постоянного жара) мне на руку»¹⁶⁸, постоянно подчеркивает, каким невыносимым стал ее характер: «Отсутствие в ней чувства юмора меня угнетало и раньше. Теперь появились: бестактность, внутренняя грубость и т. д.»¹⁶⁹ Да и рассказ Журно о своих профессиональных успехах вызывает у Берберовой явный скепсис: «Она рас-

¹⁶⁷ Nina Berberova Papers. B. 50. F. 1144.

¹⁶⁸ Запись от 29 июля 1960 года // Ibid.

¹⁶⁹ Ibid.

сказала мне о том, чем зарабатывает: manager для художников (выставки, пресса – зарабатывает прилично). По ее словам, все ее любят, балуют, задаривают и пр. Со всеми она знакома (Fellini, Moravia и т. д.). М<ожет> б<ыть>, это и так»¹⁷⁰.

Только по возвращении в Париж записи, касавшиеся Журно, становятся относительно редкими и более краткими. Берберова была занята другими делами, готовилась к отъезду, прощалась с близкими, с особой болью – с Зайцевой, перенесшей три года назад инсульт, от которого не сумела оправиться: «Вера угасает. <...> Не увижу ее больше, она не протянет двух лет»¹⁷¹.

Что же касается Журно, умирать совершенно не собиравшейся, то с ней Берберова, в свою очередь, внутренне распрощалась, возможно, не без боли, но – одновременно – не без явной озлобленности, как бы мстя за былую зависимость.

«Итак, этот день отъезда наступил, – писала Берберова в дневнике. – С Миной завтракать, потом купили шампанское (я была на взводе). На вокзал с вещами. <...> “Она стояла у состава... Но слов он не произносил”. Мина вся в слезах чего-то ждала. Поезд отошел, и она отошла. Гавр. Погрузка»¹⁷².

Процитированные Берберовой стихотворные строчки – из ее собственного давнего стихотворения, выдержанного в стиле «жесточкого романа» с соответствующей концовкой: «Так началась разлука наша: / Твое страданье и мое»¹⁷³. Печатать эти стихи Берберова, конечно, не собиралась, но в свое время послала одному из друзей, добавляя, что их «можно читать как комические, а можно и как трагические», но читать обязательно «сильно нараспев» [Ljunggren 2020: 41].

На этом жизненный сюжет, прямо связанный с Журно, был для Берберовой завершен. Оставалось завершить соответствующий литературный сюжет, что будет сделано по приезде в Америку. Берберова снова вернется к «Маленькой девочке» и создаст наконец окончательный вариант, который вскоре опубликует в «Мостах» [Берберова 1962].

Поставить «Маленькую девочку» в Америке ей так и не удастся, но после публикации пьесы в России (Современная драматургия. 1991. № 2) она вызовет интерес российских режиссеров. В 2001 году «Маленькую девочку» поставят в Театре имени Ленсовета, а в 2002-м по пьесе создадут телеспектакль. Однако завершение «Маленькой девочки» было не единственным и, конечно, не главным результатом поездки Берберовой в Европу летом 1960 года.

Из этой поездки, как узнает со временем читатель «Курсива», она привезла с собой «замысел этой книги» [Берберова 1983, 2: 626].

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Запись от 3 сентября 1960 года // Ibid.

¹⁷² Запись от 7 сентября 1960 года // Ibid.

¹⁷³ Письмо Берберовой к Риттенбергу от 9 сентября 1948 года в [Ljunggren 2020: 41].

Глава 4 1960–1970-е

По возвращении в Йель Берберова практически сразу приступила к работе над задуманной книгой, собираясь завершить ее года за два. Но этот данный самой себе срок оказался нереальным, ибо писать приходилось урывками, главным образом в течение зимних и летних каникул. В письме двоюродной сестре Берберова обрисовала ситуацию так: «В июне я хочу двинуть книгу мою, которую начала осенью и к которой не возвращалась с Рождества»¹⁷⁴.

Основное время отнимало, естественно, преподавание: у Берберовой была очень большая учебная нагрузка. Кроме того, над нею висело несколько важных обязательств. Берберова должна была подготовить подборку писем И. С. Тургенева к Генри Джеймсу, уже давно опубликованных на Западе, но на русском языке до тех пор недоступных. В переводе Берберовой и с ее предисловием эти письма будут опубликованы в альманахе «Мосты» (1961. № 7).

Она также должна была написать ряд материалов для «Нового журнала», одним из которых был мемуарный очерк «Конец Тургеневской библиотеки». На идею этого очерка Берберову натолкнула книга Эренбурга «Люди, годы, жизнь», главы которой начали публиковаться в «Новом мире» в 1960 году. В одной из глав, напечатанных в сентябрьском номере журнала, упоминалось о существовавшей в Париже прекрасной русской библиотеке, основанной при участии Тургенева и впоследствии названной его именем.

Эренбург сообщал, что во время оккупации Парижа Тургеневскую библиотеку куда-то вывезли немцы. Свидетелем этого события (оно произошло осенью 1940 года) случайно оказалась Берберова, и это побудило ее взяться за перо. Очерк «Конец Тургеневской библиотеки» будет опубликован в «Новом журнале» (1961. № 63). Там же вскоре появятся две большие статьи Берберовой: «Великий век» (1961. № 64) и «Ключи к настоящему» (1961. № 66).

В первой из них обсуждались идеи американской «новой критики», а во второй поднималось множество тем, включая соцреализм в современной советской литературе. Берберова считала, что работа в Йеле требует от нее «академических» публикаций, но этот жанр давался ей с трудом, и, главное, результаты получались посредственными. Это не преминули отметить коллеги Берберовой, в том числе даже те, кто был дружески к ней расположен¹⁷⁵.

Одновременно Берберова решила попробовать перевести несколько самых известных вещей Т. С. Элиота, включая «Любовную песнь Дж. Альфреда Пруфрока» и «Полых людей», считая, что этого поэта никогда не переводили на русский. О существовании «Антологии новой английской поэзии» (Л., 1937), где был представлен и Элиот, Берберова, очевидно, не знала, и это придавало ей смелости приступить к столь сложной задаче.

Свои переводы она послала В. В. Вейдле как знатоку англо-американской литературы, к тому же лично знакомому с Элиотом. В сопроводительном письме Берберова писала: «Простите, что затрудняю Вас таким делом. <...> Читала я их многим, но печатать пока не спешу. Здесь нет никого, [у] кого бы могла спросить совета, – одни восторги, которые я приписываю самому факту перевода Элиота на русский»¹⁷⁶. Вейдле счел переводы слабыми и мягко пытался отсоветовать печатать, однако Берберова все же их напечатала [Элиот 1962]. Но со временем она, похоже, стала об этом жалеть.

¹⁷⁴ Письмо от 28 апреля 1961 года // Nina Berberova Papers. B. 4. F. 62.

¹⁷⁵ См., в частности, письмо Г. Струве В. Маркову от 7 июля 1961 года: «Да, статья Берберовой [«Великий век». – И. В.] произвела и на меня странное впечатление. Впрочем, дело, мне кажется, объясняется довольно просто: она впервые вдруг познакомилась с англосаксонской “новой критикой”... и, не переварив всех этих свалившихся на нее “откровений”, пустилась делиться ими с читателями...» Цит. по: [Коростелев, Шерон 2001: 682]. Столь же слабое впечатление оставляет и статья Берберовой «Советская критика сегодня», в свой черед опубликованная в «Новом журнале» (1966. № 85; 1967. № 86).

¹⁷⁶ Письмо от 1 января 1961 года // Nina Berberova Papers. B. 21. F. 601.

Помимо этих проектов у Берберовой было еще одно, особенно важное и, главное, срочное дело. В 1961 году исполнялось семьдесят пять лет со дня рождения Ходасевича, и к этой дате Берберова задумала выпустить сборник его стихотворений (предыдущий был издан в Париже в 1927 году, то есть тремя с лишним десятилетиями ранее).

Получив небольшой грант от нью-йоркского Гуманитарного фонда, Берберова составила «Собрание стихов» Ходасевича, положив в основу предыдущий сборник и добавив ряд текстов. Часть этих текстов Ходасевич по разным причинам не включил в свою книгу, часть была опубликована позднее в периодике, а часть оставалась в рукописях. В приложениях Берберова дала краткую биографию и библиографию Ходасевича, а также его комментарии к стихотворениям, сохранившиеся на подаренном ей экземпляре. В «Собрании стихов» были и две фотографии, одна из которых, сделанная в Берлине в 1923 году, публиковалась впервые [Ходасевич 1961]¹⁷⁷.

«Собрание стихов» Ходасевича было встречено крайне приветственно и критикой, и читателями. «Очень рада, что Вам по душе пришла книга Влади, – писала Берберова Зайцевым. – Даже такие “хмурые люди”, как Глеб Струве, и тот тронулся сердцем, пишет: “Как хорошо!” Книга идет хорошо. Торгуют ею и там [в Мюнхене. – И. В.], и в Париже, и здесь, и в Вашингтоне. Фонд же дал только половину денег. Остальное доложила сама»¹⁷⁸.

Неудивительно, что, несмотря на намерение «двинуть» летом «Курсив», Берберова решила в июле и августе снова преподавать в Индиане. После проведенного там очередного лета Берберова, вопреки обыкновению, даже пожаловалась одному из друзей: «Устала. Было очень жарко. И я много работала, главное – дома, но и в университете было утомительно. Думаю, что мне не следует больше летом работать – можно прожить и без этого»¹⁷⁹.

Но «прожить без этого» не получалось. Берберова будет преподавать в Индиане еще два лета, хотя ее угнетало, что заняться вплотную «Курсивом» не было времени: «В голове все бурлит мыслями и даже строчками, – писала она Риттенбергу, – и я только об одном и думаю: как мне дорваться наконец до свободных дней (1-го июня) и положить на стол кучу бумаги»¹⁸⁰.

Осенний семестр 1962-го и весенний семестр 1963-го оказались для Берберовой еще более напряженными, но по другой причине.

Ричард Берджи, когда-то взявший ее на работу в Йель, перешел в Принстон, возглавив недавно созданную славянскую кафедру, и Берберова приняла предложение последовать за ним. В Принстоне ее ждало повышение (вместо ставки «лектора» ей обещали ставку «профессора»), что означало, помимо престижа, прибавку к зарплате. В отличие от Йеля, Берберова должна была иметь дело в основном с аспирантами и преподавать литературу, а не язык. Правда, ее контракт в Принстоне был тоже временным (его продляли каждые три года), но в Йеле ей и этого никто не гарантировал.

И все же Берберова расставалась с Йелем не без грусти: там образовалось много знакомых, появились близкие друзья. Теплые отношения сложились со многими студентами, а также с несколькими аспирантами, ходившими на ее лекции по русскому символизму. Один из этих аспирантов, Мурл Баркер, займет в жизни Берберовой совершенно особое место, став для нее кем-то вроде приемного сына.

Их общение за пределами университета началось с того, что Берберова предложила Баркеру составить каталог той части ее архива, которую она хотела передать в библиотеку Йеля.

¹⁷⁷ В преддверии юбилея Берберовой был подготовлен и ряд других материалов: Письма М. О. Гершензона к В. Ф. Ходасевичу // Новый журнал. 1960. Кн. 60. С. 222–235; Четыре письма В. И. Иванова к В. Ф. Ходасевичу // Там же. 1960. Кн. 62. С. 284–289.

¹⁷⁸ Письмо от 12 ноября 1961 года. Цит. по: [Дейч 2001: 307].

¹⁷⁹ Письмо С. Риттенбергу от 19 августа 1961 года в [Ljunggren 2020: 130].

¹⁸⁰ Письмо от 20 марта 1962 года в [Ibid.: 136].

Эту работу они делали у Берберовой дома, а когда заканчивали то, что было намечено на день, ужинали вместе¹⁸¹.

За эти месяцы Берберова смогла убедиться, что Баркер – на редкость ответственный, добрый и покладистый человек, и прониклась к нему доверием и симпатией. Именно тогда его имя Мурл Берберова заменила на ласковое «Мурик», как и стала называть его в дальнейшем.

Отношения с Баркером сохраняются и после ее переезда в Принстон: они будут регулярно видятся, говорить по телефону и писать друг другу. Письма Берберовой, полученные Баркером на протяжении без малого тридцати лет, с 1962-го по 1990-й, он позднее частично публикует [Barker 2002; Barker 2003].

Ладить с Берберовой было порою непросто, но Баркер обычно реагировал кротко, а если и обижался, то быстро отходил. Оснований сомневаться в его преданности у Берберовой не было. И все же, когда на горизонте возник Рональд Миллер, человек, который станет постоянным и, как оказалось, пожизненным партнером Баркера, Берберова воспримет этот факт настороженно. Но, узнав Миллера ближе и убедившись, что он не собирается вставать между нею и Муриком, Берберова стала относиться к нему вполне сердечно. Рональд вскоре превратился для нее в Ронни, а затем и в Роника. На Берберову не могли не произвести впечатления и его научные достижения. Защитив диссертацию по экономике в Принстоне (это было еще до прихода туда Берберовой), Миллер стал профессором Пенсильванского университета.

Научная карьера Баркера складывалась далеко не так гладко, что серьезно беспокоило Берберову, пристально следившую за его успехами и всячески ему помогавшую. После защиты диссертации в Йеле (Баркер писал о прозе Федора Сологуба) он преподавал в Пенсильванском университете, но там закрепиться ему не удалось. К радости Берберовой его поиски работы вскоре увенчались успехом: Баркер смог обосноваться в Ратгерском университете, став со временем главой славянского отделения.

Именно через Баркера осуществлялась связь Берберовой с теми из ее йельских знакомых, жизнь которых продолжала ее занимать, но общаться с которыми напрямую времени не было. Первый год в Принстоне был для Берберовой особенно напряженным: повышение в должности означало добавочную нагрузку, и весьма значительную. Она должна была подготовить ряд новых курсов, и два из них, включая «Технику поэтического перевода», она преподавала на английском¹⁸².

Да и с деньгами, несмотря на прибавку к зарплате, не стало свободнее. Вскоре Берберова начала, как и прежде, брать постоянные «работенки “а-котэ”»¹⁸³. Одной из таких «работенок», которой она занималась вдвоем с молодым славистом Леонардом Кентом, в недавнем прошлом аспирантом Рене Уэллека, была редакция (а по сути, существенная переработка) перевода на английский «Анны Карениной», сделанного в самом начале века [Tolstoy 1965].

В результате Берберова не имела возможности прикоснуться к «Курсиву» в течение полутора лет, хотя сделано было чуть больше трети. Жалуясь Риттенбергу на возникшую ситуацию, она добавляла: «Написано около 225 страниц, но и те надо подчистить основательно»¹⁸⁴.

А потому от преподавания следующим летом Берберова решила позволить себе отказаться. В июле 1964 года она впервые поехала в Яддо, некое подобие «дома творчества» для людей искусства, оплаченное из благотворительных фондов. Яддо, расположенное в живописном Саратога-Спрингс, считалось идеальным местом для работы, и Берберова не была разочарована.

Свой типичный день в Яддо она описывала так:

¹⁸¹ Barker M. Thirty-Three Years with Nina // Nina Berberova Collection. В. 5. F. 71.

¹⁸² См. письмо к С. Риттенбергу от 20 сентября 1963 года в [Ljunggren 2020: 147].

¹⁸³ От фр. à côté – «дополнительно». Письмо А. Р. Цимловой от 27 сентября 1964 года // Nina Berberova Papers. В. 4. F. 62.

¹⁸⁴ Письмо С. Риттенбергу от 25 ноября 1963 года в [Ljunggren 2020: 149].

В 8.30, когда я прихожу к себе в огромную комнату с видом на Вермонт, я знаю, что до 4 часов никто не придет, никто не позвонит к телефону, что завтракать я буду здесь у себя, что даже почта будет только в пять. Поэтому работаю по 7–8 часов в день, и очень, кажется, успешно. Только для этого люди сюда и приезжают – увеселений здесь никаких...¹⁸⁵

Сидя за столом по восемь часов в сутки, Берберова существенно продвинулась с «Курсивом», но до конца еще было далеко. Когда двоюродная сестра снова завела разговор о ее приезде в Париж, Берберова так описала положение дел: «...меня туда тянет страшно сильно, но еще сильнее тянет дописать книгу, которую пишу, так что не знаю, смогу ли приехать летом. <...> Все зависит от того, смогу ли я работать над книгой зимой, в чем несколько сомневаюсь»¹⁸⁶. Хотя Берберова к тому времени освоилась в Принстоне и уже не испытывала постоянного стресса, «мысли», как она выражалась, были «разделены, а это плохо»¹⁸⁷.

* * *

И все же к маю 1965 года «Курсив» был практически готов, за исключением самой последней главы. А потому Берберова решила позволить себе поехать на все лето в Европу, причем не только во Францию, но и в Италию, где собиралась дописать последнюю главу.

В начале июня она снова взялась за дневник. Дошедшие до нас записи покрывают несколько предотъездных дней, первые три недели в Париже, а также краткую поездку в Прованс.

День приезда Берберова провела с двоюродной сестрой, а на следующее утро пошла к Зайцеву, только что овдовевшему: Вера Алексеевна скончалась две недели назад. Затем Берберова стала обзванивать тех парижских знакомых, с кем была намерена встретиться. Судя по дневнику, в первые дни в Париже Берберова мучилась вопросом, звонить ли Мине Журно, но, видимо, не позвонила, так как «М.» в ее дневнике фигурировать больше не будет.

Зато в этот приезд Берберова увиделась со своим бывшим мужем, Николаем Васильевичем Макеевым. Они не встречались с момента ее отъезда в Америку, то есть пятнадцать лет, но Берберова была более или менее в курсе его жизненных обстоятельств. В начале 1950-х Макеев был еще на плаву: писал и продавал картины, жил в Париже в большой заставленной холстами квартире вместе со своей тогдашней молоденькой подругой, имел приходящую прислугу¹⁸⁸. Но в середине 1950-х ему пришлось радикально изменить образ жизни: по каким-то причинам он потерял все доходы, был вынужден уехать навсегда из Парижа и поселиться в «старческом доме» в Йере¹⁸⁹.

Вплоть до начала 1960-х годов Макеев, похоже, не пытался связаться с Берберовой, но затем он ей написал, и она ответила. Когда же он узнал, что Берберова собирается приехать во Францию, то послал ей письмо со слезной просьбой о встрече. Она согласилась встретиться в Тулоне, от которого Йер был сравнительно близко.

¹⁸⁵ Письмо Р. Гулю от 19 июля 1966 года // Nina Berberova Papers. В. 9. F. 219.

¹⁸⁶ Письмо от 27 сентября 1964 года // Ibid. В. 4. F. 62.

¹⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸ Эти детали тогдашнего быта Макеева содержатся в воспоминаниях американского профессора истории Гейнса Поста, жившего в Париже в самом начале 1950-х. Он снимал квартиру у русского художника Макеева, который уехал на год из города. Очутившись через много лет в Принстоне и познакомившись с Берберовой, Пост рассказал, что жил когда-то в Париже по такому-то адресу. К его полному изумлению, Берберова заметила, что эта квартира ей хорошо знакома. «“Вы уверены?” – спросил я. – “Голубчик, – ответила Нина. – Я не раз там бывала. Макеев был моим мужем”» [Post 2000: 9–10].

¹⁸⁹ См. письмо Александра Бахраха Глебу Струве от 9 июня 1969 года: «Макеев как будто жив и уже много лет проживает в старческом доме в Гиере в большой нищете. Перед тем он был замешан в неприятной истории с продажей фальшивых импрессионистов (а, может быть, холстов другой школы – не поручусь)...» (Gleb Struve Papers. В. 75. F. 11).

Состоявшееся свидание Берберова так описала в своем дневнике:

Плохо спала. В Тулоне ждал Н<иколай>, худой, с торчащими ушами. 76 лет. Палка с резинов<ым> наконечником, 3 операции глаз и т. д. Интересы все – вокруг богадельни, где живет. Ужасно тяжелое впечатление. После завтрака, когда осталась одна, едва не break down [«дошла до нервного срыва» (англ.). – И. В.] от этой встречи. На следующий день, 10-го, еще печальнее. Купила ему кепку, кофе и пр<очее>, дала 20 долл<аров>. Курит два пакета в день и пьет 3 стакана вина – хотел бы больше, да денег нет. Не помнит прошлого, все путает, кое-что привирает – не разберешь. С трудом дождалась поезда в Cannes в 4 часа. Он провожал. («Я опять влюбился в тебя» и т. д.). Совершенно разбитая нервно уехала. И даже чудный завтрак на набережной в Тулоне не утешил, хотя порт, и море, и солнце были чудесны¹⁹⁰.

Встречаться снова с Макеевым Берберова категорически не хотела, но на письма продолжала отвечать, а также регулярно посылала ему деньги (двадцать долларов раз в два месяца) вплоть до его кончины.

Замечу, что в 1960-х, да и в 1970-х это была не такая уж малая сумма, во всяком случае для Берберовой. Ее зарплата в Принстоне была очень скромной, а пенсия, на которую она вышла по возрасту в 1971 году, и того меньше. С этого момента Берберова жила в режиме строгой экономии, отмечая в дневнике даже траты в продуктовом магазине. Когда же случались серьезные расходы, связанные, к примеру, с починкой машины или визитом к дантисту, то они надолго пробивали в бюджете брешь. Дневниковая запись Берберовой от января 1973 года говорит об этом весьма красноречиво: «Как много книг хочется купить... Смогу покупать книги через месяц-два, когда залечу раны, нанесенные счетом зубного врача»¹⁹¹. Аналогичные сетования находим и в записи за февраль: «Разбирала летние платья. Мало и старые! Нужно покупать, а денег нет»¹⁹².

Однако в том же самом феврале Берберова послала Макееву очередные двадцать долларов. Но на этот раз деньги вернулись обратно. Причина: смерть адресата. В явном смятении от этого известия она записала в своем дневнике: «Его смерть пришла ко мне таким “казенным” образом. В газетах (русск<их>) пока не было ничего. Эта смерть меня коснулась. Я знала, что он умирает, с января – по его письмам»¹⁹³.

Впрочем, Берберова быстро пришла в себя. Через два дня в ее дневнике появилась лаконичная запись: «Уничтожила (перечитав) 60 писем Н<иколая> М<акеева> за 1963–1972 гг.»¹⁹⁴

Из памяти Берберовой со временем выветрится даже точная дата смерти Макеева. Готовя к публикации второе издание «Курсива» на русском, она ошибется на целых два года, поставив 1975-й вместо 1973-го. Конечно, эта ошибка будет сделана не специально, а просто Берберова не захочет сверяться с дневником: все, что было связано для нее с Макеевым, вызывало остро неприятные чувства, а подобных чувств она старалась избегать.

¹⁹⁰ Запись от 9 июля 1965 года // Nina Berberova Papers. В. 50. F. 1144. Берберовой, замечу, пришлось еще раз увидеться с Макеевым – в свой приезд в Париж летом 1969 года. Их встречу устроили Н. Б. Зайцева-Соллогуб и ее муж. Как записала Берберова в дневнике, они не только сказали [Макееву] точно, когда она приезжает, но дали ему денег на дорогу: «Считаю, что они должны были спросить меня, хочу ли я его видеть, а не навязывать его мне. На этом моя с ними дружба и кончается. Н<иколай> М<акеев> ушел рано. Был невозможен» (Запись от 2 июля 1969 года // Ibid. В. 50. F. 1145).

¹⁹¹ Запись от 25 января 1973 года // Ibid. В. 51. F. 1156.

¹⁹² Запись от 19 февраля 1973 года // Ibid.

¹⁹³ Запись от 29 марта 1973 года // Ibid.

¹⁹⁴ Запись от 31 марта 1973 года // Ibid. Вскоре Берберова сделала запись на отдельной странице, в которой она как бы суммировала то, что считала нужным донести до потомства о своем втором муже. Под общим заголовком «Николай Васильевич Макеев» были указаны годы его жизни (1889–1973) и сообщено об уничтожении «в апреле 1973» 60 писем, содержание которых Берберова описала так: «Они были главным образом / О погоде / О здоровье / О его благодарности мне за посылаемые деньги (раз в два месяца)» (Ibid. В. 46. F. 1064).

Свидание с Макеевым летом 1965 года повергло Берберову в столь сильный шок, что она, похоже, решила никому о нем не рассказывать. Подробно отчитываясь в письмах друзьям о своем путешествии по Франции и Италии, Берберова не упоминает даже само слово «Тулон».

Правда, в тот же приезд Берберовой в Европу произошел ряд других, несравнимо более интересных событий. Самым важным из них была, безусловно, встреча с Ахматовой, остановившейся в Париже по дороге из Англии в Москву. Об этой встрече Берберова оставит подробный отчет в дневнике, сделанный по горячим следам и практически без изменений воспроизведенный в «Курсиве».

Любопытно, что этот рассказ Берберовой иные читатели, как в эмиграции, так и в метрополии, воспримут крайне неодобрительно, увидев в нем желание Ахматову принизить. Писатель Вадим Андреев высказался так: «О ее [Ахматовой. – И. В.] приезде в 1965 году писали много. Было несколько очень хороших статей-воспоминаний. Были и отзывы пренеприятные, например Берберовой, великой сплетницы...»¹⁹⁵ Много позднее, когда «Курсив» будет издан в России, тот же фрагмент книги привлечет внимание литературоведа и критика Аллы Марченко, написавшей в своей статье о Берберовой: «...все-все подметил безочарованный взгляд: и шлепанцы Ахматовой, и все дефекты обезображенного водянкой тела» [Марченко 1992: 161–162].

Действительно, «взгляд» Берберовой на большинство представителей человеческого рода был, как правило, «безочарованным», но Ахматова, мне кажется, принадлежала в этом смысле к немногим исключениям. Никаких «шлепанцев» в «Курсиве», естественно, нет: Берберова пишет о «бархатных сандалиях», в которые в тот день была обута Ахматова [Берберова 1983, 2: 621].

Но дело, конечно, не только в этой детали. Берберова, не видевшая Ахматову сорок три года, вряд ли могла быть «очарована» тем, что открылось ее взору. Она не ожидала, что Ахматова еле-еле может передвигаться и даже с трудом стоять на опухших ногах, что ее тело настолько раздуто водянкой. Стоит ли удивляться, что главным чувством, испытанным в те моменты Берберовой, было не восхищение и не умиление, а страх за Ахматову. И этот страх нельзя считать неоправданным: меньше чем через год Ахматова скончалась.

Конечно, если бы «Курсив» был сдан в печать при жизни Ахматовой, все физиологические подробности Берберова бы убрала. Но весть об ахматовской смерти, случившейся 5 марта 1966 года, пришла тогда, когда рукопись книги еще лежала на столе у Берберовой, и рассказать о том, что больше всего ее испугало при встрече, стало казаться вполне уместным. Неслучайно даже такие преданные Ахматовой читатели, как Лидия Корнеевна и Елена Цезаревна Чуковские, не увидели в этом фрагменте «Курсива» ни малейшего криминала.

В тот же приезд в Европу Берберова встретила с несколькими жившими в Париже литераторами, в частности с Адамовичем. Их отношения были всегда непростыми, сначала из-за вражды Адамовича с Ходасевичем, а в послевоенные годы уже по иным причинам. С одной стороны, Адамович был непосредственно причастен к распространению слухов о «гитлеризме» Берберовой, а с другой стороны, его собственное восхищение Сталиным, имевшее место в середине 1940-х, вызывало у Берберовой почти такое же сильное возмущение. Но она неизменно ценила Адамовича как литератора, и даже в самые худшие времена не хотела окончательно поссориться, стараясь по возможности поддерживать общение.

Пробыв несколько недель во Франции, Берберова отправилась в Италию, где провела месяц с лишним, но о ее перемещениях по стране (от Таормины до Венеции), возвращении в Париж и отбытии в Америку известно только из ее переписки. Дошедший до нас дневник того времени кончается на записи от 14 июля, в которой Берберова сообщает, что приступила

¹⁹⁵ Письмо к М. Кралину от 29 ноября 1970 года. Цит. по: [Кралин 2000: 297–298].

к последней главе «Курсива». Эту главу она вчерне закончила в Таормине. Ее «полировкой» Берберова собиралась заняться (и занялась) в декабре, во время рождественских каникул¹⁹⁶.

Таким образом, к весне 1966 года главная книга Берберовой была в целом готова. 18 марта она сделала в дневнике такую запись:

Сегодня я кончила перечитывать и исправлять «Курсив». Это – конец. Можно освободиться от работы, кот<орая> держала меня 5½ лет. Но еще лучше: можно освободить мысль от прошлого, к которому она все время возвращалась, пересматривая, ища, находя, проверяя, туда-сюда скользя, застревая то в том, то в этом. Поэтому, освободив ее, я и начинаю эту тетрадь¹⁹⁷.

* * *

С этого момента Берберова будет вести дневники вплоть до самой кончины, то есть более четверти века, хотя в сделанных записях будут лакуны протяженностью в дни, недели, месяцы, а затем и годы. Эти записи составляют дюжину общих тетрадей, сохранившихся в архиве Берберовой.

Наиболее регулярно она вела дневники на протяжении пятнадцати лет, с 1966 по 1980 год, тщательно фиксируя, чем в этот день была занята, кого видела, с кем говорила по телефону, от кого получила письма и кому написала сама. Берберова отмечала все выставки, которые посещала, все фильмы, которые смотрела (ее любимым режиссером был Бунюэль, второе место занимал Бергман), и – особенно пунктуально – книги, которые читала.

Значительную часть составляла литература, необходимая Берберовой для подготовки семинаров и лекций. Наиболее сложным курсом в ее преподавательской практике был, видимо, курс по структурализму, а потому, как свидетельствуют записи, Берберова штудировала и Шарля дю Боса, и Жерара Женетта, и Ролана Барта, и Леви-Стросса. В ряде своих лекций Берберова касалась новейшей русской литературы, а потому она внимательно следила за тем, что публиковалось в Советском Союзе и что издавалось за рубежом. Берберова неизменно просматривала советские толстые журналы, прежде всего «Новый мир». На особо важные новинки она писала рецензии.

Когда Берберова читала, что называется, для отдыха, то безусловное предпочтение отдавалось в те годы произведениям документального жанра: воспоминаниям и автобиографиям (Андре Жида, Сторм Джеймсон), биографиям (Жорж Санд, Байрона, Пруста, Флобера, Кэтрин Мэнсфилд), переписке (Анаис Нин с Генри Миллером, Вирджинии Вульф с Леонардом Вульфом, Томаса Карлайла с Джейн Уэлш Карлайл), дневникам (братьев Гонкур, Анаис Нин, Вирджинии Вульф, Шарля дю Боса, Жюльена Грина).

Однако, в отличие от прочитанных Берберовой дневников, ее собственные записи были заведомо не предназначены для публикации, разве что в малых отрывках. По форме и содержанию (одни предельно лаконичны, другие пространны, но нередко за счет чисто бытовой информации) записи Берберовой этого времени представляют собой нечто среднее между ее дневниками 1930-х и дневниками 1940-х, выдержки из которых составили впоследствии одну из глав «Курсива».

Правда, в середине 1970-х годов Берберова решила начать «записывать совершенно другое», не отмечая «ни хождение в библиотеку, ни на кампус, ни поездки за продуктами, ни сидение дома», а «только письма, встречи, телефоны важные и: книги прочитанные, исследования

¹⁹⁶ См., в частности, ее письмо С. Ритгенбергу от 17 сентября 1965 года в [Ljunggren 2020: 156].

¹⁹⁷ Nina Berberova Papers. B. 50. F. 1145.

для работы (текущей), открытия сделанные, мысли, имеющие отношение к моему делу и т. д.»¹⁹⁸ Принятое решение не коснулось привычки Берберовой остро реагировать в дневнике на происходящее в мире: эти записи, пожалуй, стали еще более развернутыми. Берберова продолжала внимательно следить за обстановкой в Израиле, о судьбе которого постоянно тревожилась, и, конечно, за событиями в Советском Союзе. Скажем, начало войны в Афганистане она отметила следующей записью: «...я поддаюсь крайнему мраку от дел политических – кот<орые> меня не касаются (но в кот<орых> виноват Советский Союз, печать кот<орых> лежит на мне, как на всех рожденных на территории России)»¹⁹⁹.

Дневники были по-прежнему важны для Берберовой в качестве верного средства психотерапии и самоорганизации, но со второй половины 1960-х годов на первое место вышла другая их функция. Дневниковые записи давали Берберовой потенциальную возможность осуществить проект, которым она собиралась со временем заняться, – а именно взяться за продолжение автобиографии, посвященной подробному рассказу о ее жизни в Америке. Понятно, что написать такую книгу без опоры на дневник было бы нереально.

И хотя выполнить задуманное Берберовой не удастся в силу определенных причин, о которых я расскажу позднее, в архиве сохранился подробный план «Книги» (более конкретного названия придумано не было). Этот план дает достаточно четкое представление, о чем Берберова хотела в своей «Книге» написать.

В первую очередь она думала рассказать о своем круге общения, неизменно очень широком. В этот круг, естественно, входили коллеги Берберовой по кафедре, среди которых она сразу выделила молодого профессора Кларенса Брауна, исследователя и переводчика Мандельштама.

Браун ценил расположение Берберовой и отвечал ей тем же. Поехав в Советский Союз в 1965 году, он писал ей оттуда, а вернувшись, тут же ей позвонил. Они встретились прямо на следующее утро и проговорили, как следует из дневника Берберовой, почти три часа. В той же записи перечислены темы разговора:

О Над<ежде> Як<овлевне> Манд<ельштам>, о «второй литературе», которой надоело бояться, о Шкловском, Вознесен<ском>, Евт<ушенко> и др. – презрительно, называет их «оплаченная оппозиция». Все было очень интересно и даже ново, но я боюсь, что, бывая каждый вечер у Н<адежды> Як<овлевны> М<андельштам>, он видел там только тех, кто не печатается, держит кулак в кармане и мечтает подражать Ахм<атовой> и Манд<ельштам>. Картина не совсем верная. Называет Гладкова (секр<етаря> Мейерхольда), [Е. Г.] Эткинда и др<угих>. Был в Пушкинском доме. Говорил, что Ход<асевича> любят и читают. <...> Привез материалы Манд<ельштама> – стихи и пр<очее>²⁰⁰.

Этим «прочим» была рукопись «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам, которую именно Кларенс Браун вывез на Запад²⁰¹.

Среди близких знакомых Берберовой имелось несколько профессоров с других факультетов, главным образом специалистов по русской истории. Но особенно важно для Берберовой было общение с дипломатом, политологом и историком Джорджем Фростом Кеннаном, знаменитым прежде всего тем, что с его подачи началась так называемая политика сдерживания, направленная против советской экспансии в Восточной Европе. Кеннан жил в Принстоне и работал в находившемся там же Институте перспективных исследований, частью кото-

¹⁹⁸ Запись от 30 мая 1975 года // Ibid. В. 50. F. 1147.

¹⁹⁹ Запись от 27 декабря 1979 года // Ibid.

²⁰⁰ Запись от 28 июня 1966 года // Ibid. В. 50. F. 1145.

²⁰¹ Об этой истории Браун позднее напишет сам. См. [Brown 2002].

рого была Школа исторических исследований. Берберова, однако, познакомилась с Кеннаном еще будучи в Йеле, куда он часто приезжал в конце 1950-х и где в 1960-м преподавал один семестр²⁰².

Когда же она переехала в Принстон, общение с Кеннаном стало регулярным. Судя по дневникам Берберовой, они встречались не только на официальных мероприятиях, но и в домашней обстановке.

В частности, Кеннан активно поддержал идею Берберовой о создании так называемой «Русской академии», первое собрание которой состоялось осенью 1965 года. Как Берберова писала одному из своих корреспондентов:

...по моей инициативе здесь создан «клуб», который мы называем Академией (в шутку). В ней по-русски обсуждаются русские дела профессорами различных факультетов, говорящими по-русски – иногда очень хорошо. <...> Собрания происходят два раза в месяц у меня, и я вроде ментора – поправляю их русскую речь и играю роль генсека и хозяйки²⁰³.

Согласно принятому «уставу», все участники «Академии» должны были обращаться друг к другу на русский манер – по имени-отчеству. С тех пор Берберова называла Кеннана – и лично, и в письмах – исключительно Георгием Кентовичем, а он ее, естественно, Ниной Николаевной.

В декабре 1965 года Кеннан заболел, перенес операцию и какое-то время не посещал «Академию». В эти недели Берберова навещала его дома, где в один из визитов читала по просьбе хозяина и собравшихся гостей первую главу «Курсива». Когда Кеннан оправился после болезни, его общение с Берберовой вошло в прежнее русло и, видимо, продолжалось достаточно интенсивно в течение зимы и весны 1966 года.

Перед тем как уехать из Принстона на лето, Кеннан преподнес Берберовой подарок – «бедкер [то есть путеводитель. – И. В.] времен декабристов»²⁰⁴. Получив книгу, она написала Кеннану, что стала жалеть, что они оба «не жили 145 лет назад», но затем продолжала уже на серьезной ноте:

Я благодарю Вас не только за милый подарок, но и за то внимание, которые Вы мне оказывали, – жизнь моя в Принстоне приобретает какой-то особенно полный, интересный и иногда даже важный для меня смысл, не говоря уже о радости встреч с драгоценными для меня людьми. Надеюсь увидеть Вас снова осенью, но думаю, что «Академию» надо заново отстроить или хотя бы отремонтировать²⁰⁵.

Заново отстроить и даже отремонтировать «Академию» не получилось, не в последнюю очередь потому, что как раз начиная с осени Кеннан был постоянно в разъездах. Даже на такое событие, как выход весной 1969 года книги «The Italics Are Mine», сразу отправленной ему Берберовой, он отозвался с существенным опозданием, так как находился в то время в Англии.

Вернувшись в Принстон, Кеннан написал Берберовой, что прочитал ее книгу с большим интересом и удовольствием и что она – «настоящее сокровище для всех, кто занимается русской литературой двадцатого века»²⁰⁶. Кеннан также добавил, что он с гордостью и благодарностью вспоминает, как Берберова читала у него в гостиную главу «Курсива», когда он болел.

²⁰² Сообщая в письме Н. Вольскому, что с осени 1958 года она работает в Йеле, Берберова с гордостью добавляла, что ее «приходят слушать профессора (американцы), а недавно был на уроке Кеннан...» (Письмо от 23 января 1959 года // Nina Berberova Papers. В. 21. Ф. 614).

²⁰³ См. письмо Берберовой к С. Риттенбергу от 5 ноября 1965 года в [Ljunggren 2020: 157].

²⁰⁴ Письмо от 12 мая 1966 года // Nina Berberova Papers. В. 11. Ф. 286.

²⁰⁵ Ibid.

²⁰⁶ Письмо от 21 сентября 1969 года // Ibid. В. 21. Ф. 614.

Одновременно он послал ей очередной подарок – ее собственную книгу о Чайковском в переводе на немецкий, купленную задолго до их знакомства и случайно обнаруженную им в своей библиотеке²⁰⁷.

Берберова ответила благодарственным письмом, хотя выражала удивление, что у Кеннана нет свободного времени, чтобы встретиться и поговорить²⁰⁸. И хотя переписка (в основном по поводу текущих проектов обоих) продолжалась между ними достаточно долго, они теперь виделись редко и главным образом в официальной обстановке. Неудивительно, что, собираясь написать о Кеннана в продолжении автобиографии, Берберова думала сосредоточиться на их общении в 1960-х, обозначив возможные темы так: «Kennan. Его набег, его подарок, его надписи на книгах, его исчезновения»²⁰⁹.

* * *

Видимо, именно Кеннан познакомил Берберову с другим весьма заметным в Принстоне человеком – политическим журналистом и историком Луи Фишером. Их знакомство состоялось осенью 1963 года, и за первой встречей сразу потянулись другие. Этому способствовало то обстоятельство, что Берберова и Фишер жили в одном университетском жилищном комплексе и часто встречались во время прогулок.

Вскоре Фишер стал заходить к Берберовой без предварительной договоренности, так сказать, «по-соседски», если видел ее припаркованную возле дома машину. Обойтись без особых формальностей позволяло «холостяцкое» положение обоих. И хотя Берберова числилась замужем, ее брак, как уже говорилось, был чисто фиктивным, и человек, называвшийся ее мужем, в Принстоне не появлялся. Что же касается Фишера, то официально он был тоже женат, но оставил жену еще в самом начале 1940-х годов. И с тех пор жил всегда один.

Неудивительно, что инициалы LF, под которыми Луи Фишер фигурирует в записях Берберовой, вскоре запестрели на страницах ее дневника. Сохранилось и значительное количество писем, которые они посылали друг другу, когда кто-нибудь из них (в основном Фишер) уезжал надолго из Принстона.

И дневник, и – особенно – письма свидетельствуют, что Фишер представлял для Берберовой интерес не только как дружелюбный сосед и образованный собеседник. Она явно не осталась равнодушной к его мужскому обаянию, которым Фишер славился с молодости и которое сохранил и в зрелые годы. И хотя незадолго до приезда Берберовой в Принстон он перенес инфаркт, в свои шестьдесят семь Фишер был по-прежнему спортивен (плаванье, теннис), подтянут, щеголеват.

Что же касается Берберовой, то, по свидетельству знавших ее в эти годы людей, в свои шестьдесят два она выглядела примерно на сорок и была еще очень привлекательна. Стоит ли удивляться, что Фишер, известный своим неистребимым женолюбием, не остался к Берберовой равнодушен?

Укреплению отношений способствовал и совместный проект, начатый в конце 1965 года. Он был непосредственно связан с написанной Фишером биографией Ленина («The Life of Lenin»), вышедшей в 1964 году и вскоре получившей Национальную книжную премию. Тогда же Фишер решил перевести свою книгу на русский, стал искать и нашел переводчика, а Берберова согласилась отредактировать перевод, чем и занималась в течение нескольких лет.

²⁰⁷ Ibid. Речь, очевидно, идет о кн. [Berberova 1941].

²⁰⁸ Письмо от 25 сентября 1969 года // Nina Berberova Papers. В. 21. F. 614.

²⁰⁹ Nina Berberova Collection. В. 5. F. 66. Надписи на книгах обнаружить не удалось. В описи домашней библиотеки Берберовой, составленной после ее кончины, ни «подарков» Кеннана, ни его собственных трудов не оказалось. Они также не числятся в библиотеке Йеля, в каталоге которой отмечены книги (с обязательной пометкой о наличии дарственной надписи), переданные или самой Берберовой, или ее наследниками.

Отношения с Фишером, поначалу сулившие только радость, развивались в дальнейшем чрезвычайно непросто, давая Берберовой множество поводов для огорчений и обид. В то же самое время она твердо знала, что Фишер ее ценит и ею дорожит, и вычеркивать его из собственной жизни не собиралась. Их общение, периодически самое тесное, прервалось лишь с внезапной кончиной Фишера в январе 1970 года.

В продолжении автобиографии Берберова, естественно, хотела о Фишере написать, но была, очевидно, намерена взять своеобразный реванш. И хотя даже в самые последние годы Фишер жил исключительно интенсивно, продолжая много работать, путешествовать, заводить романы, Берберова, судя по плану «Книги», думала сделать упор на совсем другое. А именно на многочисленные инфаркты Фишера и обстоятельства его смерти, случившейся, можно сказать, на ее глазах. Причем построить рассказ об этих событиях (опять же, судя по плану «Книги») она собиралась в подчеркнуто отстраненных тонах.

Об «известном американском журналисте Луи Фишере» Берберова упомянет в «Железной женщине», но назовет его там «соседом по Принстону» [Берберова 1981: 270]. Нельзя исключить, что именно так она бы представила Фишера в продолжении автобиографии. Между тем их отношения занимали в жизни Берберовой иное и очень большое место. Они заслужили отдельного разговора, который читатель найдет во второй части книги.

* * *

Через посредство Фишера Берберова смогла познакомиться с человеком, который был в эти годы главной знаменитостью Принстона, – физиком Робертом Оппенгеймером. Будучи директором Института перспективных исследований, Оппенгеймер в свое время взял Фишера на работу в Школу исторических исследований, и хотя тот позднее перешел в Принстонский университет, у них сохранились самые дружеские отношения.

В апреле 1965 года был устроен праздник в честь получения Фишером Национальной книжной премии. Среди приглашенных был не только Оппенгеймер, но и Берберова, и их тогда же представили друг другу. Оппенгеймер держался в тот вечер очень любезно, всячески демонстрируя, что рад знакомству с Берберовой, но она не ожидала, что знакомство продолжится. Но оно продолжилось. Оппенгеймер вскоре ей позвонил и, так сказать, напросился в гости. И с тех пор приходил еще не единожды.

В ходе этих визитов Оппенгеймер держался на редкость открыто, хотя был, в принципе, известен как человек весьма сдержанный. В частности, он подробно рассказывал Берберовой о своей крайне тяжелой семейной ситуации, о том, как ему одиноко и неуютно дома.

Когда же через несколько месяцев Оппенгеймер заболел (у него был обнаружен рак горла), то он сразу поделился этой новостью с Берберовой. Пока Оппенгеймер чувствовал себя относительно сносно, он продолжал к ней приходить и пришел непосредственно перед операцией. Прощаясь, Оппенгеймер сказал, что, если операция пройдет удачно и ему станет лучше, он обязательно снова появится. Но ему ставилось все хуже, и Берберова больше его не увидела. В феврале 1967 года Оппенгеймер скончался.

Все подробности своего общения с Оппенгеймером Берберова изложила в воспоминаниях, написанных вскоре после его кончины, очевидно, опираясь на свои дневниковые записи, по каким-то причинам впоследствии уничтоженные. Эти воспоминания Берберова публиковать не стала, но в архиве сохранила, собираясь непосредственно использовать в продолжении автобиографии.

Но так как продолжение автобиографии написано не было, воспоминания Берберовой продолжали тихо лежать в архиве, оставаясь по-прежнему никому не известными. Между тем они представляют собой любопытнейший документ, о котором я расскажу во второй части книги.

* * *

Жизнь Берберовой в Принстоне украшало общение не только с местными, но и с заезжими знаменитостями. Рассказывая Риттенбергу, как прошел у нее учебный год (осенний семестр 1965-го и весенний 1966-го), Берберова, в частности, писала: «А здесь я дружила с разными интересными людьми: Джордж Кеннан, д-р Оппенгеймер, Луи Фишер (автор “Ленина”); в гости к нам сюда приезжали Ися (sic! – И. В.) Берлин, Макс Хейворд и Ник<олай> Набоков, не считая Р. О. Якобсона (из Харварда)...»²¹⁰ В том же письме Берберова не смогла удержаться, чтобы не похвастаться: «Ник<олай> Набоков привел ко мне однажды Баланчина, и Баланчин бабочкой порхал у меня по квартире» [Ljunggren 2020: 163].

Появление в Принстоне приехавшего на относительно длительный срок Н. Д. Набокова, плодовитого композитора и двоюродного брата писателя, было воспринято Берберовой с особой радостью. В своем дневнике она описала это событие так:

Николай Набоков. Мы вцепились друг в друга и 3 часа говорили как полоумные друг с другом. Я живу среди людей (русских) не моего круга, Наб<оков> заброшен сюда из моего старого мира. И мы «узнали» друг друга. Наб<оков> говорил о В<ладимире> В<ладимировиче> Н<абокове> в Montreux, о его сыне, об Ed. Wilson'e, о Стравинском, о своих женах и сыновьях... о своей книге воспоминаний...²¹¹

Однако 1966 год был щедр для Берберовой не только на встречи с интересными людьми. Тогда же произошел и ряд важных событий, одно из которых, как казалось Берберовой, было способно радикально изменить ее жизнь.

В середине августа в ее квартире раздался телефонный звонок, и Берберова, к своему изумлению, поняла, что ей звонит Дмитрий Темкин, известный голливудский композитор и продюсер. Темкин сообщил, что советско-американская компания собирается снимать фильм о Чайковском, что они хотят его делать по книге Берберовой и что он намерен приобрести все права. Через несколько дней Темкин прилетел в Нью-Йорк, они встретились с Берберовой в аэропорту, где был подписан договор и получен первый чек²¹². В радостном возбуждении Берберова писала Риттенбергу:

Фильм будет на двух языках, крутиться будет в СССР, и меня туда зовут Мих<аил> Ромм и [Юрий] Нагибин – кот<орый> пишет сценарий по моей книге. Это первый случай, когда эмигранта «употребляют» в дело в Москве. Каково?? Это такое событие здесь (было в газетах и т. д.), что не все еще пришли в себя, в том числе и я. Деньги небольшие, но почет велик²¹³.

Правда, Берберова скоро обнаружит, что из этого плана ничего не выйдет: гомосексуальные наклонности Чайковского, о которых она писала в своей книге, относились к числу запрещенных в Советском Союзе тем, и Нагибину пришлось «поставить в центр фильма женщину и любовь к ней»²¹⁴. В результате написанный им сценарий будет иметь мало общего с книгой Берберовой, и ее имя даже не появится в титрах.

²¹⁰ Письмо от 14 мая 1966 года в [Ljunggren 2020: 163].

²¹¹ Запись от 21 марта 1966 года // Nina Berberova Papers. В. 50. Ф. 1144. Позднее Берберова начнет относиться к Николаю Набокову с известной долей иронии, признаваясь, что он «немножко много говорит и часто его видеть не очень хочется» (Письмо Джону Малмстаду от 17 февраля 1967 года // Nina Berberova Papers. В. 14. Ф. 373).

²¹² Дневник за это время Берберова не сохранила, но разговор с Темкиным был изложен по горячим следам в письме Луи Фишеру, который находился в то время в отъезде. См. письмо от 21 августа 1966 года // Ibid. В. 8. Ф. 181.

²¹³ Письмо от 18 сентября 1966 года в [Ljunggren 2020: 168].

²¹⁴ Письмо Джону Малмстаду от 1 ноября 1966 года // Nina Berberova Papers. В. 14. Ф. 372.

Но в конце лета 1966 года она об этом еще не знала и допускала, что если с «Чайковским» все пойдет по плану, то это откроет для нее и другие, ранее непредставимые возможности, включая публикацию «Курсива» в Советском Союзе²¹⁵.

* * *

На тот момент, однако, главной задачей Берберовой была публикация «Курсива» на английском в Америке, а потому она еще в марте отнесла рукопись в издательство «Harcourt, Brace & World». Берберову в этом издательстве знали (ей присылали оттуда книги на внутреннее рецензирование), и она надеялась, что к ней отнесутся с должным вниманием.

И действительно, принесенная Берберовой заявка на книгу была быстро рассмотрена и одобрена, а рукопись оперативно отправлена на внутреннюю рецензию. На основании крайне благоприятного отзыва, написанного известным специалистом по русской литературе Эрнстом Симмонсом, издательство решило книгу печатать.

К переводу книги издательство собиралось привлечь лучших знатоков языка и предмета. В качестве главных кандидатур рассматривали признанного аса Макса Хейворда, который перевел в свое время «Доктора Живаго» и относительно недавно – «Крутой маршрут», а также профессора Принстона и коллегу Берберовой Кларенса Брауна. Но когда оказалось, что Хейворд и Браун заняты другими срочными проектами, Берберова предложила кандидатуру молодого слависта Филиппа Радли, защитившего в Гарварде диссертацию о Ходасевиче и преподававшего после защиты в Амхерстском колледже²¹⁶.

Работа Радли над переводом шла в тесном сотрудничестве с Берберовой. В течение учебного года у нее почти не было времени (помимо полной преподавательской нагрузки, она руководила шестью диссертациями), а потому сосредоточиться на переводе «Курсива» она могла в основном во время каникул. В конце августа Берберова писала Риттенбергу:

Я осталась в Принстоне все лето и работаю по 5–6 часов в день над английским переводом моей книги. Переводчик хороший, но текст очень трудный, и я помогаю ему во всем. Дело идет к концу. <...> Лето у нас было дождливое, грозы каждый день, и солнца мало. Но мне все это было безразлично, т. к. времени все равно не было пользоваться хорошей погодой²¹⁷.

«Пользоваться хорошей погодой» Берберовой не удастся и осенью. Параллельно с преподаванием и подготовкой нового курса (по структурализму) она составляла алфавитный указатель к «Курсиву», занявший в результате сто страниц и представлявший собой, как Берберова написала Риттенбергу, «настоящую энциклопедию (нечто вроде вынесенных в конец подстрочных примечаний)»²¹⁸. И хотя в том же письме она признавалась, что «занята ужасно», Берберова считала нужным немедленно добавить:

Но я не жалею, потому что живу интереснейшей жизнью, каждый день приносит что-то новое, люди кругом замечательные, живу «в своей сфере», читаю много (по специальности, конечно, давно не читаю романов), встречаюсь с амер<иканскими> критиками, пишу регулярно в амер<иканских> литер<итературных> журналах. И книгу мою ждут²¹⁹.

²¹⁵ См. письмо Берберовой Ивану Елагину от 24 августа 1966 года // Ibid. В. 7. F. 155.

²¹⁶ Позднее Радли решит бросить славистику и пойти учиться на адвоката. Правда, он будет исправно писать рецензии на все связанные с Ходасевичем книги, которые начнут появляться в Америке с конца 1970-х годов.

²¹⁷ Письмо от 27 августа 1967 года в [Ljunggren 2020: 179].

²¹⁸ Письмо от 3 февраля 1968 года в [Ibid.: 182].

²¹⁹ Письмо от 3 февраля 1968 года в [Ibid.: 182]. В 1967-м и 1968 годах Берберова напечатала в журнале «The Russian

К тому времени она получила еще одно приятное известие: «The Italics Are Mine» (так звучало в переводе название «Курсива») захотело издать и британское издательство Longman, выпустившее книгу через несколько месяцев после «Harcourt, Brace».

Срок выхода «The Italics Are Mine» все время отодвигался, но Берберова не проявляла беспокойства. «Книга скоро будет готова, жду верстку – последнюю корректуру», – писала она Риттенбергу в начале октября 1968 года²²⁰.

В том же письме Берберова сообщала, что практически готов дизайн суперобложки, на которой должна была красоваться ее фотография, сделанная специально для этой книги. «Третьего дня целый день у меня проторчал фотограф, сделал 42 снимка, – писала Берберова. – Надеюсь, вышла красавицей. Не дай Бог в этой стране выглядеть бабушкой – это называется “гранмодеримидж”. Если такой “имидж” случается, то женщине ходу нет. <...> Мне это не грозит. Но я могу выйти похожей на ученую собаку. Это лучше, чем быть похожей на бабушку, но не очень хорошо» [Ibid.: 189].

Берберова волновалась напрасно: «на ученую собаку» она на этих снимках ничуть не похожа. Нарядно одетая, красиво причесанная, с жемчужным ожерельем на шее, она стройно сидела в высоком кресле, загадочно глядя в глаза читателю. Неудивительно, что полученным результатом Берберова осталась довольна. «Мне страшно досадно, что я не могу прямо сию же минуту показать тебе обложку с моей фотографией на ЛИЦЕВОЙ стороне, – писала Берберова Мурлу Баркеру. – Не молода, не красива, но элегантна и значительна»²²¹.

«The Italics Are Mine» (или «Италики», как Берберова называла свой труд в письмах русским знакомым) вышли весной 1969 года. Вечером 26 марта она узнала, что в издательстве лежит для нее экземпляр, и утром 27-го отправилась в Нью-Йорк. Этот экземпляр уже взял для Берберовой ее бывший аспирант Джон Малмстад, к тому времени профессор Колумбийского университета, а второй экземпляр чуть позднее привез Филипп Радли. Это событие было отмечено в ресторане, и день был закончен, судя по дневниковой записи Берберовой, на самой веселой ноте: «На вокзал отвезли на машине. Домой в 12 ночи. (Розы, шампанское)»²²².

В конце апреля праздник в честь выхода «The Italics Are Mine» был устроен в Принстоне у Кларенса Брауна. Браун и его жена созвали много гостей, и виновница торжества осталась очень довольна. «Чудное угощение, оживление», – отмечалось в ее дневнике²²³.

В начале мая «Италики» поступили на прилавки магазинов. В письме Татьяне Раннит Берберова писала:

Во-первых... сообщаю, что книга продается. Что многие хвалят (начиная с Эдмунта Вильсона, но большинство ЕЩЕ НЕ ПРОЧЛИ, т. к. выяснилось, что это ужасно длинная книга: малые поля и 600 стр. убористой печати, и слава Богу, что я не написала 1200 (а могла...)). Во-вторых – 4 интервью будет на радио и два «панеля» на телевидении...²²⁴

Упомянутый Берберовой Эдмунт Вильсон (имя которого обычно транскрибируют как Эдмунд Уилсон) был одним из самых влиятельных американских критиков. И он, как Бербе-

Review» рецензии на несколько книг, включая набоковскую «Speak, Memoir», труд Эндрю Филда «Nabokov, His Life in Art» и книгу Карла Проффера «Keys to Lolita». Она также опубликовала рецензию на воспоминания Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут» (названный в переводе «The Journey into the Whirlwind») в журнале Journal of Historical Studies (1968. № 3).

²²⁰ Письмо от 5 октября 1968 года в [Ljunggren 2020: 189].

²²¹ Письмо от 5 февраля 1969 года. Цит. по: [Barker 2002: 89–90]. Любопытно, что эту фотографию Берберова никогда не будет снова публиковать. Видимо, все упиралось в проблему авторских прав (они принадлежали фотографу Роберту А. Пропперу), но нельзя исключить и какие-то более сложные, психологические причины, заставившие Берберову ее со временем разлюбить.

²²² Запись от 27 марта 1969 года // Nina Berberova Papers. B. 50. F. 1145.

²²³ Запись от 23 апреля 1969 года // Ibid.

²²⁴ Письмо от 9 мая 1969 года // Ibid. B. 17. F. 468.

рова узнает впоследствии, оставил на «*The Italics Are Mine*» не только устный, но и письменный отзыв. В книге «Окно в Россию: для иностранных читателей» («*A Window on Russia: For the Use of Foreign Readers*»), вышедшей уже посмертно, Уилсон признавался, что «*The Italics Are Mine*», и в частности посвященные Набокову страницы, помогли ему лучше понять феномен этого писателя [Wilson 1972: 233–234]²²⁵. А ведь Уилсон на протяжении долгих лет близко знал Набокова (их переписка составляет солидный том), много размышлял и писал о нем сам.

Но «*A Window on Russia*» выйдет только в 1972 году, тогда как рецензии на «*The Italics Are Mine*» пошли практически немедленно после выхода книги. Абсолютное большинство рецензий, появившихся в американских, а затем и в британских газетах и еженедельниках, были крайне доброжелательными. Единственное исключение составляла резко негативная статья, напечатанная в воскресном приложении к «*The New York Times*», «*The New York Times Book Review*»²²⁶. Это было нешуточным ударом – и для Берберовой, и для издательства: на рекомендации этой газеты полагалась высокопоставленная читающая публика, и появившийся отрицательный отзыв не мог не сказаться (и сказался) на общем объеме продаж.

Автобиография Берберовой, естественно, не прошла мимо внимания критиков из первой волны эмиграции Г. П. Струве и М. Л. Слонима, чьи рецензии появились в главных американских славистских журналах²²⁷. Эти рецензии были достаточно прохладными. Авторы признавали важность «*The Italics Are Mine*» для истории русской эмиграции, отмечали выразительные портреты ряда крупнейших литераторов, в первую очередь Ходасевича, но сочли иные оценки Берберовой крайне субъективными, а подчас недопустимо резкими. Но особенно непримиримо по отношению к книге Берберовой, да и к ней самой, был настроен Р. Б. Гуль, с которым к тому времени она успела поссориться. В своей исключительно несправедливой и грубой рецензии Гуль не оставлял от «*The Italics Are Mine*» буквально камня на камне²²⁸. Другое дело, что ни рецензия Гуля, ни отзывы Струве и Слонима никак не повлияли на отношение к книге Берберовой в славистских кругах. Появление «*The Italics Are Mine*» обеспечило ей широкую известность и безусловное уважение в профессиональной среде, сказавшись самым положительным образом на ее академической карьере.

Практически сразу после выхода «Италиков» поступило предложение от профессора Гарварда В. М. Сечкарева выступить с лекцией, что Берберова и сделала в декабре 1969 года. Об успехе этой лекции она пишет Кларенсу Брауну, сообщая также о новых лестных предложениях – преподавать летний курс в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, а на следующий год – в Колумбийском университете. «И все это, конечно, – результат публикации книги», – заключала Берберова²²⁹.

* * *

Решение издать «Курсив» на английском, принятое на самом раннем этапе работы над книгой, отнюдь не означало, что Берберова не собиралась печатать ее на русском. Но когда она стала искать для этой цели издательство, то оказалось, что найти таковое непросто. Переговоры с несколькими потенциальными издателями, поначалу казавшиеся вполне обнадеживающими, начинали в какой-то момент буксовать и в результате кончались ничем. В марте 1970 года

²²⁵ Сообщая Риттенбергу об этом факте, Берберова пишет: «Читали ли Вы когда-нибудь литературного критика, крупнейшего в США, Эдмунда Вильсона? Он недавно умер. Он знал русский, писал о Пушкине, Тургеневе, Толстом. Был законченным европейцем и очень в свое время помог Набокову (в 40-х гг.). Сейчас вышла его последняя книга (“Окно в Россию”). Там он цитирует мой “Курсив” – очень я была тронута» (Письмо от 15 января 1973 года в [Ljunggren 2020: 247]).

²²⁶ *Blake Patricia* // *New York Times Book Review*. May 25, 1969. Section BR. P. 4.

²²⁷ См.: *Struve G.* // *Russian Review*. 1970. Vol. 29, № 1. P. 92–93; *Slonim M.* // *Slavic Review*. 1970. Vol. 29, № 2. P. 352–353.

²²⁸ *Гуль Р.* // *Новый журнал*. Кн. 99. 1970. С. 283–292.

²²⁹ Письмо от 23 декабря 1969 года // *Nina Berberova Papers*. В. 5. F. 90.

Берберова мрачно писала Омри Ронену: «Русское издание “Курсива” моего провалилось пока, и надежд впереди нет»²³⁰.

Но меньше чем через месяц надежда появилась. В мюнхенском Издательстве Вильгельма Финка была создана новая серия, выпускавшая книги на русском, и редактор серии, в свое время с удовольствием прочитавший «The Italics Are Mine», счел, что книга Берберовой им полностью походит. С этого момента все шло четко по плану, и весной 1972 года «Курсив мой» был издан и поступил в продажу.

К началу 1970-х Берберова уже давно состояла в переписке с несколькими коллегами из Советского Союза. Среди них были люди как старшего поколения (ленинградские литературоведы В. Н. Орлов и Д. Е. Максимов), так и младшего, включая специалиста по античной и западноевропейской литературе Г. Г. Шмакова. Все они с нетерпением ждали появления книги на русском, и, когда «Курсив» вышел в свет, Берберовой удалось переправить несколько экземпляров в Москву и в Ленинград, где они начали циркулировать в литературных кругах.

Вскоре из России стали приходить читательские отклики, причем не только от тех, с кем Берберова уже переписывалась. С авторами большинства полученных писем она была незнакома, хотя их имена ей были в основном известны. Самый первый отклик пришел в начале февраля 1973 года от Л. Ю. Брик. Она не только быстрее других раздобыла и прочитала «Курсив», но захотела немедленно связаться с Берберовой, оперативно найдя надежную оказию в Америку²³¹. Сообщая об этом событии Риттенбергу, Берберова полушутя написала, что скоро у нее «будет больше “поклонников” в Сов<етском> Союзе, чем здесь»²³².

Между тем начиная с середины 1970-х годов Берберова стала регулярно получать из России самые пылкие отзывы на «Курсив». Среди ее корреспондентов были Л. З. Копелев и Р. Д. Орлова, А. К. Гладков, Л. К. Чуковская и другие весьма заметные в литературных кругах люди.

Разговор о реакции российских читателей на *opus magnum* Берберовой я продолжу во второй части книги, где будет обсуждаться история публикации «Курсива» на английском и на русском и его рецепция критикой. Там же я выскажу свои соображения о том, почему Берберова столь настойчиво определяла жанр «Курсива» как автобиографию и что, собственно, могло ее побудить обратиться именно к этому жанру.

* * *

Среди читателей и почитателей «Курсива» оказалась и практически вся культурная элита третьей волны эмиграции, набравшей силу с начала 1970-х.

Если следовать хронологической последовательности событий, то первым надо назвать Иосифа Бродского. Вынужденный покинуть Советский Союз в июне 1972-го и вскоре «приземлившийся» в Америке, он познакомился с Берберовой осенью того же года. «На этой неделе ко мне сюда приедет Бродский, который прочел КУРСИВ и очень его любит, – писала Берберова Риттенбергу. – Жду Бродского, хочу послушать хорошие русские стихи, которых никто, кроме него, не пишет»²³³.

По каким-то причинам его приезд был отложен, и Берберова встретила с Бродским несколько позднее на его поэтическом вечере в Нью-Йорке, где получила возможность «послу-

²³⁰ Письмо от 21 марта 1970 года // Ibid. В. 17. Ф. 478.

²³¹ В дневнике Берберовой отмечено, что письмо Л. Ю. Брик привез Берберовой Ваган Барушьян, американский специалист по футуризму и Маяковскому (Запись от 6 февраля 1973 года // Ibid. В. 51. Ф. 1156).

²³² Письмо от 15 марта 1973 года в [Ljunggren 2020: 248].

²³³ Письмо от 1 октября 1972 года в [Ibid.: 240].

шать хорошие русские стихи», а после вечера обнять молодого поэта²³⁴. И хотя в дальнейшем они будут видеться не особенно часто, в разговорах с друзьями и в своих интервью Бродский будет отзываться об автобиографической книге Берберовой исключительно высоко, ставя ее в один ряд с книгами Н. Я. Мандельштам.

Примерно через год, в августе 1973-го, Берберова познакомится, сначала эпистолярно, с другим, на тот момент еще более знаменитым эмигрантом. Речь идет об Андрее Синявском, герое нашумевшего судебного процесса за публикацию (под псевдонимом Абрам Терц) своих работ за границей. Когда, отбыв лагерный срок, Синявский получил разрешение уехать во Францию и прибыл в Париж, Берберова немедленно с ним связалась. Она послала ему очень сердечное письмо, выражая восхищение книгами Терца и предлагая любую, включая денежную, помощь. Синявский взволнованно ответил, и между ними началась переписка. Узнав, что он еще не видел «Курсив», Берберова отправила Синявскому книгу, и он прислал на нее восторженный отзыв. Летом 1975 года в Париже состоялась их первая личная встреча.

В тот же приезд во Францию Берберова познакомилась (видимо, через посредство Синявского) с другим недавним эмигрантом из Советского Союза, известным литературоведом и переводчиком Е. Г. Эткингом, решившим осесть в Париже. Он, в свою очередь, высоко оценил автобиографическую книгу Берберовой, откликнувшись крайне лестным письмом. Знакомство с Эткингом Берберова отметит позднее как одно из главных событий 1975 года, выразив надежду, что общение продолжится²³⁵. В течение следующих нескольких лет они будут общаться весьма регулярно.

В 1975 году Берберову ожидала и другая радостная новость, касавшаяся ее давнего корреспондента Геннадия Шмакова. После изнурительно долгого ожидания ему удалось наконец покинуть Советский Союз и перебраться в Америку. В конце декабря, чуть не прямо с самолета, он приехал к Берберовой, и личная встреча не только не разочаровала обоих, но еще больше скрепила отношения.

А через несколько месяцев у Берберовой завяжется знакомство с молодым прозаиком Сашей Соколовым. Его первый роман «Школа для дураков», вышедший в издательстве Ardis, произвел на нее очень сильное впечатление, о чем Берберова сразу Соколову написала. Он жил в это время в Вене, но, переехав в Америку, вскоре появился в Принстоне. Тогда же Соколов получил в подарок «Курсив» и, начав его читать, поспешил написать Берберовой, как ему нравится книга.

В начале 1980-х она познакомится и с другими оказавшимися в эмиграции литераторами, включая Василия Аксенова, Владимира Войновича и (несколько позднее) Сергея Довлатова. Со многими из них Берберова, можно сказать, подружится, хотя иные дружбы по разным причинам позднее распадутся. В продолжении автобиографии Берберова, судя по плану «Книги», была намерена рассказать о троих – Синявском, Эткинде и Саше Соколове, но ее отношения с названными, а также не названными здесь персонажами, в свою очередь, достойны детального разговора. Этот разговор пойдет во второй части книги.

* * *

Как уже не раз говорилось, на протяжении 1960-х и половины 1970-х годов большую часть времени Берберовой занимало преподавание.

В отличие от иных своих коллег, она получала явное удовольствие от чтения лекций, особенно тогда, когда после перехода из Йеля в Принстон ей больше не приходилось вести язы-

²³⁴ См. дневниковую запись Берберовой от 24 октября 1972 года // Nina Berberova Papers. В. 50. Ф. 1147.

²³⁵ Ibid.

ковые классы. Понятно, что преподавать историю литературы Берберовой было несравнимо интереснее и легче.

«Она читала лекции с азартом, – рассказывает ученик Берберовой, один из крупнейших американских славистов Джон Малмстад. – Это была ее преподавательская манера, немного театральная. <...> Не всегда очень систематично, но как лектор, как личность она очень много всем студентам и аспирантам дала»²³⁶.

Малмстаду вторит и Эллен Чансес, автор мемуарного очерка о Берберовой, вошедшего в сборник «Выдающиеся педагоги Принстона» [Chances 1996]. Чансес, ставшая позднее сама профессором этого университета, в свое время посещала лекции Берберовой, а также много общалась с ней за пределами студенческой аудитории. Чансес, в свой черед, отмечает артистизм и темперамент Берберовой-преподавателя, а также ее умение тонко анализировать поэтические тексты, как это делают люди, знакомые с «ремеслом» изнутри [Ibid.: 15].

На своих лекциях, по воспоминаниям Малмстада и Чансес, Берберова любила декламировать стихи, говоря, что читает их в «старой петербургской традиции» [Малмстад 2010: 147]. Правда, представления об этой традиции у ее студентов существенно разнятся. Малмстад утверждает, что традиция заключалась «в предельной простоте, четкости» и что Бродский, к примеру, из нее выпадал, а Чансес, напротив, склонна вписывать в эту традицию Бродского [Малмстад 2010: 147; Chances 1996: 15]²³⁷. В то же самое время Малмстад и Чансес едины в том, что Берберова читала стихи превосходно. Замечу, что ее декламаторский талант был оценен еще в парижские годы и что другие поэты, бывало, просили Берберову читать их стихи на поэтических вечерах²³⁸. Да и по прошествии более четверти века ее со всех сторон продолжали уверять, что «голос... звучит отлично», и она охотно позволяла желающим записывать себя на магнитофон²³⁹.

В Принстоне Берберова читала разнообразные курсы, включая историю русского романа от «Анны Карениной» до «Доктора Живаго», поэтику и технику поэтического перевода, но особенно популярными, по воспоминаниям Малмстада, были ее курсы по русскому символизму и эмигрантской литературе, последний из которых предлагали в то время еще только в Гарварде²⁴⁰.

Составляя программу, Берберова руководствовалась собственными пристрастиями, и о творчестве иных крупных литераторов (например, М. А. Алданова) не считала нужным упоминать ни словом. Однако отсутствие систематичности с лихвой окупалось тем, что могла предложить студентам только Берберова. Обсуждение текстов Гиппиус, Белого, Ремизова, Цветаевой, Набокова, Бунина она перемежала рассказами об этих писателях, большинство из которых близко знала. Иные из вошедших в «Курсив» историй можно было услышать на лекциях Берберовой еще задолго до выхода книги.

В своем курсе по русскому символизму она старалась уделять как можно больше внимания Андрею Белому, в то время очень мало известному на Западе²⁴¹. В результате трое аспирантов Берберовой, включая Малмстада, выбрали в качестве тем своих диссертаций творче-

²³⁶ Толстой И. Русская классика как американская любовь. Беседа с профессором Джоном Малмстадом. 26 июня 2011 года. URL: <https://www.svoboda.org/a/24247259.html> (дата обращения: 05.10.2022).

²³⁷ Судя по скептическому отношению Берберовой к манере Бродского читать стихи, истина на стороне Малмстада.

²³⁸ В частности, в ее исполнении публика услышала стихи Георгия Иванова на его персональном вечере в 1949 году. См. [Арьев 2009: 288].

²³⁹ См. письмо С. Риттенбергу от 7 апреля 1975 года в [Ljunggren 2020: 261].

²⁴⁰ Толстой И. Русская классика как американская любовь.

²⁴¹ Еще задолго до начала своей преподавательской деятельности Берберова сделала попытку привлечь внимание англоязычной аудитории к этому писателю, опубликовав в одном из главных славистских журналов очерк о Белом [Berberova 1951]. Особую ценность этому очерку придавали включенные в него письма Белого к Ходасевичу. Хотя эти письма уже были когда-то опубликованы (Современные записки, 1934. Кн. LV), англоязычный читатель получил возможность познакомиться с ними только теперь.

ство Белого. После защиты Малмстад продолжил свои штудии, и именно его достижения в этой области дали основания говорить о важнейшей роли Берберовой-преподавателя в развитии американского «беловедения».

Берберова щедро делилась со своими студентами не только знаниями, но и временем. «Она имела очень приятную привычку – приглашать учеников к себе на ланч, на ужин», – вспоминает Малмстад [Малмстад 2010: 146]. Конечно, получать подобные приглашения было привилегией избранных, тех, кто Берберовой был особенно симпатичен и интересен. Эту компанию она собирала у себя в каждый День благодарения, сама готовила индейку и все остальное, чему полагалось быть на праздничном столе. О традиционных пирах у Берберовой в День благодарения говорится и в очерке Чансес [Chances 1996: 17].

Берберова проработала в Принстоне с осени 1963-го по весну 1971-го. По закону ей полагалось выйти на пенсию в шестьдесят восемь лет, то есть еще в 1969 году, но начальство сделало для нее исключение, разрешив работать почти до семидесяти. Все это время Берберова пыталась убедить себя и других, что она очень рада такой перемене в собственной жизни, что она сможет наконец отдохнуть, а также приступить к нескольким задуманным проектам.

Но в реальности дело обстояло иначе. Уход на пенсию Берберова, безусловно, воспринимала болезненно. Она любила преподавать, ей нравилось быть среди молодежи, а кроме того, Берберова опасалась, что у нее станет туго с деньгами.

Неслучайно она обратилась к администрации Принстона с просьбой позволить преподавать на полставки еще хотя бы в течение года, но ее просьбу решительно отклонили²⁴².

Однако репутация Берберовой была такова, что ее академическая карьера на этом отнюдь не закончилась. Ее постоянно приглашали выступить с лекциями, провести семинар, а время от времени и преподавать, причем в лучших университетах. Практически сразу после ухода из Принстона ей пришло приглашение из Колумбийского университета прочитать курс лекций ближайшей осенью, а через год и летом.

Берберову пугали летняя нью-йоркская жара, отсутствие в аудиториях кондиционеров и к тому же небольшой гонорар, и она какое-то время колебалась. Но затем, как свидетельствует дневниковая запись, она решила призвать себя к порядку: «Размышляла о курсе в Columbia. Выкинула папки, бумаги. Потянуло к работе. А главное – откуда такая лень? Изволь трудиться, матушка. Иначе не видать тебе Парижа!»²⁴³ И Берберова не стала отказываться. Это позволило накопить достаточно денег, чтобы отправиться летом 1975 года в Париж.

Еще до отъезда в Европу Берберова получила предложение из престижного колледжа Брин-Мор прочитать курс лекций в весеннем семестре, и она, разумеется, согласилась. Тогда же было условлено, что она приедет в Брин-Мор осенью, чтобы познакомиться и сделать доклад. Берберова приехала в ноябре, ее встретили крайне тепло, и доклад прошел с большим успехом²⁴⁴.

Приглашение преподавать в Брин-Море было на очень почетных и выгодных условиях. Единственное, что волновало Берберову, – это дорога из Принстона, исключительно долгая и трудная – «три пересадки, 4 поезда»²⁴⁵. Но она решила, что справится. И хотя такая дорога ее изрядно выматывала, это никак не сказалось на качестве преподавания: и студенты, и администрация остались довольны.

Берберова тоже осталась довольна. Вернувшись в Принстон по окончании семестра, она сделала такую запись: «Я свободна, я здорова, я думаю, мне хватит денег. Погода божественная, все в цвету. Пошла пешком в University Store и купила божественный атлас, о котором

²⁴² См. переписку Берберовой с деканом Принстона Ричардом А. Лестером, имевшую место в начале 1970 года. (Nina Berberova Papers. B. 16. F. 457).

²⁴³ Запись от 19 мая 1973 года // Ibid. B. 51. F. 1156.

²⁴⁴ См. дневниковую запись от 28 ноября 1975 года // Ibid.

²⁴⁵ Запись от 14 октября 1975 года // Ibid.

мечтала много лет, – 45 долларов! Принесла домой и весь вечер сидела над ним»²⁴⁶. Подчеркну, что в то же самое время Берберова без малейших колебаний вручала чек на сто долларов ново-прибывшим эмигрантам, которым, понятно, нужны были деньги.

В конце лета того же 1976 года Берберовой предложили преподавать два семестра в Принстоне, и она приняла предложение. Возможность заработать, не тратя сил на поездки, была очень привлекательной, и все же этот год дался ей с немалым трудом. В последний день классов она записала в своем дневнике: «Устала. <...> Больше к этому не вернусь. Работала на 10 лет дольше, чем большинство обитателей этой благословенной страны. 10 лет, а теперь пора на покой, больше нет сил. Осталось немного их и только на то, что действительно нужно сделать»²⁴⁷.

Среди того, что Берберовой было «действительно нужно сделать», имелся совместный проект, начатый несколько лет назад с молодым славистом Джеральдом Янечком, который занимался в тот период Белым. Берберова и Янечек решили перевести на английский поэму Белого «Первое свидание» (1921), сопроводив перевод предисловием и комментариями. Янечек взялся перевести поэму и написать предисловие, а Берберова помимо редактуры перевода должна была подготовить комментарии к тексту. К весне 1977 года этот проект был практически готов, но кое-что надо было отшлифовать.

Янечек в свое время связался с Берберовой, прочитав «The Italics Are Mine». Выяснив из книги, что она близко общалась с Белым в Берлине, он послал ей письмо, надеясь найти у нее определенную информацию. С той же целью к Берберовой постоянно обращались и другие исследователи Белого, и не только Белого, но и других литераторов-эмигрантов, в первую очередь, разумеется, Ходасевича. Среди этих исследователей был, в частности, Дэвид Бетеа, писавший диссертацию о Ходасевиче, а в дальнейшем ставший автором первой биографии поэта.

О большинстве обращавшихся к ней молодых ученых, многие из которых займут видное место в академическом мире, и конечно, о своих учениках Берберова собиралась рассказать в продолжении автобиографии. Судя по сохранившемуся плану, этот рассказ она была намерена построить как повествование и о собственном вкладе в американскую славистику, который оказался на редкость значительным. Этой малоизученной теме будет посвящен отдельный сюжет второй части книги.

* * *

Несмотря на необходимость закончить работу над «Первым свиданием» и вплотную заняться другим проектом, летом 1977 года Берберова решила позволить себе продолжительный отдых в Европе.

Согласно давней договоренности, она встретилась в Каннах с жившей в Париже еще гимназической подругой, они вместе поехали в Ниццу и провели там три с лишним недели. И хотя в письмах своим корреспондентам Берберова утверждала, что Канны и Ницца теперь выглядят совсем по-другому, чем в годы ее молодости, и говорила, что больше никогда туда не поедет, ей удалось там набраться сил.

После Франции Берберова отправилась в Германию, так как в Дюссельдорфе находились в то время два человека, которых ей хотелось увидеть, – ее бывшая аспирантка Кэрол Аншютц и редактор издания «Курсива» на русском Винцент Зивекинг, ставший за время работы над книгой хорошим другом.

²⁴⁶ Запись от 8 мая 1976 года // Ibid.

²⁴⁷ Запись от 27 апреля 1977 года // Ibid.

Из Дюссельдорфа Берберова поехала в Висбаден, где собиралась продолжить отдых. Именно там ее застало известие о смерти Набокова, чуть было не нарушившее все намеченные планы. Набоков скончался 2 июля, но Берберова узнала об этом лишь 5-го числа из утренней газеты, тогда же записав в дневнике: «Некролог Набокова. Звонила в Монтре, видимо, уже похоронили (хотела ехать). Вера скрывала до 4-го вечера. Может быть, была права»²⁴⁸.

Берберова была явно взволнована, хотя, как помнит читатель «Курсива», не общалась с Набоковым почти тридцать лет и была на него в глубокой обиде. Правда, она по-прежнему исключительно высоко ценила его как писателя. Однако желание ехать на похороны (путь из Висбадена в Монтре занимает много часов) было вызвано, думается, не только преклонением перед его исключительным даром. В реакции Берберовой были замешаны, похоже, и какие-то иные чувства, вызванные воспоминаниями из давнего, еще парижского прошлого, когда они общались с Набоковым достаточно тесно. Впрочем, у Берберовой были все основания предполагать, что похороны состоялись (или состоятся) в узком кругу и в Монтре ее вряд ли ждут. Вера Набокова и Берберова холодно относились друг к другу даже в лучшие времена. А потому, пробыв еще неделю в Висбадене, Берберова вернулась в Принстон.

Как уже говорилось, она должна была закончить связанную с «Первым свиданием» работу. К концу лета 1977 года и перевод, и комментарии были полностью готовы, и рукопись отдана в издательство. Берберова и Янечек выбрали издательство Принстонского университета, не без волнения ждали ответа, но ответ пришел неожиданно быстро. «Вечером позвонила миссис Шелд и сказала, что “Первое свидание” взяли, – записала Берберова в дневнике. – Я сейчас же позвонила Янечку. Оба были рады»²⁴⁹.

А потому она с легким сердцем принялась за свой следующий проект. Речь шла о новой книге, идея которой зрела у Берберовой уже очень давно, но окончательно созрела лишь летом 1976 года. В то лето она смогла наконец отправиться в Калифорнию разбирать материалы из своего архива, проданные когда-то Б. И. Николаевскому и в результате оказавшиеся в Институте Гувера в Стэнфорде. Читая находившиеся в этом архиве письма Ходасевича, в которых часто упоминалась М. И. Будберг, Берберова решила, что пора начинать писать о ней книгу, которая станет известна читателям под названием «Железная женщина».

Вернувшись в Принстон, Берберова взяла в библиотеке необходимую литературу и в самом начале 1977-го отметила в дневнике: «Весь день дома, читала. Работала над Марией Игнатьевной Б<удберг>. Смогу ли написать книгу? Думаю, смогу. Может быть, летом начну...»²⁵⁰

Летом, однако, начать не получилось: Берберова продолжала собирать материал. Подводя 31 декабря итоги за год и размышляя над тем, что она хотела бы пожелать себе на будущее, Берберова назвала два желания: «...увидеть напечатанным “Первое свидание” [и] написать о Муре книгу»²⁵¹.

Оба эти желания сбудутся, хотя и не сразу. «Первое свидание» выйдет в свет без малого через два года [Bely 1979]. Примерно тогда же Берберова закончит книгу о Будберг и начнет интенсивные поиски издателя. Но этот процесс пойдет не гладко, и несколько предпринятых попыток кончатся ничем. А потому итоги за 1979 год, подведенные Берберовой в конце декабря, были нерадостными. Она отметила, в частности, что погружается в «крайний мрак» от «дел издательских, которые «в общем не должны бы [ее] разрушать»: «книга о Муре написана, и это главное, а Славы я не ищу»²⁵².

²⁴⁸ Nina Berberova Papers. B. 50. F. 1147.

²⁴⁹ Запись от 9 сентября 1977 года // Ibid.

²⁵⁰ Запись от 11 января 1977 года // Ibid.

²⁵¹ Запись от 31 декабря 1977 года // Ibid.

²⁵² Запись от 27 декабря 1979 года // Ibid.

Другое дело, что через несколько дней настроение Берберовой значительно улучшится под влиянием полученной новости. Ей позвонили из недавно созданного нью-йоркского издательства «Серебряный век» и попросили отрывок из «книги о Муре» для альманаха «Часть речи», который начали готовить к сорокалетию Бродского. А потому 30 декабря в дневнике Берберовой появилась еще одна запись: «Так кончается год – повернувшись ко мне опять своей “другой” стороной»²⁵³.

²⁵³ Запись от 30 декабря 1979 года // Ibid.

Глава 5 1980–1990-е

В альманах «Часть речи», в котором должен был принять участие сам Бродский, а также ряд литераторов третьей волны, Берберова решила дать отрывок из первой главы «Железной женщины». У нее были все основания надеяться, что книге таким образом будет создана реклама и проблема с издательством в конце концов разрешится.

Видимо, поэтому Берберова встретила 1980 год в самом оптимистичном расположении духа, записав в дневнике: «Работать. Изю всех сил. <...> Как я была счастлива от сент<ября> 1978 г. до сент<ября> 1979 г. Вернуть это счастье. Продлить. Связать все»²⁵⁴.

Что же происходило в жизни Берберовой от сентября 1978-го до сентября 1979-го? Как свидетельствуют дневниковые записи, именно в этот период ее работа над книгой о Будберг шла особенно споро. Проводя за письменным столом по пять-шесть часов ежедневно, Берберова продвигалась семимильными шагами, сумев полностью дописать книгу, начатую два года назад.

Словом, она мечтала вернуть себе тот же творческий настрой, ту же энергию, которые дали бы ей возможность продуктивно работать над своими следующими проектами, уже давно стоявшими на очереди. Пока рукопись «Железной женщины» лежала у нее на столе без движения, Берберова не могла за них взяться.

Но теперь ситуация с изданием книги уже не казалась ей столь безнадежной. В этом Берберову убеждали друзья, особенно те, кто был знаком с текстом. Среди них был Геннадий Шмаков, приехавший в Принстон в начале января. Берберова прочитала ему три отрывка из «Железной женщины», и он с жаром их похвалил. Что же касается потенциальных издателей, то Шмаков советовал печатать «Железную женщину» у Г. Д. Поляка, основателя и директора издательства «Серебряный век», в котором должен был выйти альманах «Часть речи». Берберова была с Поляком знакома и, следуя совету Шмакова, вскоре поговорила с ним о книге. Поляк отозвался с энтузиазмом.

В тот же свой визит Шмаков уверил Берберову, что «Железную женщину» должны с руками оторвать американские издательства. Он посоветовал обратиться не куда-нибудь, а в «Farrar, Straus and Giroux», знаменитое, в частности, тем, что многие из печатавшихся в этом издательстве авторов стали лауреатами Нобелевской премии. Следуя и этому совету Шмакова, Берберова отнесла в «Farrar, Straus and Giroux» заявку на книгу и три главы.

К тому времени «Железную женщину» уже начал переводить на английский выпускник Гарварда Ричард Сильвестр. Он познакомился и подружился с Берберовой в ходе работы над своей диссертацией о Ходасевиче, и она очень быстро стала его называть уменьшительным именем Дик. Сильвестр защитил диссертацию весной 1976 года и уже летом отправился вместе с Берберовой в Стэнфорд, чтобы начать разбирать ее архив в Институте Гувера. Таким образом, он первым узнал, что Берберова решила писать о Будберг. Эту идею Сильвестр горячо одобрил, оказавшись в результате одним из немногих, кто читал главы книги по мере их написания. Он был настолько увлечен «Железной женщиной», что, как только рукопись была готова, приступил к ее переводу, не дожидаясь контракта с издательством и – соответственно – аванса.

Сильвестр был, естественно, в курсе, что Берберова начала переговоры с «Farrar, Straus and Giroux». И хотя ответа в ближайшее время не ожидалось, он продолжал работать над переводом, снимая с Берберовой по ходу дела вопросы.

²⁵⁴ Запись от 1 января 1980 года // Nina Berberova Papers. B. 50. F. 1147.

Она, как обычно, отвечала подробно и быстро, хотя в те же самые месяцы ей предстояло повернуть весьма трудоемкое дело. Берберова должна была съехать со своей старой квартиры, так как возникла проблема с соседом сверху. Его пристрастие к марихуане отравляло Берберовой жизнь в буквальном смысле слова: запах «травы» проникал в ее комнаты, вызывая головную боль. И хотя та квартира, куда она хотела перебраться, была в том же самом университетском жилищном комплексе, сборы, переезд и устройство на новом месте отняли много времени и сил. С помощью верного Мурла Баркера Берберова смогла переехать в начале мая и, судя по ее переписке, была очень довольна своим новым жильем. Квартира была угловой и, значит, существенно тише предыдущей. У окон вдобавок росли сирень и розы, которые были как раз в цвету.

И все же к началу мая перевод первой главы «Железной женщины» был полностью Берберовой отредактирован. На всякий случай Сильвестр решил послать заявку и первую главу и в другое издательство – «Chatto & Windus». Сотрудники этого издательства нашли идею книги очень интересной, но они хотели видеть и другие главы, а желательна рукопись полностью. Это означало, что с переводом надо было спешить, и Сильвестр прибавил темп.

Тем временем в жизни Берберовой произошло событие значительной важности. В конце мая того же 1980 года ей было присвоено звание почетного доктора литературы за совокупность заслуг на писательском и преподавательском поприщах. Эту степень присвоил ей колледж Глассборо, в котором несколько лет назад Берберова выступила с лекцией. Приглашение прочитать лекцию пришло от молодого профессора колледжа Эрики Фрейберген-Шейкхле-слами, отношения с которой в дальнейшем продолжились. Ее настойчивому ходатайству Берберова, очевидно, была обязана получением этой награды.

И хотя колледж Глассборо не относился к самым престижным учебным заведениям, для не имевшей научной степени Берберовой такое звание было очень существенным. Выражая свою признательность президенту Глассборо, она писала:

Получение звания почетного доктора литературы, как Вы, конечно, догадываетесь, имеет для меня исключительное значение, и национальный гимн, исполненный в начале церемонии, меня особенно тронул. Этот незабываемый момент был итогом долгого пути, пройденного мною за тридцать лет в Америке²⁵⁵.

Правда, в своем дневнике Берберова упоминала о «великом дне вручения диплома» не без некоторой иронии²⁵⁶. Да и в письмах знакомым, описывая церемонию в Глассборо, она делала главный акцент на то, как там было весело (ее сопровождали несколько друзей), какая на ней была чудесная шапочка и как они это событие потом отмечали.

Вернувшись из Глассборо, Берберова узнала, что первый номер альманаха «Часть речи», где был напечатан отрывок из «Железной женщины», должен выйти на днях, и он действительно появился в начале июня²⁵⁷. На последних страницах альманаха, где перечислялись книги, вышедшие в «Серебряном веке», была анонсирована «Железная женщина» с пометкой «в печати».

Эта информация не совсем соответствовала истине. И хотя Поляк, безусловно, горел желанием напечатать книгу Берберовой, его издательство было маломощным (он был практически единственным постоянным сотрудником) и не имело стабильного финансирования. Поляк финансировал книги или из собственных весьма ограниченных средств, или из пожерт-

²⁵⁵ Письмо от 9 июня 1980 года // Ibid. В. 9. Ф. 204.

²⁵⁶ Запись от 28 мая 1980 года // Ibid. В. 50. Ф. 1147.

²⁵⁷ Часть речи: Альманах литературы и искусства. № 1. Нью-Йорк: Серебряный век, 1980.

вований, а потому ему еще предстояло собрать для издания «Железной женщины» нужную сумму²⁵⁸.

Прождав месяца два и убедившись, что денег по-прежнему нет, Берберова решила предложить свою книгу в другое нью-йоркское издательство – «Russica». И хотя это издательство было создано тоже недавно, оно имело более солидную базу. С главным редактором издательства А. Е. Сумеркиным Берберова была хорошо знакома. Как она писала о нем одному из своих корреспондентов, «тут есть один человек, не так давно из Москвы, друг Бродского и многих других, который задался целью стать издателем, как другие хотят стать художником или доктором. Я для него немного работаю – советом и всякими мелкими делами. Очень большой энтузиаст»²⁵⁹. К тому времени Берберова уже договорилась с Сумеркиным о втором издании «Курсива» на русском и даже подписала контракт. Но, прочитав рукопись «Железной женщины», Сумеркин и его коллеги решили печатать и эту книгу Берберовой и выдали ей аванс²⁶⁰.

Между тем отрывок из «Железной женщины», опубликованный в «Части речи», имел большой успех у читателей. В частности, крайне доброжелательно откликнулся Джордж Кеннан, которому Берберова отправила ксерокопию. Выражая благодарность за материал, Кеннан писал, что он поражен ее эрудицией, крайне одобряет ее стремление опираться исключительно на факты и надеется вскоре прочитать книгу полностью²⁶¹.

Эти события, видимо, несколько примирили Берберову с тем, что издательство «Farrar, Straus and Giroux» отклонило «Железную женщину». Сообщая об этом Сильвестру, она сохраняла спокойный тон, выражала уверенность, что с «Chatto & Windus» проблем не будет, но всячески убеждала его не тянуть с переводом.

При этом Берберова понимала, что у Сильвестра, получившего к тому времени профессорское место в Колгейтском университете, большая преподавательская нагрузка и много других забот. В частности, в сентябре 1980 года он должен был отправиться с группой студентов на год в Москву. И хотя Сильвестр продолжил в Москве работу над переводом, теперь он ее делал существенно медленнее и не столь тщательно, как раньше.

Это означало, что от Берберовой требовалось больше усилий по редактуре, но она не роптала. Одновременно с этим занятием она решила еще раз просмотреть русский текст книги, перед тем как отдать рукопись Сумеркину. На ведение дневника в последние месяцы 1980 года у нее, очевидно, не было времени, но 31 декабря Берберова все же сделала запись. Любопытно, что обо всех пертурбациях с книгой о Будберг в этой записи не говорится ни слова. Вместо этого Берберова считает нужным напомнить себе, что в следующем году ей исполняется восемьдесят, а потому ограничивается тремя пожеланиями – «здоровья, памяти и тишины»²⁶². Память останется у Берберовой отличной, да и здоровье она сохранит. Труднее будет обеспечить себе «тишину», так как издание «Железной женщины» потребует немало усилий и нервов.

Когда издательство «Russica» приступило к работе над книгой, Берберова была твердо уверена, что «Железная женщина» выйдет в июне 1981 года²⁶³. Однако срок выхода книги

²⁵⁸ Письмо Сильвестру от 9 июня 1980 года // Nina Berberova Papers. В. 20. Ф. 548.

²⁵⁹ Письмо Омри Ронену от 14 февраля 1980 года // Ibid. В. 17. Ф. 478.

²⁶⁰ Письмо Сильвестру от 28 сентября 1980 года // Ibid. В. 20. Ф. 548.

²⁶¹ Письмо от 25 сентября 1980 года // Ibid. В. 11. Ф. 286. Это письмо Кеннан послал Берберовой накануне своей очередной поездки по Европе и Азии, в которую по какой-то причине он взял с собой отгиск ее материала из «Части речи». Будучи в Гонконге на одном из дипломатических обедов, Кеннан случайно оказался рядом с некоей Наташей Уилсон, которая, как обнаружилось, была родной внучкой Будберг. Кеннан дал ей материал о Муре, и Наташа, прочитав, отреагировала письмом. Об этой встрече Кеннан написал Берберовой (см. его письмо от 18 декабря 1980 года // Ibid.), а также переслал ей письмо Уилсон. Отвечая Кеннану, Берберова замечала, что ни минуты не сомневалась, что «родственники Муры будут довольно иными обнаруженными [ею] фактами», но письмо Наташи нашла «очень милым и интересным» (Письмо от 22 декабря 1980 года // Ibid.). В своем архиве, однако, Берберова письмо Уилсон не сохранила.

²⁶² Запись от 31 декабря 1980 года // Ibid. В. 50. Ф. 1147.

²⁶³ См. письмо Сильвестру от 10 апреля 1981 года // Ibid. В. 20. Ф. 548.

постоянно отодвигался, в том числе и по чисто техническим причинам (перебои с бумагой). В какой-то момент речь пошла об осени, сначала ранней, а затем и поздней. В результате книга вышла в середине ноября [Берберова 1981].

Тем временем Сильвестр окончательно понял, что ему одному с переводом не справиться. А потому он решил подключить к проекту свою бывшую аспирантку Мариан Шварц. Она специализировалась именно в этой области, став в дальнейшем известной переводчицей.

Видимо, еще ранней весной Шварц приехала в Принстон к Берберовой, чтобы познакомиться и обсудить очередные главы «Железной женщины». Она произвела на Берберову самое благоприятное впечатление, и с этого момента все замечания по переводу она отправляла Шварц.

Что же касается переговоров с «Chatto & Windus», которые во время пребывания Сильвестра в Москве вела сама Берберова, то они внушали ей тревогу. Издательство выражало недовольство тем, что оно до сих пор не получило всю рукопись. Надо было срочно послать последние главы, но они еще были не полностью готовы. В начале ноября Мариан Шварц привезла их Берберовой на редактуру, и та принялась за работу.

В силу исключительной занятости в течение всего 1981 года Берберова практически не бралась за дневник. В нем не отмечен даже тот факт, что «Железная женщина» наконец была издана. Несмотря на счастливое завершение этой эпопеи, 31 декабря Берберова сделала в дневнике достаточно мрачную запись: «Год был тяжелый – ожидание Ж<елезной> Ж<енщины> извело меня. <...> Боюсь, что силы мои не так скоро восстановятся. Буду стараться»²⁶⁴.

* * *

Восстановить свои силы Берберова, очевидно, сумела, хотя к дневнику не вернулась. Но из ее переписки известно, что в течение 1982 года она отнюдь не бездействовала.

Берберова активно занималась подготовкой второго издания «Курсива» на русском, на которое «Russica» давно заключила с ней договор. Она также находилась в постоянном контакте с Дэвидом Бетеа, работавшим над биографией Ходасевича и присылавшим ей написанные главы. Берберова их внимательно читала, делала поправки и отсылала обратно.

Поздней весной она отправилась в Европу, собираясь побывать в Германии, Италии и Франции. В Германии она хотела навестить Кэрол Аншютц, недавно родившую ребенка, в Италии – позволить себе недолгий отдых, а во Франции заняться делами. В Париже Берберова должна была встретиться с Лидией Швейцер, французской писательницей и переводчицей российского происхождения, с которой она давно состояла в переписке.

Несколько лет назад Лидия Швейцер перевела по собственной инициативе повесть Берберовой «Аккомпаниаторша» (1934), в свое время опубликованную в «Современных записках». И хотя сама Берберова ценила «Аккомпаниаторшу» меньше других своих повестей, проявленный Швейцер энтузиазм был ей, конечно, приятен.

Швейцер предложила свой перевод маленькому парижскому некоммерческому издательству, которое согласилось выпустить книгу в количестве трехсот нумерованных экземпляров. О каком-либо гонораре – ни переводчику, ни автору – речь изначально не шла, но имелась надежда, что книга не пройдет незамеченной. Качеством перевода Берберова осталась довольна и не возражала, чтобы Швейцер переводила и другие ее вещи.

Однако главное дело, ради которого Берберова поехала в Париж, было связано с ее следующим проектом, книгой «Люди и ложи: русские масоны XX века». В свои восемьдесят лет она по-прежнему не мыслила жизни без ежедневной работы за письменным столом. В предисловии к книге Берберова подробно расскажет, какие именно события способствовали воз-

²⁶⁴ Запись от 31 декабря 1981 года // Ibid. В. 50. F. 1151.

никновению ее интереса к русскому масонству XX века. Она также упомянет, что по приезде в Америку начала составлять именной каталог масонов, хотя идея книги на эту тему возникла у нее значительно позднее.

Эта идея возникла в конце 1960-х, когда в славистских журналах стали появляться статьи о русском масонстве. Особый интерес у Берберовой вызвала статья историка, профессора Вашингтонского колледжа Натана Смита, посвященная участию русских масонов в Февральской революции [Smith 1968].

Прочитав статью, Берберова написала Смигу, представилась и сообщила о том, что давно составляет список членов российских и парижских масонских лож. Она подчеркнула, что лично знала примерно половину перечисленных в этом списке лиц, и предложила сотрудничество²⁶⁵.

Смит незамедлительно откликнулся, сказав, что будет счастлив взяться за совместный проект, и вскоре специально приехал к Берберовой в Принстон, чтобы обсудить детали. И хотя в силу разных причин работа была надолго отложена, Берберова и Смит находились в постоянном контакте, обмениваясь идеями и материалами. Своей главной задачей они оба считали поиск неизвестных архивных документов, и в самом начале 1980-х годов их многолетние усилия увенчались грандиозным успехом. В Национальной библиотеке в Париже был обнаружен архив русских масонов, в котором находились документы начиная с 1922 года. Архив был передан в библиотеку семьей русских эмигрантов, спрятавших материалы перед приходом нацистов и долгие годы хранивших их у себя.

Берберова и Смит договорились встретиться в Париже в июне 1982 года, чтобы вместе работать с этим архивом, занимавшим несколько больших ящиков. Работа шла гладко, и им удалось просмотреть почти все материалы и сделать копии. Было понятно, однако, что Берберовой и Смигу придется снова вернуться в архив, и, возможно, еще не раз. Задержаться во Франции на более долгий срок Берберова не могла. Практически сразу по возвращении в Америку она должна была отправиться в Миддлбери, куда уже ездила не первый год.

В летнее время в этом колледже открывалась так называемая «Русская школа», предлагающая студентам интенсивный курс языка, а кроме того, лекции и семинары по литературе. Берберовой очень нравилось в Миддлбери; уровень студентов был достаточно высок, администрация и преподаватели относились к ней с большим пиететом, туда приезжали интересные ей люди, в большинстве своем недавние эмигранты, да и гонорар за прочитанные лекции был достаточно щедрым. Предыдущим летом Берберова прочитала в Миддлбери лекцию о Набокове, а на этот раз ей предстояло провести недельный семинар по русской поэзии XIX века, и она провела его, как обычно, с успехом.

* * *

Вернувшись из Миддлбери, Берберова принялась разбирать привезенные из Парижа материалы для книги о масонах. Она также приступила к работе с Мариан Шварц, выразившей желание перевести на английский несколько ее повестей, включая «Плач» и «Лакея и девку»²⁶⁶. За время работы над «Железной женщиной» Берберова имела возможность по достоинству оценить профессиональные и человеческие качества Шварц. Она была тронута тем, что Шварц продолжала переводить ее вещи, несмотря на то неприятное обстоятельство, что перевод книги

²⁶⁵ Письмо от 11 сентября 1969 года // Ibid. В. 19. Ф. 519.

²⁶⁶ Шварц позднее переведет и повесть Берберовой «Облегчение участи», которая будет опубликована в журнале «Literary Review» в 1985 году и получит первый приз на конкурсе «Лучшая переводная повесть года». См. письмо Берберовой Лидии Швейцер от 30 сентября 1985 года // Ibid. В. 19. Ф. 494.

о Будберг, в который было вложено столько труда, пристроить в издательство пока не удавалось, хотя интенсивные переговоры шли уже два года.

Это было тем более неожиданно, что книга на русском пользовалась несомненным успехом. Восторженные отзывы на «Железную женщину» поступали к Берберовой со всех сторон – от друзей, знакомых и коллег. В частности, отозвался ведущий американский специалист по советской литературе Эдвард Браун.

Признаваясь, что он не знал, какую роль играла Мура в жизни Локкарта, Горького и Уэллса, Браун писал:

Будучи настоящим художником, Вы сумели сделать из этой истории увлекательнейшее повествование, в котором есть и ирония, и пафос и в котором на редкость удачно сочетаются сочувствие Муре и желание отдать должное ее незаурядности со скептическим отношением к ней и желанием от нее дистанцироваться²⁶⁷.

А в конце письма Браун вопрошал: «Понятно ли Вам, какую замечательную книгу Вы написали? Мне кажется, что нет!»²⁶⁸

Отзывы на «Железную женщину» поступали к Берберовой и от незнакомых читателей. Среди них был, в частности, Сергей Довлатов, которого Берберова знала в то время лишь понаслышке. Излагая свои впечатления от прочитанного, Довлатов писал:

Мне представляется совершенно исключительной жанровая *разнородность* этой книги при общем единстве материала. В ней есть черты биографии, авантюрного романа, культурного трактата и физиологического очерка. Но гораздо более меня поразило нечто такое, что я затрудняюсь выразить, и, пытаясь все же это сделать, заведомо предвижу собственное косноязычие. Меня поразила *сбалансированность*, внутренняя соразмерность чувств и отношений автора с героями. Притом что в книге содержится масса негативных соображений относительно Марии Будберг, Уэллса, Локкарта и Горького – в самом широком спектре: от иронии, насмешки до изобличения во лжи, бездушии и маразме – у читателя нигде не возникает впечатления дискредитации и тем более – сведения счетов, зависти и злобы. Что бы Вы ни писали о Горьком (а там, особенно в конце, есть убийственные вещи), все равно остается впечатление крупной личности, каковою Горький, видимо, и являлся. <...> То же (насчет соразмерности чувств, баланса отношений) можно сказать и о других героях. Короче (и, может, не стоило мне огород городить), получились живые, многокрасочные портреты и люди [Довлатов, Берберова 2016: 35]²⁶⁹.

Как Берберова узнала впоследствии, в «совершенном восторге» от «Железной женщины» был и живший в Париже Виктор Некрасов²⁷⁰. С Некрасовым Берберова знакома не была, хотя всегда хотела познакомиться. Но каждый раз, когда она приезжала в Париж, он был или серьезно болен, или в отъезде, а в 1987 году скончался.

²⁶⁷ Письмо от 21 мая 1982 года // Ibid. В. 5. F 91.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ Письмо от 7 апреля 1982 года. Публикация «Железной женщины» в России, сначала в «Дружбе народов» (1989. № 8–12), а затем и в книжном издании, в свою очередь, будет встречена с большим интересом и читателем, и критикой. См., в частности, обстоятельную рецензию С. Костырко «Выжить, чтобы жить» (Новый мир. 1991. № 9). И хотя со временем в книге обнаружилось многочисленных неточности, а появившиеся позднее материалы существенно дополнили и скорректировали биографию Будберг, «Железная женщина» продолжала привлекать читателя, о чем говорят многочисленные переиздания книги в России.

²⁷⁰ См.: Салказанова Ф. Последние дни Виктора Некрасова // Русская мысль. 1987. 23 сент. С. 8.

Первый тираж «Железной женщины» разошелся стремительно (спрос на эту вещь, как Берберова писала Лидии Швейцер, уступал только спросу на книги Солженицына²⁷¹), и «Russica» срочно готовила второй тираж. На волне такого успеха издательство заключило с Берберовой договор на сборник ее избранных стихотворений, а также на книгу о масонах.

В том же 1982 году парижское издательство, куда Швейцер отдала свой перевод «Аккомпаниаторши», после длительного промедления выпустило повесть. Берберова получила несколько экземпляров, часть которых раздала знавшим французский знакомым. Отзывы на перевод были самые лестные, чем Берберова поторопилась порадовать переводчицу.

Словом, хорошие новости значительно перевешивали плохие, но зимой настроение и самочувствие Берберовой внезапно пошли на спад, побудив 31 декабря записать в дневнике:

Что-то со мной делается странное: psychosomatic. Усталость сердца, судороги, тоска, ничего не могу, но ничего и не хочется. Думаю, начало конца. Хочется солнца, и легче, когда оно есть. Что-то надо предпринять решительное. Стало вдруг ясно одно: что не важно когда (хоть сейчас), а важно как. Но хорошо бы привести в порядок мои архивы и отдать их в Бейнеке. Боюсь, что на это не хватит сил. Сил меньше, чем было год назад, и иногда мне кажется, что их меньше, чем неделю назад. Но это не так, и когда сияет и греет солнце, то все меняется...²⁷²

Следующий, 1983 год был, видимо, достаточно солнечным, и состояние Берберовой значительно улучшилось. Об этом говорит ее переписка, так как к дневнику она не прикасалась.

Вопреки опасениям Берберовой, у нее хватило сил на то, чтобы подготовить и передать в Бейнеке, где была уже большая часть ее архива, очередную порцию материалов. Она также смогла принять деятельное участие в посвященном Набокову «фестивале», проходившем в апреле в Корнельском университете. К этому «фестивалю» Берберова подготовила доклад под названием «Nabokov's British Ancestry» («Английские предки Владимира Набокова»), который, несколько доработав, опубликовала впоследствии на английском и на русском [Berberova 1985; Берберова 1987].

Во второй половине 1983 года произошло сразу несколько важных событий, которые не могли не поднять настроения Берберовой. Во-первых, она получила свою вторую почетную степень «доктора словесности», врученную ей на торжественной церемонии в Миддлбери. Во-вторых, увидела свет книга Дэвида Бетеа о Ходасевиче, вышедшая в издательстве Принстонского университета, что считалось очень престижным. И наконец, «Russica» выпустила второе издание «Курсива» на русском, о чем Берберова радостно оповестила друзей и знакомых.

Выход второго издания, очевидно, заставил ее серьезно задуматься о продолжении книги. Но писать о своей жизни в Америке она по-прежнему была не готова, считая, что для этого еще не наступило время. Берберова хотела добавить к «Курсиву» еще одну главу, затронув в ней несколько общих тем, перечисленных в сохранившихся в архиве заметках:

Будет написана книга: Предсмертные диалоги, глава восьмая и последняя. Или, может быть, «Моя нонпарель». Там напишу важные вещи: 1. Ars poetica. О творчестве (великом), о коррелятах... 2. О сексе. О людях, у которых секс сложен, как у некоторых ум или у других судьба. Или даже характер. 3. О России. О том, что многие знали, что случится, но не говорили вслух. 4. О Западе. О конце религий (всех). О конце истории²⁷³.

²⁷¹ Письмо от 7 августа 1982 года // Nina Verberova Papers. В. 18. Ф. 494.

²⁷² Запись от 31 декабря 1982 года // Ibid. В. 50. Ф. 1151.

²⁷³ Ibid. В. 47. Ф. 1095.

Правда, из всех пунктов этого плана Берберова развернула в своих заметках только второй:

Касательно § 2. <...> Я постепенно пришла к мысли, что есть несколько групп людей в этой области: 1. Люди без секса 2. Люди спокойного секса 3. Люди двух сексов 4. Люди противоположного притягивающего секса 5. Люди исключительно своего секса 6. Люди преступного секса (растление малолетних, скотоложество и др.). <...> Ни 1, 2, 4, 5, 6... меня никогда не интересовали. <...> Я сама принадлежу к группе 3. Я давно пришла к заключению, что эта группа – самая любопытная, сложная и современная и глубже всех познавшая себя. <...> И самая счастливая²⁷⁴.

Эта тема, очевидно, должна была занять центральное место в «восьмой и последней» главе «Курсива», о чем говорил и выбранный эпитаф. В этом качестве Берберова собиралась использовать фразу «Нет большей тайны, чем жизнь женщины», найденную ею в предисловии ко второму изданию романа Маргерит Юрсенар «Алексис, или Рассуждение о тщетной борьбе» [Yourcenar 1984: VIII]²⁷⁵. Правда, в книге Юрсенар эта фраза относится к добродетельной Монике, не имевшей – в отличие от ее мужа Алексиса – никаких тайных сексуальных склонностей. Но Берберова явно надеялась, что читатель, знакомый с «Алексисом», а также с биографией самой Юрсенар, находившейся в фактическом браке со своей многолетней подругой, сообразит, о чем идет речь.

О том, что именно побудило Берберову откровенно признаться в собственной бисексуальности, можно, разумеется, только гадать. И все же позволю себе предположить, что дело было в появлении некоей книги, вышедшей как раз в 1983 году. Речь идет о книге С. В. Поляковой, в которой впервые открыто обсуждалась бисексуальность Цветаевой, ее связь с Софией Парнок и посвященный Парнок цикл «Подруга» [Полякова 1983]²⁷⁶.

Эту книгу Берберова не только читала, но подробно говорила о ней с друзьями и коллегами, в частности с Малмстадом, написавшим на труд Поляковой доброжелательную рецензию и специально подчеркнувшим значение сообщенной ею информации для понимания биографии и поэзии Цветаевой²⁷⁷.

Берберова, надо заметить, была одной из первых, кто позволил себе намекнуть в «Курсиве» на бисексуальность Цветаевой. Другое дело, что этот намек вызвал недовольство многих читателей, увидевших здесь явное желание скомпрометировать большого поэта, так как любое отклонение от «нормы» обладало в то время мощнейшей стигмой. Неслучайно о собственной бисексуальности, достаточно известной в парижских литературных кругах, Берберова в «Курсиве» предпочла умолчать²⁷⁸.

²⁷⁴ Ibid. «Предсмертные диалоги» с упором на рассуждения Берберовой о сексе приведены (в переводе на английский) в статье [Peterson 2001: 503].

²⁷⁵ Название романа, а также выбранная для эпитафа фраза приводятся по кн. [Юрсенар 2000: 5].

²⁷⁶ Мою догадку косвенно подтверждает совпадение рассуждений Берберовой о «людях двойного секса» с дневниковой записью Цветаевой, процитированной в книге Поляковой: «Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо исключая обычное обратное – какая жуть! А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине), заведомо исключая необычное родное – какая скука!» [Полякова 1983: 102].

²⁷⁷ См.: Malmstad John E. // Slavic Review. 1985. Spring. Vol. 44, № 1. P. 177–179.

²⁷⁸ См., в частности, замечание А. В. Бахраха из его письма Струве: «Я, прочтя эту книгу [«Курсив мой». – И. В.], только пожалел, что выпустил из писем Цветаевой то, что относилось к Берберихе. Хоть она и описывает, будто М<арина> Ц<ветаева> чуть ее в Праге не изнасиловала. Но, даже если предположить, что подобный факт мог иметь место, непонятно, почему он мог вызвать негодование у Берберовой, которая всегда в этой области была “оппортунисткой”» (Письмо от 5 августа 1969 года // Gleb Struve Papers. В. 75. F. 11). См. также запись в дневнике Антонина Ладинского от 25 апреля 1932 года: «На Монпарнасе болтают, что она [Берберова. – И. В.] лезбиянка (так!)» Цит. по: [Ладинский 2021: 47]. О настойчивом стремлении Берберовой скрыть в «Курсиве» собственную бисексуальность идет речь в статье [Peterson 2001: 503–505].

Однако появление книги Поляковой сделало эту тему гораздо более «легитимной» как в отношении Цветаевой, так и в отношении всех остальных представительниц женского пола, чем Берберовой, похоже, захотелось воспользоваться и прояснить ряд моментов собственной биографии. Правда, взявшись за «восьмую и последнюю главу» «Курсива» она в ближайшее время не собиралась (надо было сначала закончить книгу «Люди и ложи»), и эту главу, как показало дальнейшее, она никогда не напишет.

* * *

Весь 1983 год прошел у Берберовой в напряженной работе над книгой о масонах. В начале следующего года она отправилась в Стэнфорд, где провела весь февраль в Институте Гувера, просматривая документы из архива Б. И. Николаевского, занимавшегося, среди прочего, историей русского масонства и собиравшего связанные с этой темой материалы. Вскоре после Стэнфорда Берберова поехала на месяц в центр Вудро Вильсона в Вашингтоне. Практически ежедневные лекции по русской истории и интенсивное общение со специалистами были для Берберовой отнюдь не лишними в отсутствие соответствующего образования.

Все это время она состояла в регулярной переписке с Натаном Смитом. И хотя идея совместного проекта в какой-то момент отпала, они продолжали обмениваться новой информацией, советоваться по важным вопросам и помогать друг другу по мере возможностей²⁷⁹. А потому, закончив в августе 1984 года черновой вариант книги «Люди и ложи», Берберова послала рукопись Смигу, попросив его высказать свое мнение²⁸⁰. И он, разумеется, не отказался.

В целом Смит с энтузиазмом одобрил рукопись. Он отметил, что Берберовой была проделана огромная работа по сбору информации о разветвленной сети масонских организаций, сложившихся в России в начале века. Похвалу Смита вызвала и попытка Берберовой рассмотреть роль масонов в контексте дальнейших событий российской истории. И наконец, Смит особо подчеркнул, что книга Берберовой представляет ценнейший вклад в социальную историю русской эмиграции, где оказались в итоге многие русские масоны²⁸¹.

Что же касается его замечаний, то главное из них заключалось в том, что иные части книги будут непонятны людям, недостаточно знакомым с историей России начала XX века. Явно стараясь это учесть, Берберова специально отметила в предисловии, что книга «написана не только для специалистов, но и для рядового интеллигентного читателя, знающего, что такое Февральская революция, кто такие – “союзники” и кто заключил сепаратный мир с Германией со стороны России, закончив таким образом Первую мировую войну» [Берберова 1986: 5].

Как показало дальнейшее, «рядовой интеллигентный читатель» книгой Берберовой остался в общем доволен, хотя многие сочли несколько скучным длинный список масонов, растянувшийся на много страниц. Этот список представлял собой главный интерес для «специалистов», хотя как раз у них возникнет к книге немало претензий.

Отзывы на книгу «Люди и ложи», написанные американскими историками, были далеко не восторженными, хотя все отмечали наличие в ней крайне ценных и ранее неизвестных архивных материалов и исключительную полноту библиографии²⁸².

²⁷⁹ В статье, посвященной обсуждению архивных источников по истории русского масонства начала века, Смит выражал Берберовой особую благодарность за всестороннюю помощь. См. [Smith 1985: 157].

²⁸⁰ Письмо от 8 августа 1984 года // Nina Berberova Papers. В. 19. F. 520.

²⁸¹ См. письма от 16 сентября и 18 ноября 1984 года // Ibid.

²⁸² См.: Hecht L. // Slavic and East European Journal. 1988. Autumn. Vol. 32, № 3. P. 474–475; Norton B. T. // Russian Review. Vol. 47, № 3. 1988. July. P. 341–342.

Что же касается российских историков, то когда они получили возможность ознакомиться с этим трудом Берберовой («Люди и ложи» впервые появились в шести номерах журнала «Вопросы литературы» за 1990 год), то отнеслись к нему еще более сурово²⁸³. Но, как справедливо заметил О. А. Коростелев, отвечая на критику этой книги, Берберова «писала не только историческое исследование, базирующееся на документах, но одновременно и сам документ, хорошо понимая, что если она не напишет о сотнях и тысячах только ей известных фраз, намеков, догадок и других мелочей, об этом не напишет уже никто» [Коростелев 1997: 388]. Именно поэтому, заключал Коростелев,

...свидетельство современника, даже если он нечаянно или намеренно ошибается, все равно остается для историка драгоценным материалом. В этом отношении содержательная книга Берберовой не имеет себе равных и надолго останется необходимейшим первоисточником для всех историков, даже для тех, кто не разделяет ее взглядов и не согласен с ее оценками [Там же].

* * *

Книгу «Люди и ложи» Берберова написала на удивление быстро, правда, работая чуть ли не круглосуточно. Как она сообщала Лидии Швейцер, «полтора года никуда не ходила и никого не видела, только работала, вставала в шесть и ложилась в девять, в изнеможении»²⁸⁴.

Понятно, что ни сил, ни времени на ведение дневника в это время у Берберовой не было, хотя в 1984 году произошло одно важное для нее событие. В издательстве «Russica» вышел сборник избранных стихотворений Берберовой «Стихи. 1921–1983», который ей давно хотелось издать. Правда, и читатели, и критика встретили этот сборник вполне равнодушно, чего Берберова, видимо, не ожидала. Напечатанная в «Русской мысли» рецензия Шмакова²⁸⁵ была явно написана «по дружбе».

Другим важным событием 1984 года была встреча Берберовой с человеком, знакомство с которым обещало быть интересным и полезным, но оно, в свою очередь, скорее разочаровало. Речь идет о Робине Брюсе Локкарте, сыне дипломата Брюса Локкарта, который, как считала Берберова, сыграл огромную роль в судьбе героини «Железной женщины». Берберовой стало известно, что в январе 1984 года Робин Брюс Локкарт должен появиться в Нью-Йорке (он выставил на Sotheby's архив своего отца²⁸⁶), и она попросила знакомых представить их друг другу. Узнав, что с ним хочет встретиться автор первой биографии Будберг и прочитав в переводе две первые главы, Локкарт охотно согласился найти для Берберовой время, хотя приехал на очень короткий срок и был исключительно занят.

Тогда они увиделись только мимоходом, но с этого момента между ними завязалась переписка. В частности, Локкарт прислал Берберовой неопубликованный очерк своего отца о Будберг. Этот очерк, впрочем, не показался ей интересным. Она расценила его как сплошной панегирик и не выказала удивления, что он не был опу бликован²⁸⁷.

В ходе переписки Локкарт и Берберова договорились, что он приедет к ней в Принстон для подробного разговора, и он действительно прибыл в конце июня того же 1984 года. Об этом визите, продолжавшемся почти четыре часа, Берберова оставила отдельную запись, из которой следует, что разговор шел практически только о Будберг. Правда, ничего мало-мальски нового

²⁸³ См. [Старцев 1989; Хасс 1990].

²⁸⁴ Письмо от 4 марта 1985 года // Nina Berberova Papers. В. 18. Ф. 494

²⁸⁵ Шмаков Г. Н. Берберова. Стихи. 1921–1983 // Русская мысль. № 3601. 1985. 27 дек.

²⁸⁶ После долгих переговоров архив Локкарта был куплен в 1985 году Институтом Гувера.

²⁸⁷ См. письмо Берберовой Локкарту от 7 апреля 1984 года // Nina Berberova Papers. В. 13. Ф. 352.

Берберова от Локкарта тогда не узнала и, похоже, пожалела о потраченном времени. Локкарт же остался очень доволен визитом, был совершенно очарован Берберовой и горел желанием продолжить общение²⁸⁸. Напоследок он выразил надежду, что книга о Будберг появится в скором времени и на английском.

Берберовой тоже хотелось на это надеяться. В письме Лидии Швейцер она описала ситуацию так:

С «Железной женщиной» по-английски дело движется медленно. За это время вышли две книги – одна написанная законным сыном Уэллса. Другая – незаконным. В обеих Мура названа «советским агентом», «двойным агентом», а также сообщается, что Уэллс это знал, но без нее спать не мог, она была ему нужна, и он с этим мирился. Я только робко на это намекнула в своей книге, боясь, что дети ее и внуки пойдут в суд, но им, видимо, – все равно. Между прочим, в обеих книгах взято кое-что из моей книги без указания откуда. Но судиться я не собираюсь – на это нет ни денег, ни времени²⁸⁹.

Действительно, в 1984 году вышло сразу две книги, обе с упором на отношения Уэллса с женщинами. Первая представляла собой полный вариант труда самого Уэллса «Влюбленный Уэллс. Постскрипtum к “Опыту автобиографии”» с предисловием и под редакцией его «законного» сына Джорджа Филиппа Уэллса [Wells 1984]. Вторая книга, «Герберт Уэллс: аспекты жизни», была написана «незаконным» Энтони Уэстом, мать которого, писательница Ребекка Уэст, и Герберт Уэллс никогда не состояли в браке [West 1984].

Конечно, утверждение Берберовой, что в этих книгах есть прямые заимствования из «Железной женщины», вызывает сильные сомнения, но Будберг действительно названа там «советским» и даже «двойным агентом». По логике вещей, столь сенсационная информация должна была привлечь к «Железной женщине» издателей, но издатели продолжали возвращать Берберовой рукопись.

У нее, естественно, имелась своя теория по поводу сложившейся ситуации. Как Берберова написала Локкарту, «отсутствие откровенных любовных сцен и слишком серьезный тон разговора (я буквально цитирую из присланных мне отказов) заставляют издателей сомневаться в нужности этой книги»²⁹⁰.

* * *

Помимо огорчительных новостей, связанных с публикацией книги о Будберг, в самом начале 1985 года пришло еще одно неприятное известие. Как Берберова узнала от Швейцер, парижское издательство, которое согласилось в свое время выпустить перевод «Аккомпаниаторши», закрылось без всяких объяснений. Но самое досадное заключалось в том, что распространением книги Берберовой владельцы издательства так и не занялись, и где находится

²⁸⁸ Локкарт будет продолжать писать Берберовой и говорить с ней по телефону вплоть до конца 1980-х годов.

²⁸⁹ Письмо от 4 марта 1985 года // Nina Berberova Papers. В. 18. Ф. 494.

²⁹⁰ Письмо от 7 апреля 1984 года // Ibid. В. 13. Ф. 352. Те же причины Берберова называла и в написанном существенно раньше письме Джорджу Клайну, сетуя, что издатели не в состоянии оценить содержащийся в ее книге никому не известный материал, включающий историю похищения архива Керенского из его парижской квартиры, а также найденные ею в архиве Гувера неопубликованные материалы, имеющие отношение к Горькому и Парвусу (Письмо от 28 августа 1980 года // Ibid. В. 12. Ф. 312). Замечу, что издателей, возможно, расхолаживали и отзывы на русское издание книги, появившиеся в англоязычной прессе, в которых, наряду с комплиментами, отмечались и недостатки, такие как, скажем, отсутствие ссылок на источники. См.: Frank M. K. // World Literature Today. 1982. Autumn. Vol. 56, № 4. P. 715–716; Kolchevska N. // Russian Review. 1982. October. Vol. 41, № 4. P. 521–522.

оставшийся тираж (если он был напечатан), выяснить не удалось. Как сформулировала расстроенная Швейцер, «“Аккомпаниаторша”, можно сказать, в колодезь упала»²⁹¹.

Швейцер, правда, начала немедленно действовать, а именно посылать перевод в другие французские издательства. Среди этих издательств было и расположенное в Арле издательство «Actes Sud», про которое Швейцер знала, что оно охотно печатает переводную литературу. И действительно, владелец издательства Юбер Ниссен быстро откликнулся, написав сначала Швейцер, а затем и Берберовой.

Ниссен сообщал, что «Аккомпаниаторша» произвела на него очень сильное впечатление и он готов ее немедленно издать, если Берберова даст разрешение на публикацию²⁹². Письмо Ниссена содержало к тому же краткую информацию о его издательстве, молодом (оно существовало к тому времени всего пять лет), но уже создавшем себе стойкую репутацию в мире книготорговцев, литературных критиков и читающей публики²⁹³. Разрешение печатать «Аккомпаниаторшу» Берберова, конечно, Ниссену дала (он обещал выпустить книгу осенью), но была настроена достаточно скептически, учитывая предыдущий опыт.

Впрочем, издательство «Actes Sud» с самого начала вело себя по-деловому. В апреле Берберова получила от них договор, в котором говорилось, что ей полагается вполне солидный аванс и отчисления с продаж. Тираж, в свою очередь, был достаточно приличным, и издательство к тому же позднее решило его увеличить до девяти тысяч экземпляров, то есть до поистине невероятных размеров для книги никому не известного автора²⁹⁴. Берберовой оставалось надеяться, что столь большой тираж разойдется, а Ниссен, похоже, был в этом уверен.

В конце мая того же 1985 года Берберова собиралась в Париж, чтобы вместе с Натаном Смитом докончить разборку архива масонов в Национальной библиотеке. Не сообщая Ниссену о цели своего приезда, Берберова просто ему написала, что будет в Париже в такие-то числа, и предложила встретиться.

В дневнике Ниссена подробно описана его первая встреча с Берберовой в конце мая 1985 года. Они встретились в кафе на площади Сен-Сюльпис, рядом с гостиницей, где Берберова остановилась. Увидев ее, Ниссен был поражен ее молодостью, признаваясь, что никогда бы не дал ей восьмидесяти пяти, максимум – шестьдесят пять. У Ниссена было много вопросов к Берберовой, но она сказала, что на долгий разговор у нее нет сейчас времени, и вообще держалась очень сдержанно, если не холодно²⁹⁵.

Очевидно, что Берберова хотела сначала уяснить для себя, каковы деловые качества Ниссена, сумеет ли он обеспечить книге рекламу и будет ли какой-нибудь резонанс.

* * *

«Аккомпаниаторша» вышла в «Actes Sud» в конце сентября 1985 года, на месяц раньше, чем предполагалось, и вызванный повестью резонанс превзошел все самые смелые ожидания. В первых числах ноября газета «Le Figaro» опубликовала объявление об учреждении новой литературной премии – Prix Femina étranger, которая будет присуждаться за лучшее произведение иностранного автора, переведенное на французский. Там же был напечатан список номинированных на эту премию книг. Составленный в алфавитном порядке, он открывался «Аккомпаниаторшей» Берберовой. В конце ноября стало известно, что Берберова попала

²⁹¹ Письмо от 31 января 1985 года // Nina Berberova Papers. В. 18. F. 494.

²⁹² См. письмо Ниссена Швейцер от 25 января 1985 года, а также письмо Ниссена Берберовой от 16 февраля 1985 года // Ibid. В 1. F. 3.

²⁹³ Письмо от 16 февраля 1985 года // Ibid.

²⁹⁴ См. письмо Швейцер от 17 сентября 1985 года и ответ Берберовой от 30 сентября 1985 года // Ibid. В. 18. F. 494.

²⁹⁵ Запись от 30 мая 1985 года в [Nyssen 1988: 102].

в число финалистов. К немалому огорчению Ниссена, «Аккомпаниаторша» премию не получила, но объем продаж пошел стремительно вверх.

На волне этих событий Берберова снова вернулась к дневнику, к которому не прикасалась больше трех лет. Записи за декабрь 1985 года тщательно фиксируют все телефонные переговоры с Ниссеном, интенсивно шедшие на протяжении всего месяца²⁹⁶. В частности, Ниссен сообщал Берберовой, что с начала декабря было продано шесть тысяч экземпляров, что издательство срочно выпускает второй тираж и что он хочет издать ее другие вещи, причем не только довоенные повести, но и «Железную женщину».

В конце января 1986 года, после очередного телефонного разговора с Ниссеном, Берберова записала в дневнике: «...он сказал, что второе издание продается [по] сто штук в день. Но я действительно на третьем месте на листе бестселлеров, после Р. Л. Стивенсона и Библии (новый перевод)»²⁹⁷.

Успех «Аккомпаниаторши» побудил французских кинематографистов начать серьезные переговоры о съемке по книге художественного фильма, и контракт в итоге был заключен с известным режиссером Клодом Миллером. Журналисты, со своей стороны, хотели сделать серию интервью для телевидения и радио. Сообщая об этом Берберовой, Ниссен попросил ее как можно скорее приехать в Париж, и она согласилась.

Ниссен, разумеется, взял на себя все расходы, и в феврале 1986 года Берберова полетела во Францию (впервые в жизни первым классом). Оказанный прием: телевидение у трапа самолета; интервью с известными журналистами, передача на телевидении, – окончательно убедили ее в реальности успеха. Как Берберова писала Мурлу Баркеру, «2–3 интервью каждый день. Ланчи, торжественные ужины... Верхняя губа опухла от того, что все время приходится говорить. <...> Стараюсь спать ночью хотя бы 6–7 часов. Каждый день моя фотография в газете или в журнале. Продажи растут с каждым днем»²⁹⁸. Почти трехнедельное (с середины февраля по начало марта) пребывание Берберовой в Париже Ниссен, в свою очередь, подробно описал в дневнике.

Через несколько месяцев она снова полетела в Париж, чтобы участвовать в давно запланированной конференции по Ходасевичу и Кузмину. Вдобавок у нее накопились дела в «Actes Sud». Издательство собиралось срочно опубликовать другую повесть Берберовой – «Лакей и девка» в переводе Швейцер, с которой надо было снимать вопросы по тексту. В тот же приезд Берберова позволила себе двухнедельный отдых под Арлем, организованный Ниссеном. Оттуда она отправилась в Милан, где готовился выход «Курсива» на итальянском. В Америке, куда Берберова вернулась в середине августа, ее уже ждали последние корректуры книги «Люди и ложи», которая должна была появиться (и появилась) в конце 1986 года.

Примерно тогда же Берберова стала думать о следующем проекте. В ходе этих размышлений она, очевидно, решила, что настало время рассказать о своей жизни в Америке, и набросала план «Книги». Среди перечисленных в этом плане сюжетов есть и такой: «Реакция на “Аккомпаниаторшу” во Франции – “мы ее не заметили”, “дама 84 лет – автор никому не известной...”»²⁹⁹ Этот сюжет, очевидно, должен был стать заключительным, придав повествованию особую эффектность. После тридцати пяти лет жизни в Америке, начатой буквально с нуля, но ставшей со временем крайне насыщенной и успешной, Берберова как бы снова возвращалась во Францию, и возвращалась триумфально – в качестве автора нашедшей повести.

Как уже говорилось, дальше плана плана «Книги» Берберовой продвинуться не получилось. Причина заключалась в исключительной занятости, которую принес с собой успех во

²⁹⁶ См. записи от 6, 14, 20 и 23 декабря 1985 года // Nina Berberova Papers. В. 50. F. 1152.

²⁹⁷ Запись от 22 января 1986 года // Ibid.

²⁹⁸ Письмо от 22 февраля 1986 года // Ibid.

²⁹⁹ Nina Berberova Collection. В. 5. F. 66.

Франции. Решение Ниссена начать безотлагательно переводить и издавать другие вещи Берберовой означало для нее практически ежедневную работу с переводчиками и чтение гранок. В 1986 году «Actes Sud» выпустил ее повесть «Лакей и девка» в переводе Швейцер (сотрудничество с которой на этом закончилось), а 1987-м – биографию Чайковского, которую, правда, переводить было не нужно: Берберова писала ее на французском, а Журно редактировала перевод.

В 1988 году «Actes Sud» собирался выпустить сразу несколько книг Берберовой: рассказ «Мыслящий тростник» (1958), повесть «Облегчение участи» (1938), получившую в переводе название «Асташев в Париже», и «Железную женщину», названную в переводе «История баронессы Будберг». Эти вещи переводили несколько переводчиков, пришедших на смену Швейцер.

Особенно кропотливой была работа над переводом «Железной женщины», за который взялся по просьбе Ниссена профессор Канского университета, специалист по русской литературе XX века Мишель Нике. Ему удалось убедить Берберову, что проблема издания «Железной женщины» в переводе на другие языки заключается не столько в отсутствии в книге «откровенных любовных сцен», сколько в нарушении баланса между биографией Будберг и слишком подробными экскурсами в историю и политику³⁰⁰. К тому же иные из приводимых Берберовой сведений были давно известны западной аудитории.

В ходе работы над переводом, интенсивно шедшей на протяжении года, Берберова и Нике сократили книгу практически на треть, убрав длинноты и ненужную информацию. Это явно пошло «Железной женщине» на пользу, книга хорошо продавалась, и издательство не только не понесло убытки, но и получило существенную прибыль. (Замечу в скобках, что опыт Нике учтут переводчики «Железной женщины» на английский Сильвестр и Шварц, что им поможет в итоге найти для книги издателя [Berberova 2005]³⁰¹.)

Тем временем Ниссен готовился выпустить ряд других вещей Берберовой – повесть «Воскрешение Моцарта», рассказ «Черная болезнь», биографию Бородина и, главное, «Курсив мой». Одновременно книги Берберовой стали спешно переводиться в других европейских странах, прежде всего в Италии и в Англии. От переводчиков приходили бесчисленные вопросы, затем поступали бесчисленные гранки. Переписку Берберова уже частично вела на компьютере, которым овладела в восемьдесят шесть лет!

Выдержать такую нагрузку в этом возрасте было непросто. Видимо, из-за хронического переутомления у Берберовой стали случаться приступы слабости, во время одного из которых она упала и сломала правую руку.

Берберовой стало трудно выходить из дома, и ей пришлось пропустить ряд публичных мероприятий, включая выступление Андрея Вознесенского. Они познакомились ровно десять лет назад, в 1977 году, сначала встретившись в Национальной галерее в Вашингтоне, а потом на поэтическом вечере Вознесенского в Принстоне. Об этих встречах, как и обо всем для нее значимом, Берберова собиралась рассказать в продолжении автобиографии, считая нужным упомянуть, что после своего выступления в Принстоне Вознесенский при всех поцеловал ей руку. Оказавшись в Америке в 1987 году, он снова планировал выступить в Принстоне. Узнав об этом, Берберова предложила ему приехать пораньше, чтобы они увиделись до его выступления и пообщались наедине. Этот визит Вознесенский позднее опишет так:

³⁰⁰ Нарушение такого баланса Берберова ощущала сама. В одной из ее дневниковых записей говорится о замеченных ею «двух недостатках» книги: «I – первая часть хуже написана: мне о политике менее интересно писать, чем о характере человека и других вещах, и II – часть 4 длинна – можно было бы кое-что выкинуть или разбить как-нибудь – не знаю как...» (Запись от 24 июня 1981 года // Nina Berberova Papers. B. 50. F. 1151).

³⁰¹ К этому времени Берберова давно перешла в мир иной, но, как написали в своем предисловии Шварц и Сильвестр, «Нина была бы рада увидеть, что ее труд наконец появился на английском» [Berberova 2005: XII]. Берберова, несомненно, была бы также рада увидеть, что издание этой книги было крайне благожелательно встречено критиками и читателями.

В чистом, как капитанская каюта, домике темнело красное вино. Хозяйка подарила мне авторский экземпляр своей последней книги «Люди и ложи» о русском зарубежном масонстве. Ей пришлось подписывать левой рукой, а правая, загипсованная, оттопыривалась под углом, как бы приглашая взять ее под руку. Тогда я написал ей в альбом:

Вы выбрали пристань в Принстоне.
Но замерло ч т о, как снег,
в откинута локте гипсовом,
мисс Серебряный век?
<...>
Как ароматна, Господи,
избегнувшая ЧК,
как персиковая косточка,
смуглая ваша щека!..

Порадовавшись стихам, Нина Николаевна заметила: «Но все же, какая же я мисс Серебряный век, Андрюша?»

Это была справедливая женская претензия, я прибавил ей десяток лет. Однако я позволю себе не совсем с ней согласиться. Конечно, она отнюдь не принадлежит к поколению Серебряного века, ее поколение – иного стиля мышления, энергии, вкуса – это дух середины века, но почему-то именно ее, юную Нину Берберову, избрали своей Мисс такие палadini Серебряного века, как Ходасевич и Гумилев? [Вознесенский 1998: 107]³⁰².

Визит Вознесенского был, безусловно, Берберовой приятен, но ее самочувствие и настроение оставляли желать лучшего. Хотя рука сравнительно быстро срослась, Берберова призналась Ниссену, что теперь она может функционировать лишь два часа в сутки, а остальное время проводит на диване, пытаясь читать. Она даже отменила поездку во Францию, запланированную на май.

Встревоженный Ниссен, уже давно собиравшийся в Америку, где у него накопилось несколько дел, решил поторопиться с приездом. В середине июня он прилетел в Нью-Йорк и практически сразу отправился в Принстон, где провел с Берберовой несколько дней. И хотя, на взгляд Ниссена, она выглядела совсем неплохо, да и чувствовала себя бодрее, Берберова не скрывала, что со страхом ждет следующего, 1988 года.

Будучи, в принципе, совершенно не суеверной, она придавала особое значение так называемым «двойным годам», ибо на эти «двойные годы» пришлось важнейшие события ее жизни. А потому двадцать лет назад, в 1977-м, Берберова записала в дневнике: «...к [19]88 году надо подготовиться к концу, полному или частичному»³⁰³.

В рамках такой «подготовки к концу» она собиралась уничтожить письма Журно, но ей, очевидно, хотелось, чтобы сам факт их романа стал известен граду и миру. Она сделала это с помощью Ниссена, дав ему письма и позволив их прочитать, чем он и занимался в течение следующих двух ночей. Одновременно Берберова намекнула, что не будет возражать, если Ниссен упомянет о письмах в своем дневнике, который, как ей было известно, он собирается

³⁰² Эти стихи под названием «У Нины Берберовой» будут опубликованы в начале октября 1988 года в «Литературной газете» (№ 40), и Вознесенский, бывший тогда в Париже, пришлет Берберовой экземпляр с дарственной надписью: «С вечным восхищением – милой Нине Николаевне – Андрей Вознесенский. Париж. 1988». Этот экземпляр «Литературной газеты» сохранился в ее архиве (Nina Berberova Papers. B. 21. F. 616).

³⁰³ Ibid. B. 50. F. 1147.

публиковать. Воспользовавшись разрешением Берберовой, Ниссен упомянет в одной из записей о врученной ему пачке любовных писем, подписанных именем Мина³⁰⁴. Вскоре, очевидно, письма Журно были Берберовой уничтожены.

В ту же встречу она сочла нужным напомнить Ниссену, что после ее смерти права на все российские издания ее произведений автоматически переходят к нему³⁰⁵. К этому времени Берберова уже знала, что в скором времени ее вещи начнут печатать в России, но, очевидно, не исключала, что сама до такого момента не доживет.

* * *

Об изменении отношения советских властей к созданной в эмиграции литературе Берберова впервые услышала летом 1986 года в Париже от приехавших из Советского Союза участников конференции по Ходасевичу и Кузмину. Но отнеслась к такой информации скептически³⁰⁶.

Не прошло, однако, и полугодя, как скепсис Берберовой пошел на убыль. Ей стало известно, что роман Набокова «Защита Лужина» был опубликован в журнале «Москва» (1986. № 12), а несколькими месяцами раньше в шахматном журнале «64» появился фрагмент из «Других берегов». В том же 1986 году в Воронеже был издан сборник повестей и рассказов Замятина. И в Советском Союзе, и за рубежом эти публикации были расценены как «фактическая амнистия писателям-эмигрантам первой волны» [Чупринин 2009: 23–24].

Вознесенский, приехавший в Америку в 1987 году, с жаром это подтвердил, повторив Берберовой примерно то, что он несколько ранее сказал корреспонденту «The New York Times». Вознесенский отметил, что за два года правления Горбачева произошли существеннейшие изменения советской культурной политики, назвав в качестве одного из примеров таких изменений «реабилитацию Набокова, Гумилева и Ходасевича»³⁰⁷.

Другое дело, что воспользоваться такого рода изменениями писателям-эмигрантам первой волны, еще не отошедшим в мир иной, было весьма затруднительно. Большинство – в силу возраста – одолевали болезни, но даже те, кто находился в относительно добром здравии, пробивать свои первые публикации в России не имели ни сил, ни возможностей. Нужны были преданные читатели и почитатели, готовые взять на себя этот труд.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств такой человек нашелся у девятиностидвухлетней Ирины Одоевцевой, тяжело болевшей, бедствовавшей и пребывавшей практически в полной безвестности. В 1986 году в Париже оказалась московская журналистка, пылкая поклонница мемуаров Одоевцевой, и, обнаружив ее в столь плачевном состоянии, предложила вернуться в Советский Союз³⁰⁸. Несмотря на болезни и возраст, Одоевцева охотно приняла предложение и в апреле 1987 года прибыла в Ленинград, где была встречена с большими почестями. Вскоре были изданы ее мемуары «На берегах Невы» и «На берегах Сены». Не обошлось без цензурных купюр, зато тиражи впечатляли:

250 и 500 тысяч экземпляров.

³⁰⁴ См. запись от 23 июня 1987 года в [Nyssen 1988: 239–240]. Со ссылкой на свидетельство Ниссена этот факт будет впоследствии упоминаться в ряде посвященных Берберовой статей. См. [Niqueux 1989: 600; Fraser 1996: 955–956; Peterson 2001: 504]. В статье Петерсон факт бисексуальности Берберовой обсуждается в контексте ее сложной стратегии в разговоре на эту тему в «Курсиве».

³⁰⁵ Запись от 18 мая 1987 года в [Nyssen 1988: 241].

³⁰⁶ В письме к Баркеру от 30 июня 1986 года Берберова писала: «Я тут видела людей из Лен<ин>града» и Москвы. Они говорят, что “Курсив” скоро будет напечатан на дорогой родине. Эти люди не диссиденты и не эмигранты, они возвращаются назад (с моими книгами, теперь на таможне не обыскивают!)». Цит. по: [Barker 2002: 127].

³⁰⁷ *Schmemmann S. Voznesensky, On a Visit Hails Soviet Renaissance // The New York Times. 1987. March 16. Section A. P. 12.*

³⁰⁸ См. подробнее [Одоевцева 1988; Колоницкая 2001].

Берберова возвращаться в Советский Союз не собиралась. Ей очень комфортно жилось в Америке, у нее имелись значительные средства, достаточно крепкое здоровье, а также слава, с каждым годом становившаяся все более громкой. Однако возможность публикации своих произведений в России казалась крайне заманчивой. А потому, когда одна из молодых корреспонденток Берберовой предложила ей в этом плане содействие, она с благодарностью согласилась.

Эту корреспондентку Берберовой звали Е. И. Лубянникова³⁰⁹. По своей основной профессии она была программистом, но все свободное время посвящала изучению Цветаевой с упором на ее эпистолярное наследие, став в дальнейшем известным специалистом в этой области. Еще в начале 1980-х годов Лубянникова попыталась связаться с рядом литераторов первой волны эмиграции с целью прояснить для себя ряд вопросов, но ей почти никто не ответил, а если и ответил, то невразумительно.

Самый четкий и обстоятельный ответ Екатерина Ивановна получила от Берберовой, выразившей готовность помогать ей и дальше. С этого момента между ними началась регулярная переписка, и когда стало понятно, что писателей-эмигрантов начали печатать в России, Лубянникова взяла на себя функции неформального (и, кстати, совершенно безвозмездного) литературного агента Берберовой. Весной 1987 года Екатерина Ивановна принялась энергично обзванивать редакции столичных журналов, предлагая для публикации стихи и прозу Берберовой.

Летом 1987 года Лубянникова обратилась в журнал «Октябрь», где, как уже говорилось, я в это время работала. При разговоре обнаружилось, что главная книга Берберовой – «Курсив мой», была, как ни странно, еще никем не востребована: «Знамя», «Новый мир» и «Дружба народов» – по разным причинам – медлили с ответом. Это означало, что надо действовать быстро, и экземпляр «Курсива» лег на стол начальству. Вскоре вопрос был в принципе решен положительно, о чем Лубянникова немедленно доложила Берберовой. Похоже, что под влиянием этого известия Берберовой стало ясно, что 1988-й «двойной год» будет для нее отнюдь не трагическим, а, напротив, исключительно счастливым³¹⁰.

В январе Берберова снова вернулась к дневнику, тщательно фиксируя в нем все детали, связанные с переговорами с российскими журналами. В записи от 28 января 1988 года, в частности, говорится: «День получения письма от Ек. Ив. Лубянниковой. Звонила Саше [Сумеркину], Смиуту, Мурику и Дэвиду Бетеа. Все был изумлены, обрадованы, потрясены. Возбуждена весь день, с трудом уснула»³¹¹.

Что же в письме Лубянниковой могло вызвать такую реакцию у Берберовой и ее друзей? Видимо, содержавшееся там сообщение, что после полугодичного молчания отозвалась и «Дружба народов», выразив готовность печатать «Курсив»³¹². Таким образом, получалось, что за книгу стали бороться сразу два столичных журнала, находившихся в зените своей популярности. В некоторой растерянности Лубянникова просила Берберову дать указания, как ей следует поступить, и та, подумав, отвечала, что предпочла бы «Октябрь»³¹³.

Понятно, что о публикации в журнале полного текста книги (шестьсот с лишним страниц) речь идти не могла. А потому показалось разумным отобрать для начала большие фраг-

³⁰⁹ В августе 2021 года из Петербурга пришло печальное известие, что Е. И. Лубянникова скоропостижно скончалась. Ей было 68 лет.

³¹⁰ Как покажет дальнейшее, единственной неприятностью, случившейся с Берберовой в 1988 году, будет острое воспаление желчного пузыря, потребовавшее срочного хирургического вмешательства. Операция, однако, пройдет успешно, и Берберова быстро поправится.

³¹¹ Nina Berberova Papers. В. 51. Ф. 1153.

³¹² Письмо от 17 января 1988 года // Ibid. В. 13. Ф. 357.

³¹³ Письмо от 4 февраля 1988 года // Ibid.

менты из первых глав «Курсива» и напечатать их в нескольких номерах подряд³¹⁴. Оставалось выбрать такие фрагменты, которые представили бы *opus magnum* Берберовой в максимально выигрышном свете как для узкой, так и для широкой аудитории (тираж «Октября» составлял к тому времени 240 тысяч и продолжал стремительно расти). Работать с «Курсивом» было поручено мне как человеку, давно знакомому с текстом.

Все это было сообщено Лубянской, а она, в свою очередь, сообщала Берберовой:

Вашей публикацией занимается редактор Ирина Евгеньевна Винокурова... она подтвердила, что публикация одобрена, в настоящее время она расширяет ее объем, возможно, материал пойдет в нескольких номерах и, скорее всего, в осенних. Главный редактор постоянно в зарубежных поездках, и это несколько замедляет ход дела, однако она надеется на благоприятный исход³¹⁵.

Полученные новости Берберовой «очень порадовали», и она просила Лубянскую передать благодарность и «искренние приветы» всем, кто о ней заботится³¹⁶.

Исход дела, как я и надеялась, оказался самым благоприятным. Анонс о намерении «Октября» печатать «Курсив» появился в «Литературной газете» в конце июля 1988 года. Правда, это не помешало другому журналу – «Вопросам литературы», – в свою очередь, готовить «Курсив» к публикации, не пытаясь при этом связаться с «Октябрем»³¹⁷.

В результате первые публикации Берберовой в России – фрагменты «Курсива» – появились в 1988 году сразу в двух журналах: в «Октябре» (№ 10–12) и в «Вопросах литературы» (№ 9–11).

Поздравляя Берберову со столь значительным событием, Лубянская писала:

«Вопли» («Вопросы литературы») опередили «Октябрь», вероятно, им очень этого хотелось. <...> Но они явно поспешили и дали материал по I изданию. В «Октябре», естественно, обиделись, но отнеслись к этому факту спокойно: во-первых, как они считают, от таких фактов не застраховаться, а во-вторых, репутация [Д. М.] Урнова [в то время главного редактора «Вопросов литературы». – И. В.] в литературном мире и до того была не из лучших. К тому же – характер публикуемого материала разный, тиражи 20 000 («Вопли») и 240 000 («Октябрь») несравнимы... Одним словом, у «Октября» нет объективных поводов для уныния и они просят передать Вам, что искренне за Вас рады и шлют Вам свои поздравления³¹⁸.

Примерно тогда же экземпляры журнала были отправлены Берберовой, и они дошли на удивление быстро: 10 ноября. В этот день она записала в своем дневнике: «Пакет взяла. Привезла домой. “Октябрь” № 10 – с 40 стр<аницы> “Курсива”. Пришлось постоять тихо, сердце билось ужасно. Пришла в себя. <...> В “Октябре” было письмо от милой И. Е. Винокуровой...»³¹⁹

³¹⁴ Фрагменты оставшихся глав «Курсива» будут напечатаны в «Октябре» в 1991 году.

³¹⁵ Письмо от 23 апреля 1988 года // Nina Berberova Papers. В. 13. Ф. 357.

³¹⁶ Письмо от 23 мая 1988 года // Ibid.

³¹⁷ Как свидетельствуют сохранившиеся в архиве документы, в такой «накладке» была непосредственно виновата сама Берберова, хотя не собиралась в этом признаваться. Еще до начала переговоров с «Октябрем» она дала «Вопросам литературы» разрешение печатать «Курсив», но ничего не сказала об этом Лубянской. Узнав про решение «Октября», Берберова забыла (или не захотела) как-то уладить возникшую проблему.

³¹⁸ Письмо от 27 октября 1988 года // Nina Berberova Papers. В. 13. Ф. 357. Видимо, из деликатности Лубянская не упомянула, что в сентябрьском номере «Вопросов литературы» редакция журнала с прискорбием сообщала, что Берберова скончалась (!), в спешке не проверив кем-то пушенный слух.

³¹⁹ Запись от 10 ноября 1988 года // Ibid. В. 51. Ф. 1154. Что же касается «Вопросов литературы», то сентябрьский номер журнала Берберова получила существенно позднее. 14 ноября 1988 года она писала Лубянской: «Я слышала, что “Вопросы

Прочитав и тщательно сверив выбранные фрагменты с книгой, Берберова взялась за ответ. «Дорогая Ирина Евгеньевна, – говорилось в письме, – два дня тому назад я получила номер 10 “Октября”. Спасибо Вам за прекрасно сработанный текст. Спасибо за все Ваши заботы обо мне. Вы правы, цензурные купюры минимальны. <...> Если в следующих двух кусках (номера 11 и 12) все будет как в первом, я буду абсолютно счастлива и очень, очень Вам благодарна»³²⁰. А я, в свою очередь, была «абсолютно счастлива», что Берберова осталась довольна не только этим «куском», но и следующими двумя.

На волне бурного успеха «Курсива» (восторженные отзывы пошли практически сразу) и заключения договоров на ряд других публикаций (в частности, в «Дружбе народов» должна была появиться «Железная женщина») Берберова приняла предложение Союза писателей приехать на две недели в Москву и в Ленинград. Сначала речь шла о мае 1989 года, но потом дата приезда передвинулась на сентябрь.

Эти даты были предложены самой Берберовой, так как ей было удобно лететь в Москву из Парижа, где она собиралась быть в любом случае в апреле и в августе. В апреле Ниссен планировал выпустить «Курсив мой», над переводом которого давно уже шла работа. В начале месяца книга увидела свет, вызвав многочисленные хвалебные рецензии, да и читатели проявили нешуточный интерес, о чем говорили объемы продаж. Как записал Ниссен в дневнике, в течение десяти дней раскупили пятнадцать с лишним тысяч экземпляров, и на подходе был второй тираж³²¹.

Но главное, что книга привлекла внимание Бернара Пиво, одного из самых известных французских журналистов и телеведущих. Он вел еженедельную литературную программу «Apostrophes», исключительно популярную у телезрителей: ее смотрело несколько миллионов человек. Пиво обсуждал недавно вышедшие книги, обычно приглашая авторов в студию, и это считалось огромной честью, которой удостаивались только знаменитости.

Достаточно сказать, что из русских писателей Пиво пригласил лишь двоих – Набокова (в 1975-м) и Солженицына (в 1983-м). Третьей стала Берберова, хотя формат передачи был существенно иным. К Набокову в Монтре и к Солженицыну в Вермонт Пиво отправился сам, и беседа проходила один на один. Передача, посвященная Берберовой, должна была идти в парижской студии Пиво, куда он позвал также несколько гостей, от которых ожидалось активное участие в разговоре.

Передача была назначена на самый конец апреля, но Берберова прилетела в Париж на десять дней раньше. В аэропорту ее встречал Ниссен, и, к его немалому изумлению, Берберова вышла из самолета не одна, а под руку с Дианой фон Фюрстенберг, прославленным модельером женской одежды. Их места в самолете случайно оказались рядом, они разговорились и проговорили всю ночь. В аэропорту они очень нежно попрощались друг с другом, но на этом дело не кончилось. Через два дня Берберова получила от фон Фюрстенберг взволнованное письмо, в котором та писала, что до сих пор находится под впечатлением от встречи с нею, желала успешного выступления в передаче Пиво и обещала позвонить по возвращении их обеих в Америку³²².

Берберова, разумеется, была польщена и в принципе не возражала продолжить знакомство с фон Фюрстенберг (оно и продолжилось), но сейчас ее мысли были заняты другим. У Бер-

литературы” (которых, как Вы знаете, я в свое время уведомила о планах “Октября”) тоже в трех номерах начали печатание “Курсива”. Но первый кусок – сентябрьский номер – дойдет до нас только в декабре. А послать его прямо мне – они не догадались. И вообще мне ничего даже не сообщили о самом факте. Если бы из Парижа, куда номер 9 пришел в начале октября, мне не сообщили по телефону о событии, я так до сих пор ничего бы и не знала» (Ibid. В. 13. F. 357).

³²⁰ Письмо от 14 ноября 1988 года // Ibid. В. 21. F. 604.

³²¹ Запись от 21 апреля 1989 года в [Nyssen 1990: 165].

³²² Эта встреча описана в дневнике Ниссена. См. запись от 18 апреля 1989 года в [Ibid.: 164–165].

беровой был назначен в Париже ряд важных встреч, предстояло несколько интервью, но главное, конечно, надо было подготовиться к участию в «Apostrophes».

Как ей сообщил заранее Пиво, он пригласил на передачу французского писателя с российскими корнями Анри Труайя (он родился в Москве, но был увезен в эмиграцию ребенком), философа и романиста Мишеля Турнье, чьи книги Берберова очень ценила, а также Раймонда Девоса, бельгийско-французского автора и исполнителя юмористических скетчей, имя которого было Берберовой неизвестно. И хотя главной темой разговора должно было быть обсуждение автобиографии Берберовой, все приглашенные собирались рассказать и о собственных книгах. А это означало, что ей надо было просмотреть их последние работы.

Берберову волновал и ее французский, который за сорок лет жизни в Америке несколько «заржавел». Она усиленно занималась языком в последние годы, надеясь его восстановить, и, как показало дальнейшее, в этом вполне преуспела.

Передача «Apostrophes» под названием «Чествуя Нину Берберову» («La fête à Nina Berberova») состоялась 28 апреля. В белой блузке и ярко-желтом пиджаке Берберова выглядела очень эффектно, держалась уверенно и совершенно свободно говорила по-французски, хотя и с явным русским акцентом. Она отвечала на вопросы Пиво о своих петербургских детстве и юности, обстановке в России после революции, а также о причинах, побудивших российскую интеллигенцию эмигрировать на Запад. Рассказывая о жизни русских писателей-эмигрантов в Париже, Берберова не стала утаивать почти полное отсутствие контакта с французскими интеллектуалами, которым не хотелось открывать глаза на происходившее в Советском Союзе. Она вкратце рассказала и о том, как сложилась ее карьера в Америке, а затем сообщила, что после семидесятилетнего перерыва собирается поехать в Россию, где начали издавать ее книги³²³. В конце передачи Пиво выразил Берберовой восхищение силой ее таланта и духа, ее энергией и жизнелюбием, и все присутствующие стали аплодировать.

Как и ожидалось, после появления Берберовой в «Apostrophes» продажи ее книг резко пошли вверх. Судя по записи в дневнике Ниссена, в день уходило по три тысячи экземпляров, треть которых приходилось на «Курсив»³²⁴. В следующем году он планировал выпустить еще три книги Берберовой: роман «Мыс Бурь», книгу репортажей «Дело Кравченко», а также «Люди и ложи».

Во время ее пребывания в Париже весной 1989 года произошло еще одно крайне важное событие, о котором Ниссен решил раньше времени ей не говорить. Среди поклонников творчества Берберовой оказался Жак Ланг, тогдашний министр культуры Франции. На одном из приемов, где был и Ниссен, Ланг объявил, что считал бы справедливым присвоить Берберовой звание кавалера ордена Искусств и Литературы, учрежденного для награждения выдающихся деятелей культуры³²⁵. Предложение Ланга должен был утвердить специальный совет, и, когда все было утверждено, Ниссен сообщил Берберовой, что в начале июня в мэрии Арля ей будет вручена престижная награда и что он просит ее приехать. О чем идет речь, Ниссен не сказал, желая сделать Берберовой сюрприз.

Она охотно согласилась приехать (и даже захватила с собой Мурла Баркера), хотя не ожидала ничего особенного. Утром 6 июня Берберова, Баркер, Ниссен и еще несколько приглашенных отправились в мэрию, где должна была состояться церемония награждения. Только тогда Берберова узнала, что ей присвоено звание кавалера ордена Искусств и Литературы. В радостном изумлении она шепнула Ниссену: «Это ты все устроил!»³²⁶

³²³ См.: La fête à Nina Berberova. URL: <https://www.imdb.com/title/tt7893360/> (дата обращения: 09.10.2022).

³²⁴ Запись от 5 мая 1989 года в [Nyssen 1990: 174].

³²⁵ Запись от 24 апреля 1989 года в [Ibid.: 168].

³²⁶ Запись от 6 июня 1989 года в [Ibid.: 193].

Начиная с конца весны Берберову не оставляло беспокойство, что ее поездка в Россию, перенесенная на сентябрь, не состоится. «Я не знаю, смогут ли в консульстве в Вашингтоне успеть выслать мне визу... – писала мне Берберова в июле 1989 года. – Я должна в начале августа выехать по делам во Францию. В СССР я приглашена приехать от 5 до 19 сентября. Если визы не будет 1 августа, я приехать не смогу»³²⁷.

Виза была ею получена вовремя. Как и планировалось, Берберова летела в Москву из Парижа, и – в соответствии со своим новым статусом – в сопровождении целой свиты, включавшей Ниссена, его жену, одну из сотрудниц издательства и телевизионную группу³²⁸.

* * *

Собираясь в Россию, Берберова, несомненно, рассчитывала на теплый прием, но такого, какой был ей оказан, ожидала вряд ли. Это стало ясно уже в аэропорту, где ее моментально окружила толпа почитателей (человек 70–80, по ее позднейшей прикидке³²⁹). В основном это были люди, с кем Берберова состояла в переписке или кто уже навещал ее в Принстоне и кому было известно, каким рейсом она прилетает и где ее надо встречать. Но, конечно, подлинный масштаб интереса к своей личности Берберова почувствовала позднее – на своих выступлениях перед большими и малыми аудиториями, проходивших практически ежедневно.

Первое выступление Берберовой состоялось в Доме культуры МАИ (Московского авиационного института) 7 сентября, то есть через день после приезда. Вместительный зал, рассчитанный на тысячу с лишним зрителей, был заполнен, что называется, под завязку, включая амфитеатр и балкон.

Вечер открыл Андрей Вознесенский, рассказавший об обстоятельствах своей последней встречи с Берберовой в Принстоне и прочитавший посвященное ей стихотворение. После Вознесенского выступил Д. М. Урнов, в то время главный редактор журнала «Вопросы литературы», сообщив, что начиная с 1990 года журнал собирается печатать книгу Берберовой «Люди и ложи. История русского масонства XX века», чем вызвал заметное оживление в зале. Затем слово было предоставлено Берберовой. Сначала она читала три отрывка из «Курсива», потом стихи Ходасевича по только что вышедшему в «Библиотеке поэта» тому, потом несколько собственных стихотворений, а потом отвечала на вопросы из зала.

Этот вечер снимало российское телевидение, и из отснятого материала был смонтирован полуторачасовой фильм, названный «Нина Берберова. 67 лет спустя» (режиссер Юрий Кротенко), который доступен на сайте YouTube³³⁰.

Интерес к культуре русского зарубежья в целом и к Берберовой в частности был в это время на пике. Отношение пришедшей на вечер публики было, по моим наблюдениям, в основном доброжелательным, а одной из главных эмоций в зале было все возраставшее изумление перед физической и умственной сохранностью восьмидесятивосьмилетней Берберовой (вопрос о годе ее рождения был задан одним из первых).

Присутствующий на вечере Евгений Евтушенко впоследствии передаст свои впечатления так:

Почти 90-летняя женщина с полными живости узко разрезанными глазами, с милым, чуть обезьяньим личиком, нисколько не потерявшим обаяния из-за сетки морщин, молодо пружиня на стройных ногах, легко

³²⁷ Письмо от 5 июля 1989 года // Архив И. Е. Винокуровой.

³²⁸ Снятые в Москве и Ленинграде кадры войдут в сделанный Юбером Ниссенем и Ги Селигманом документальный телевизионный фильм «Nina Berberova» (1997).

³²⁹ Запись от 5 сентября 1989 года // Nina Berberova Papers. В. 51. F. 1153.

³³⁰ URL: <https://youtu.be/z3R0hVZ4d7Y> (дата обращения: 09.10.2022).

поднялась на сцену и дала двухчасовой урок словесного фехтования в грациозном стиле петербургских и парижских эмигрантских салонов перед залом, где, казалось, все искрило от энтузиазма первых лет перестройки...³³¹

Впрочем, на этом вечере случился один весьма неприятный эпизод, о котором напишет филолог С. И. Богатырева, дочь писателя И. И. Бернштейна, давнего знакомого, а впоследствии и корреспондента Берберовой. Как вспоминает Богатырева, среди публики оказались члены ныне забытого, но в то время громко о себе заявлявшего общества «Память», от которых тоже пошли записки.

Прозвучавшая на вечере информация о книге Берберовой о масонах дала удобный повод задавать ей вопросы на эту тему, имевшую для членов «Памяти» определенные коннотации. Проясняя для читателя эти коннотации, Богатырева пишет:

О том, кто такие масоны, в частности, русские масоны, и какую роль довелось им сыграть в исторических катаклизмах минувшего века, они понятия не имели, зато знали словосочетание «жидомасоны», где первая часть существенно перевешивала вторую: важно было, что «жидо», а «масоны» воспринималось в качестве уточнения, на манер эпитета. Короче: образ врага, губителя России. С таких позиций на Берберову посыпались вопросы: кто и когда состоял в масонах (читай: в губителях)? Неприличное «жидо-» то опускалось, то возникало, но националистической подоплеки вопросов и провокационного их характера Н. Н. не ощущала, принимала за чистую монету и отвечала с академической четкостью: называла даты, высказывала предположения и делилась сомнениями в тех случаях, когда у нее не имелось точных сведений. Правда, на вопрос о том, явилась ли революция в России результатом жидомасонского заговора, она отозвалась веселым смехом – зал откликнулся смехом, но не сказать, чтобы дружным [Богатырева 2015: 126–127].

Надо отдать должное С. И. Богатыревой, запомнившей и подробно рассказавшей об этом эпизоде, но я бы хотела внести одно важное уточнение: Берберова прекрасно понимала и «националистическую подоплеку» подобных вопросов, и их «провокационный характер». Еще до приезда в Россию она была наслышана о «Памяти» и идеологии этого общества, принявшей особо агрессивный характер как раз к концу 1980-х³³². Другое дело, что, стараясь не дать разгореться скандалу, Берберова сначала делала вид, что не понимает истинной сути вопросов, отвечая с «академической четкостью», в другой раз просто рассмеялась, подчеркнув таким образом абсурдность того, о чем ее спрашивали, но в какой-то момент не выдержала. Прочитав очередную записку, Берберова упомянула о существовавшей в начале века в России антисемитской организации «Черная сотня», вызывавшей презрение всех мало-мальски культурных людей, заметив при этом, что подобные организации имеют тенденцию возрождаться.

Словом, Берберова была вполне готова к такого рода инциденту, но он оказался первым и последним. Ничего подобного не было ни на одном из других выступлений Берберовой – ни в редакции журнала «Вопросы литературы», ни в Доме ученых, ни в Институте мировой литературы, ни в Музее Маяковского, ни в обществе «Возвращение», ни на встрече со студентами МГУ, хотя в аудитории тогда собралось триста с лишним человек.

Не было подобных инцидентов и в Ленинграде, куда Берберова отправилась на несколько дней из Москвы. В Ленинграде ее главным публичным выступлением был вечер в Доме писа-

³³¹ *Евтушенко Е.* Одинокая уминица // Новые известия. 2006. 3 нояб. URL: <https://newizv.ru/news/culture/03-11-2006/57479-odinokaja-umnica> (дата обращения: 09.10.2022).

³³² См. беседу Феликса Медведева с Берберовой, сделанную в августе 1989 года [Медведев 1996б: 618].

телей, и хотя там ей тоже задавали вопросы о масонах, они были заданы с диаметрально противоположной целью: расставить точки над *i* в разговорах о «жидомасонстве». Подробный репортаж с этого вечера был подготовлен М. Мейлахом и опубликован сначала в газете «Русская мысль» (1989. 20 окт.), а затем перепечатан в журнале «Литературное обозрение»³³³.

Конечно, вопросы, которые задавали Берберовой на ее выступлениях в Москве и в Ленинграде, во многом повторялись. Ее спрашивали о Гумилеве (публике было известно, что Берберова была его последней влюбленностью), о ее отношении к Горькому, Бунину, Цветаевой, Набокову, Пастернаку... Спрашивали о Ходасевиче, но в этом случае Берберова неизменно отвечала, что все, что могла о нем рассказать, уже рассказала в «Курсиве».

Московскую публику интересовали и оказавшиеся в эмиграции видные политики (прежде всего Керенский), а также агенты Кремля (в частности Плевицкая) и «невозвращенцы» (В. А. Кравченко, Ф. Ф. Раскольников). Ленинградцы больше спрашивали о «петербуржцах» – Бродском и Ирине Одоевцевой. Ожидалось, что на вечере будет присутствовать подруга Берберовой по студии «Звучащая раковина» И. М. Наппельбаум, но она прийти не смогла. Сама Берберова, однако, уже с ней повидалась, навестив Наппельбаум сразу по приезде в Ленинград³³⁴.

Несмотря на исключительно напряженный темп, в котором Берберова жила эти две недели в России, она делала краткие записи в маленьком блокноте, отмечая, где в этот день была, включая редакции журналов, где выступала, кому дала интервью (а интервью она давала практически каждый день) и с кем встречалась. Видимо, Берберова собиралась позднее перенести эти записи в тетрадь и, возможно, расширить, но сделать это не собралась, а просто вложила в тетрадь листки из блокнота.

20 сентября Берберова улетела в Париж и до конца сентября пробыла во Франции, а затем вернулась в Принстон.

* * *

От поездки в Россию Берберова чрезвычайно устала и за десять дней отдыха во Франции от усталости не отошла. О том, чтобы продолжить вести дневник, речь явно идти не могла, и даже переписка на какое-то время практически прекратилась. А потому о главных событиях жизни Берберовой в следующие восемь месяцев мы узнаем из записей Юбера Ниссена, с которым она каждое воскресенье говорила по телефону.

Одним из важных событий осени 1989 года был визит к Берберовой Мстислава Ростроповича. В начале октября он приехал к ней в Принстон, они долго беседовали, и часть этой беседы под названием «Дуэт изгнанников» Ростропович поместил в сдвоенный номер французского издания *Vogue* (декабрь 1989 – январь 1990), который он сам редактировал (рождественские номера журнала составляли, по давней традиции, знаменитости разных профессий)³³⁵. Как Берберова рассказала Ниссену, Ростропович спросил ее, ехать ли ему на гастроли в Россию, и она твердо сказала, что обязательно ехать³³⁶. И хотя Ростропович какое-то время еще колебался, он вскоре в Россию отправился.

В дневнике Ниссена также отмечено, что на начало ноября у Берберовой было запланировано серьезное светское мероприятие. Диана фон Фюрстенберг собиралась устроить прием в ее честь в своей нью-йоркской квартире.

³³³ «Не прошло и семидесяти лет...»: Нина Берберова в России // Литературное обозрение. 1990. № 1. С. 68–73.

³³⁴ Запись от 11 сентября 1989 года // Nina Berberova Papers. B. 51. F. 1154.

³³⁵ Mstislav Rostropovitch – Nina Berberova: duo d'exil // *Vogue Paris*. № 702. December 1989 – January 1990. P. 208–210.

³³⁶ Запись от 8 октября 1989 года в [Nyssen 1997: 15].

Позвонив Берберовой в двадцатых числах октября, фон Фюрстенберг сообщила ей о своих планах и просила обязательно приехать, сказав, что уже пригласила много интересных людей, жаждущих с ней познакомиться³³⁷. И хотя сил у Берберовой было по-прежнему мало, она не сочла возможным ответить отказом. К тому же фон Фюрстенберг проявила нешуточную заботу: она сняла номер в отеле, где Берберова могла отдохнуть и до, и после приема, а также прислала за ней лимузин. Эта последняя деталь произвела на Берберову особое впечатление, чем она не преминула поделиться с Ниссеном: «Еще несколько лет назад никто бы не стал присылать за мною машину, никого бы не волновало, как я буду добираться»³³⁸.

Вернувшись в Пристон, Берберова доложила Ниссену, что фон Фюрстенберг созвала огромное количество народа. Там, в частности, присутствовал Бродский, но на этот раз он был в плохом настроении, и приятного общения не получилось. Зато у Берберовой был долгий и интересный разговор с Эдом Кочем, тогдашним мэром Нью-Йорка³³⁹. На том же приеме была сделана фотография сидящей в кресле Берберовой и примостившейся рядом фон Фюрстенберг. Эту фотографию фон Фюрстенберг поместит позднее в свою автобиографическую книгу. В подписи под фотографией будет кратко рассказана история ее знакомства с Берберовой, названной «выдающейся русской писательницей, уехавшей из России с Горьким (sic! – *И. В.*)»³⁴⁰.

Позвонив Берберовой перед Новым годом, чтобы поздравить ее с наступающим праздником, Ниссен с удивлением обнаружил, что в новогоднюю ночь она будет одна. Ему, очевидно, не приходило и в голову, что Берберова уже много лет проводила Рождество и Новый год в одиночестве. Она неизменно настаивала, что такая ситуация ее полностью устраивает, и даже записала в своем дневнике в одну из новогодних ночей: «Хорошо быть одной. Не надо делать усилий, не надо притворяться и тратить силы по пустякам»³⁴¹.

И все же трудно поверить, что Берберова была совершенно искренна даже сама с собой. Уж больно горячо она заявляла, что терпеть не может Рождество и Новый год, считая их «самыми скучными днями в году»³⁴². Похоже, что в эти традиционно семейные праздники отсутствие детей и внуков уже не казалось Берберовой «главным подарком», за который, по ее уверениям, она «с утра до вечера благодарна судьбе»³⁴³. Свою нелюбовь к Рождеству и Новому году она была склонна объяснять тем досаднейшим обстоятельством, что в эти дни закрыты все библиотеки.

31 декабря Берберова обычно подводила итоги за год, но в 1989-м не оставила даже самой краткой записи. Причиной было сильнейшее переутомление, от которого она продолжала страдать и в первые месяцы 1990 года. Настроение, видимо, также портило то, что ситуация с фильмом по повести «Аккомпаниаторша», который должен был делать Клод Миллер, оставалась по-прежнему непроясненной. Берберова удивлялась и возмущалась, а Ниссен не мог ей сказать ничего утешительного. Ему удалось узнать только то, что Миллер долго находился в депрессии, работа над фильмом была приостановлена, но вроде бы скоро должна возобновиться³⁴⁴.

В начале марта, однако, Ниссен смог порадовать Берберову приятной новостью, правда, из совсем другой области. Было объявлено, что за свою автобиографию она получила французскую литературную премию Гутенберга. Учредители премии сочли «Курсив мой», издан-

³³⁷ См. письмо фон Фюрстенберг Берберовой от 25 октября 1989 года // *Nina Berberova Papers*. В. 8. F. 191.

³³⁸ Запись от 22 октября 1989 года в [Nyssen 1997: 19].

³³⁹ Запись от 5 ноября 1989 года в [Ibid.: 21].

³⁴⁰ См. [Furstenberg 1998].

³⁴¹ Запись от 31 декабря 1982 года // *Nina Berberova Papers*. В. 50. F. 1151.

³⁴² См. запись от 25 декабря 1971 года // *Ibid.* В. 50. F. 1146.

³⁴³ Запись от 22 июня 1974 года // *Ibid.* В. 50. F. 1147.

³⁴⁴ Запись от 24 января 1991 года в [Nyssen 1997: 133].

ный в «Actes Sud», лучшим произведением документального жанра, вышедшим во Франции в 1989 году³⁴⁵.

Предполагалось, что Берберова прилетит в Париж, чтобы лично получить эту премию, но в последний момент она отменила полет из-за плохого самочувствия. Берберова попросила Ниссена получить эту премию за нее, а заодно сочинить и благодарственную речь, на которую в тот момент у нее тоже не было сил³⁴⁶.

Торжественное вручение премии Гутенберга состоялось 21 марта, и после окончания церемонии Ниссен позвонил Берберовой, чтобы отчитаться. Она, естественно, начала разговор с выражения благодарности, но затем сообщила, что получила за это время интереснейшее известие.

Один из знакомых Берберовой по Принстону, близко друживший с Жаклин Кеннеди-Онассис, дал ей прочесть французское издание «Аккомпаниаторши», и повесть ей очень понравилась³⁴⁷. Берберова тут же напечатала и отправила Кеннеди-Онассис несколько других своих книг, изданных в «Actes Sud», и та немедленно откликнулась чрезвычайно любезным письмом. Кеннеди-Онассис благодарила Берберову за дарственные надписи и, конечно, за сами книги, добавляя, что «ей не терпится начать их читать»³⁴⁸.

И Берберова, и Ниссен отлично понимали, что содействие Кеннеди-Онассис, работавшей в это время в крупнейшем американском издательстве «Doubleday», может помочь решить проблему, которую решить пока не удавалось. Ниссен, получивший к тому времени права на большинство произведений Берберовой, подписал уже немало контрактов с итальянскими, немецкими, британскими и другими европейскими издателями, но американцы, как ни странно, не проявляли интереса. Теперь же появилась надежда, что дело сдвинется с места.

И действительно, повести Берберовой произвели на Кеннеди-Онассис столь сильное впечатление, что она предложила составить из них сборник и попробовать его издать в «Doubleday». Когда ее начальство отклонило этот проект, усомнившись в его прибыльности, Кеннеди-Онассис тут же сосватала книгу в меньшее по размеру, но не менее престижное издательство «Alfred A. Knopf», лично позвонив его президенту и главному редактору³⁴⁹. «Knopf» стало готовить сборник к печати, надеясь выпустить его к середине следующего года. Это выглядело вполне реальным, так как повести Берберовой, которые должны были войти в этот сборник, уже были переведены на английский³⁵⁰.

В середине мая того же года Кеннеди-Онассис навестила Берберову в Принстоне. Визит прошел очень удачно: Кеннеди-Онассис, показавшаяся Берберовой красивой и на удивление молодой, держалась не только тепло, но скромно и даже застенчиво. Жаклин, как ее теперь называла Берберова в разговорах с Ниссеном, считала, что «Курсив» тоже должен быть отдан в издательство «Knopf», и как можно скорее. На робкое замечание Ниссена, что надо бы сначала заключить договор, Берберова сказала: «доверимся Жаклин»³⁵¹. То, что у нее были все основания так говорить, подтвердило и пришедшее вскоре письмо. Кеннеди-Онассис писала,

³⁴⁵ Запись от 8 марта 1990 года в [Ibid.: 51]. Как Ниссен узнает впоследствии, этим знакомым был архитектор Уильям ЛаРиш.

³⁴⁶ Запись от 9 марта 1990 года в [Ibid.: 51–52].

³⁴⁷ Запись от 21 марта 1990 года в [Ibid.: 56].

³⁴⁸ Письмо от 29 марта 1990 года // Nina Berberova Papers. В. 15. Ф. 430.

³⁴⁹ Эти подробности станут известны из разговора Ниссена с Кеннеди-Онассис, с которой он встретился в сентябре 1990 года (Запись от 12 сентября 1990 года в [Nyssen 1997: 96]).

³⁵⁰ Перевод был сделан Мариан Шварц для лондонского издательства «Chatto & Windus», в котором они вышли в двух томах. См.: *Berberova N. Three Novels*, 1990; *Berberova N. Three Novels: The Second Volume*, 1991.

³⁵¹ См. запись от 13 мая 1990 года в [Nyssen 1997: 67–68].

что была счастлива познакомиться с книгами Берберовой, которые «произвели на нее глубочайшее впечатление», и была не менее счастлива познакомиться с нею лично³⁵².

* * *

Эти новости сильно ободрили Берберову, улучшив ее состояние настолько, что она начала обсуждать с Ниссенем летние планы. Судя по его дневнику, Берберова была намерена приехать в июле во Францию и провести там месяц с лишним.

Она собиралась работать с переводчиками (в 1990 году «Actes Sud» готовился выпустить две ее книги – «Люди и ложи» и «Процесс Кравченко»), а также отдохнуть в Нормандии, в городке Довиль, знаменитом своими пляжами. В конце разговора Берберова даже игриво добавила: «У меня больше нет вечернего платья, и мне не в чем будет танцевать с миллионерами»³⁵³.

Берберова прилетела в Париж в самом конце июня. Она остановилась, как не раз уже делала, у своей переводчицы и приятельницы Александры Плетневой-Бутен, жившей в большой квартире в районе Пасси, с которым у Берберовой было связано столько воспоминаний (в частности, там находились квартиры Мережковских и Буниных). Плетнева-Бутен, родителей которой Берберова знала сначала по Парижу, а затем по Нью-Йорку, перевела ее книгу «Люди и ложи», и за время совместной работы над переводом они подружились³⁵⁴. Через несколько дней Берберова вместе с Плетневой отправилась в Довиль, где провела почти три недели.

После отъезда Берберовой в Нормандию Ниссен наконец получил сценарий, по которому Клод Миллер собирался снимать «Аккомпаниаторшу», и обнаружил там серьезнейшие отклонения от сюжета повести. Вместо послереволюционного Петербурга, где главная героиня познакомилась с певицей Марией Николаевной Травиной и стала ее аккомпаниаторшей, совместного бегства за границу и жизни в Париже в начале 1920-х в фильме все действие происходит зимой 1942 года в оккупированной нацистами Франции.

В сильнейшем волнении Ниссен доложил об этом Берберовой, но она не проявила ни беспокойства, ни раздражения, а только сказала, что в титрах должно быть ясно указано, что фильм снят «по мотивам» ее повести³⁵⁵. Ниссен сообщил об этом Миллеру, и тот именно так и поступил.

После Довиля Берберова отправилась на две недели в Параду, поместье Ниссена под Арлем, а затем вернулась домой. Каждое воскресенье она по-прежнему говорила с Ниссенем по телефону, уверяя, что все у нее в порядке. На самом деле это было не так. Вскоре по возвращении Берберовой в Принстон взволнованный Баркер сообщил Ниссену, что она стала крайне неосторожно водить машину и что это не может не кончиться катастрофой. Но убедить Берберову не садиться за руль не представлялось возможным. Единственный выход из положения Ниссен и Баркер видели в том, чтобы Берберова уехала из Принстона и стала жить в таком месте, где машина была бы заведомо ей не нужна³⁵⁶.

³⁵² Письмо от 17 мая 1990 года // Nina Berberova Papers. В. 15. F. 430. После визита в Принстон Кеннеди-Онассис распорядилась ежемесячно доставлять Берберовой корзину фруктов, но этот жест вызвал не благодарность, а крайнее недовольство. Берберова, очевидно, увидела в нем нечто покровительственное, возможно, спровоцированное впечатлением от скромности, если не сказать убогости ее жилища в Принстоне. «Я чувствую себя униженной от такого рода подарков, мне неприятно получать эти фрукты», – приводит Ниссен слова Берберовой (Запись от 12 сентября 1992 года в [Nyssen 1997: 240]).

³⁵³ Запись от 13 мая 1990 года в [Ibid.: 68].

³⁵⁴ Плетнева-Бутен станет переводчицей и нескольких других вещей Берберовой. Ею будут переведены сборник рассказов «Биянкурские праздники» (названный в переводе «Chroniques de Billancou»), вышедший в 1992-м; рассказ «Памяти Шлимана» («La mémoire de Schielmann»), появившийся в 1993-м, а также роман «Последние и первые» («Les derniers et les premiers»), изданный в 2006-м.

³⁵⁵ Запись от 5 июля 1990 года в [Nyssen 1997: 72–73].

³⁵⁶ Этот эпизод подробно описан в воспоминаниях Баркера «Тридцать три года с Ниной» (Thirty-Three Years with Nina //

Самым логичным выбором представлялась Филадельфия, где давно обосновался Баркер, готовый найти для Берберовой квартиру неподалеку от собственного дома и взять на себя все бытовые заботы. Проблемы денег не существовало, так как после триумфа книг Берберовой во Франции, а затем и в других европейских странах у нее появились значительные средства³⁵⁷. Берберова могла себе позволить купить комфортабельное жилье в самом лучшем районе города, и Баркер стал потихоньку подыскивать ей таковое. Он остановился в итоге на квартире в многоэтажном доме, построенном по проекту архитектора Пэя, чье имя в это время было у всех на слуху. Именно Пэй спроектировал стеклянную пирамиду Лувра, достроенную год назад.

Ранней осенью Баркер осторожно завел разговор с Берберовой о переезде в Филадельфию, и она – к немалому облегчению и его самого, и приехавшего в Принстон Ниссена – сказала, что ничего не имеет против³⁵⁸. В результате была куплена квартира на десятом этаже в доме Пэя, из окон которой открывался замечательный вид на реку Делавэр. В ноябре Берберова переехала в свое новое жилье, которым осталась очень довольна.

* * *

Как показало дальнейшее, переезд Берберовой в Филадельфию произошел исключительно вовремя: через три месяца, в феврале 1991 года, у нее обнаружили рак груди³⁵⁹. Была сделана срочная операция, несколько дней Берберова находилась в больнице, но дома нужна была постоянная помощь. Все это время Баркер был рядом с нею, организовывал необходимый уход и брал на себя все другие заботы.

Берберова рассказала Ниссену о случившемся только после возвращения из больницы. Она сообщила, что врачи обнаружили у нее маленькую опухоль, что операция была пустяковая и что она быстро приходит в себя³⁶⁰. Берберова действительно пришла в себя относительно быстро, хотя Ниссен, приехавший в Филадельфию в конце апреля, нашел, что выглядит она не идеально. Тем не менее Берберова была на ногах, выходила из дома, принимала посетителей и давала интервью.

В то же самое время она явно понимала всю серьезность своего положения и непредсказуемость дальнейшего развития событий. Неслучайно именно в этот приезд Ниссена Берберова решила открыть ему некую тайну, которую собиралась держать при себе вплоть до самой кончины. Эта тайна касалась ее интимной жизни с Ходасевичем, который, как с изумлением выяснил Ниссен, был в этом плане тяжелым инвалидом. И, хотя Берберова боялась, что Ходасевич покончит с собой, ее уход от него был неизбежен, «так как иначе [она] бы сошла с ума»³⁶¹. Этот разговор произвел на Ниссена столь сильное впечатление, что он двое суток не мог прийти в себя.

В тот же приезд в Филадельфию Ниссена ждала еще одна неожиданность. На прощание Берберова подарила ему книгу, с которой, очевидно, ей было непросто расстаться. Это был сборник Бодлера «Мое обнаженное сердце» («Mon coeur mis à nu»), купленный Берберовой

Nina Berberova Collection. B. 5. F. 71).

³⁵⁷ В начале марта 1990 года Берберова передала Ниссену глобальные права на все свои произведения, получив взамен гарантированный (и весьма солидный) пожизненный доход. Подписав контракт, как отметил в своем дневнике Ниссен, Берберова сказала, что теперь она «впервые и уже навсегда свободна от нужды» (Запись от 3 марта 1990 года в [Nysen 1997: 49]).

³⁵⁸ *Thirty-Three Years with Nina* // Nina Berberova Collection. B. 5. F. 71.

³⁵⁹ Ниссен узнал об этом от Баркера, который просил ничего не говорить Берберовой, пока она сама ему об этом не скажет. См. дневниковую запись Ниссена от 16 февраля 1991 года в [Nysen 1997: 142].

³⁶⁰ Запись от 23 февраля 1991 года в [Ibid.: 144].

³⁶¹ Запись от 22 апреля 1991 года. Несколько позднее Берберова коснется этой деликатной темы в беседе с журналисткой Кеннеди Фрейзер, заметив, что Ходасевич не был в смысле секса «нормальным мужчиной» [Fraser 1996: 49].

еще в парижские годы и непосредственно связанный с начальным периодом ее романа с Журно. В сборник была вложена прядь рыжевато-белокурых волос, а на полях были записи о любовных свиданиях³⁶².

Опасаясь, что опухоль уже дала метастазы и что ее ждет мучительный конец, Берберова приняла серьезное решение: ни при каких обстоятельствах не возвращаться в больницу, а покончить с собой. Она обратилась в организацию с поэтическим названием «Болиголов» («Hemlock»), которая видела свою миссию в том, чтобы помогать неизлечимо больным быстро и безболезненно уйти из жизни³⁶³. Именно тогда Берберова получила из этой организации книгу ее основателя, англо-американского журналиста Дерека Хамфри «Дай мне умереть до того, как проснусь» («Let me die before I wake»). Только что вышедшая книга Хамфри представляла собой подробную инструкцию, какие для этой цели надо принять таблетки и что делать дальше. Она сохранилась в домашней библиотеке Берберовой, в которой также имелась брошюра «Умереть с достоинством» («Death with dignity»), выпущенная аналогичным обществом в середине 1970-х.

³⁶² Запись от 23 апреля 1991 года в [Nyssen 1997: 151].

³⁶³ Название «Болиголов» было выбрано не случайно, так как это растение, разновидностью которого является цикута, чрезвычайно ядовито.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.